

САНДИНО

С. Тонионский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 11

(406)

МОСКВА

1965

С. Тонионский

САНДИНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

9(И)7
Г65

A. C. Sandline

К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Здесь, в Советском Союзе, я испытал огромное удовлетворение, прочитав рукопись подготавливаемой к печати книги, посвященной жизни нашего великого национального героя Аугусто Сесара Сандино Эта книга — результат многолетнего труда советского ученого профессора Семена Александровича Гонионского. Никарагуанца, приезжающего в Советский Союз, всякий раз потрясают достижения великого советского народа, достижения, похожие на чудо Я пишу эти строки, а радио сообщает всему миру ошеломляющую новость: в космос запущен новый космический корабль, на борту которого — впервые в истории! — находятся три космонавта И мне кажется логичным и естественным, что в СССР, стране разносторонних интересов, привлёк внимание образ нашего великого борца за свободу.

Книга профессора С. А. Гонионского «Сандино», предисловие к которой мне выпала честь написать, — это еще одна работа о нашем национальном герое Но в то же время по существу своему это совершенно новая работа, поскольку она заполняет пробелы, которыми грешат многочисленные книги о Сандино, написанные различными авторами за прошедшие десятилетия С. А. Гонионский не просто собрал интересные архивные документы — он их творчески переработал на основе материалистического понимания истории и изложил хорошим литературным языком Чтение этой книги доставит читателю удовольствие и поможет ему создать полное представление о личности никарагуанского героя Источником для написания книги послужили автору многочисленные документы и материалы, которые были им тщательно отобраны и использованы

Собранные профессором С. А. Гонионским обширные материалы позволили ему по-новому раскрыть образ Сандино

и нарисовать его портрет более достоверно, чем это удавалось сделать до сих пор. Сандино в книге С. А. Гоннионского — это герой национально-освободительной борьбы, которая происходит в Латинской Америке, во всем мире. Это не националист-одиночка, честолюбец, располагающий ничтожными средствами для борьбы против чужеземца, захватившего его родину. Нет, это человек, который воплощает в себе идеал борца за свободу своего народа. Много лет спустя после того, как он был убит по приказу врага всех народов, он продолжает жить в сердцах людей.

Книга С. А. Гоннионского написана занимательно, и читатель прочтет ее с неослабевающим интересом. В этой книге незатейливые истории удачно перемежаются с изложением важных проблем. С. А. Гоннионский убедительно показывает, что национальный герой никарагуанского народа принадлежит ко всемирной армии борцов против колониализма: он участник самого мощного движения современности — борьбы за построение социализма.

Я, как никарагуанец, чрезвычайно рад приветствовать выход книги С. А. Гоннионского «Сандино». Думаю, я не ошибусь, если скажу, что эта книга очень понравится советским людям, которые всегда на стороне тех, кто борется за мир, национальное освобождение, демократию и социализм.

Я сожалею лишь о том, что латиноамериканские читатели не сразу смогут ознакомиться с этой прекрасной книгой, так как для перевода ее на испанский язык потребуется некоторое время.

Аугусто Лопес.

Москва 12 октября 1964 года

ОТ АВТОРА

В Никарагуа, далекой республике Центральной Америки, все шло по давно заведенному порядку: американская «Юнайтед фрут компани» методично превращала в звонкие доллары увесистые гроздья бананов. В 1926 году страна была в третий раз оккупирована империалистами — янки. Местная помещичье-феодалная олигархия вопреки воле народа примкнула к иностранным поработителям.

Но никарагуанцы не смирились. И в гуще народной родился народный вожак Аугусто Сесар Сандино, «генерал свободных людей», который возглавил борьбу против вооруженных сил оккупантов — морской пехоты США.

Север Никарагуа запылал костром под ногами янки. Пламя протеста не удавалось погасить ни газами, ни военными самолетами.

Сандино сражался семь лет. Вооруженные до зубов 12 тысяч американских захватчиков не могли сломить сопротивление партизанской армии, едва насчитывавшей 2 тысячи человек. Но эта армия, в рядах которой плечом к плечу с никарагуанскими патриотами сражались смельчаки из всех стран Латинской Америки, была сильна правотой своего дела. И морская пехота США отступила.

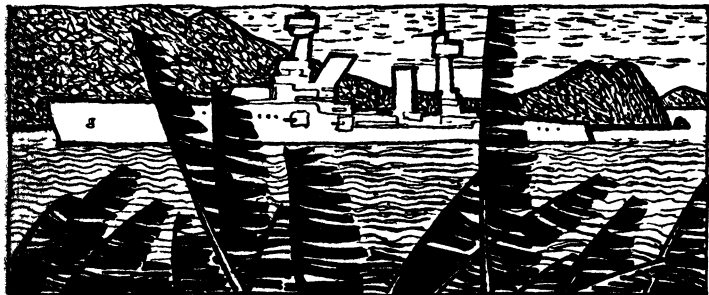
Борьба патриотов Никарагуа под руководством Сандино за свободу и независимость родины, против вооруженной агрессии американского империализма — яркая страница истории национально-освободительного движения народов Латинской Америки.

Этой борьбе и ее руководителю, Аугусто Сесару Сандино, и посвящена данная книга.

Чтобы понять, что послужило причиной описываемых ниже событий, необходимо хотя бы вкратце ознакомиться с основными фактами из прошлого Никарагуа. Автор выражает надежду, что этот краткий экскурс в историю будет небесполезным для читателя и покажется ему не менее интересным, чем основная тема книги — жизнь и смерть Сандино.

Я Н К И В Н И К А Р А Г У А

Через десять лет после открытия Южной Америки, в 1502 году, совершая свое четвертое путешествие, Христофор Колумб добрался до побережья Центральной Америки. Там, на перешейке, обитали десятки индейских племен. Самыми многочисленными и смелы-

ми были племена ацтеков и толтеков. Именем вождя одного из этих племен, Никарао, была названа маленькая страна Центральной Америки — Никарагуа. Правда, из шести стран, составляющих Центральную Америку, Никарагуа — самая большая: ее площадь равна 148 тысячам квадратных километров, а площадь самой маленькой центральноамериканской страны, Сальвадора, равна 34 тысячам квадратных километров.

Красота природы и золото привлекали сюда искателей приключений и легкой наживы.

Из испанских завоевателей, высадившихся в Никарагуа, прославились двое: Педрариас Давила и Фернандес де Кордоба. Первый основал город Леон, второй — город Гранаду. Затем между ними началась междоусобная война. Педрариас Давила одержал верх, и по его приказу поверженный враг был обезглавлен. Однако имя Кордобы было увековечено: в его честь названа денежная единица Никарагуа — кордоба.

Никарагуа — страна великих озер, сотен потухших и действующих вулканов. В Никарагуа находятся самые крупные озера Центральной Америки: Манагуа (длина — 60 километров, ширина — 28 километров, глубина — до 13 метров) и Никарагуа (длина — 161 километр, ширина — 70 километров и глубина — до 66 метров). Имеется множество рек и речушек. Выпадает много осадков. Низкие берега в дельтах рек покрыты травами и пальмами, а на песчаных косах и холмах растет красивая карибская сосна. Куда ни бросишь взгляд — повсюду бесконечные заросли бамбука. Непроходимой зеленой стеной стоят густые влажные тропические леса. Вдоль северо-западной части страны тянутся цепи больших и малых гор. Кратеры вулканов, некоторые из которых достигают более 1000 метров, одеты дубовыми и сосновыми лесами, а на вершинах гор зеленеют луга.

В Никарагуа всегда жарко. Средняя годовая температура — 25—28° по Цельсию. Дожди идут весь год. Особенно большое количество осадков выпадает в течение собственно дождливого сезона — с 15 мая по 15 ноября. Приезжие шутят: «В этой стране одиннадцать месяцев в году льет дождь, а остальное время — плохая погода». Но сами никарагуанцы считают, что нет на земле края благодатнее их страны. Кофе, какао, кукуруза, бананы, ананасы и масса причудливых тропических фруктов в изобилии произрастают на этой удивительно плодородной земле.

Порабощенная королевской Испанией Никарагуа в течение многих десятилетий была пристанищем авантюристов, которые бесчинствовали на захваченных территориях. Они грабили местное население — индейцев. Не удивительно, что сегодня индейцы составляют менее 5 процентов населения Никарагуа (насчитывающего 1600 тысяч человек). Крупнейшая индейская группа (около 20 тысяч человек), существующая поныне, — это индейцы мискито, или москито. Они населяют восточное побережье, названное по имени этого племени Москитовым Берегом. В результате браков завоевателей с индейскими женщинами более 60 процентов населения — люди смешанного

индейско-испанского происхождения, «ладино», как их называют в Латинской Америке.

В XVII веке в Никарагуа появились первые негры. Вначале это были беглецы с невольничьих кораблей. Позднее, после того как губернатор английского острова Ямайка провозгласил английский протекторат над Москитовым Берегом (1678 г.), на этой восточной части нынешней Никарагуа было основано несколько колоний ямайских негров (1740 г.); наиболее крупные из этих колоний — Блуфилдс и Грейтаун, позднее переименованный в Сан-Хуан дель Норте. Негры составляют 10 процентов населения сегодняшней Никарагуа. В результате смешанных индейско-негритянских браков появились «самбо».

В начале прошлого века в Латинской Америке развернулась великая борьба за независимость. Борьба была долгой и кровопролитной. В 1821 году патриоты Никарагуа провозгласили свою независимость, а в середине 1823 года страна вошла в «Федерацию объединенных провинций Центральной Америки». В 1839 году федерация распалась, и Никарагуа стала самостоятельной республикой. В те же годы в стране появились две партии — либералов и консерваторов, с которыми связана вся последующая история Никарагуа. Либералы — выразители интересов торговой буржуазии и мелкобуржуазных городских слоев, консерваторы — клерикально-помещичьей аристократии. Оплот либералов, их твердыня — второй по величине город Никарагуа Леон, крупнейший железнодорожный узел, расположенный на западе страны. Это центр молодой буржуазии, центр ремесленного производства, город юристов, писателей, студентов. На озере Никарагуа, в юго-западной части республики, расположен город Гранада — цитадель консерваторов. Это центр сельского хозяйства и торговли. Здесь главенствуют помещики-аристократы.

Соперничество между Леоном и Гранадой всегда носило чрезвычайно острый характер.

В 1858 году представители этих городов договорились о создании столицы Никарагуа — нового го-

рода Манагуа. Он был построен в том же 1858 году на берегу озера того же названия. В центре столицы много садов и парков. На берегу озера Манагуа раскинулся парк Маклеон, излюбленное место прогулок жителей столицы.

С середины прошлого века Никарагуа стала объектом острой англо-американской борьбы. В то время обсуждались проекты строительства межокеанского канала, и территория Никарагуа вполне подходила для этой цели. В 1841 году Англия установила протекторат над Москитовым Берегом, то есть карибским побережьем Никарагуа, а в 1849 году захватила остров Тигре в заливе Фонсека (Тихий океан), обеспечив, таким образом, свой контроль над обоими концами возможной трассы канала. США предприняли решительные ответные действия. В результате длительной дипломатической борьбы в 1850 году между Англией и США был заключен договор Клейтона — Бульвера о строительстве и обороне канала. По условиям договора все межокеанские пути были открыты как для Англии, так и для США; им предстояло совместно гарантировать нейтралитет будущего канала. Остальным державам также предоставлялась возможность стать гарантами этого нейтралитета. США и Англия обязались не подчинять своему влиянию и не оккупировать территории Центральной Америки. Условия договора не позволяли Соединенным Штатам установить контроль над будущим каналом. Но, заключив такое «перемирие», США стали теснить своего соперника — Великобританию.

Пять лет спустя отряд американских авантюристов во главе с Уильямом Уокером захватил власть в Никарагуа. Опираясь на открытую поддержку американского правительства, Уокер провозгласил себя 12 июля 1856 года президентом Никарагуа, а США тут же признали его. План Уокера состоял в том, чтобы присоединить Центральную Америку к США и превратить ее в североамериканскую колонию. Но в 1857 году под ударами объединенных армий Центральной Америки клика Уокера была изгнана из Никарагуа. Позднее этот проходимец дважды пы-

тался вернуться к власти. В 1860 году он был расстрелян патриотами.

Захват власти американцем, по-видимому, произвел отрезвляющее действие на поглощенные междоусобицей политические партии Никарагуа. До 1893 года бразды правления находились в руках сменявших друг друга президентов-консерваторов, поощрявших проникновение США. У политического руководства стояли самые реакционные представители крупных землевладельцев и буржуазии, тесно связанные с американскими монополиями. Католическое духовенство и реакционное офицерство также активно поддерживали консервативную партию. В глазах народа консервативная партия была ответственна за превращение Никарагуа в американскую колонию. В 1893 году длительному господству консерваторов наступил конец. К власти пришли либералы. Эта партия объединяла часть национальной торговой буржуазии, которая страдала от засилья американских монополистов, и буржуазную интеллигенцию. Либералы стремились к развитию экономики страны, к расширению рынков сбыта сельскохозяйственной продукции и к некоторой демократизации политической жизни Никарагуа. Следует, однако, помнить, что большой разницы между либералами и консерваторами не было: и те и другие прибегали к безудержной демагогии, когда им это было выгодно.

Президентом страны стал в 1893 году глава партии либералов генерал Хосе Сантос Селайя, который продержался у власти до 1909 года. Принято говорить, что он правил, как «просвещенный деспот»: отделил церковь от государства, ввел всеобщее избирательное право, начал строительство железных дорог. Поначалу он ладил с американцами, но, когда американский хищник стал нагло попираť элементарные права Никарагуа, взбунтовался даже этот «просвещенный диктатор». Желая избавиться от господства США, Селайя вступил в переговоры с Англией и Японией, чем уготовил себе печальный конец. В Вашингтоне решили заменить «зарвавшегося» Селайю. В крупнейшем никарагуанском порту Блу-

филдсе началась подготовка восстания. Американский консул господин Моффат, готовивший мятеж, заблаговременно уведомил государственный департамент о ходе предстоящих событий: 7 октября 1909 года он доложил государственному секретарю Ноксу, что на следующий день генералы Хуан Эстрада и Эмилиано Чаморро поднимут мятеж и в два счета расправятся с Селайей. Мятежных генералов Моффат заверил, что правительство США немедленно признает новое, «революционное» правительство. Он же обеспечил снабжение повстанцев оружием и боеприпасами.

Вооружение и продовольствие мятежникам было доставлено на пароходах «Юнайтед фрут компани». Как по мановению волшебной палочки, у порта Блуфилдс появились два американских военных крейсера — «Падука» и «Дубук». Вот как описывал корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» свою беседу с руководителем восстания: «Генерал Эстрада был грубо откровенен, слишком откровенен, когда заявил, что организованная им против Селайи революция субсидировалась известными компаниями США, обосновавшимися на атлантическом побережье Никарагуа. Он заявил далее, что эти компании выделили на революцию в Блуфилдсе миллион долларов, торговый дом Джозефа Бирса — около 200 тысяч, а торговый дом Самюэля Вейла — около 150 тысяч долларов...»

Как Моффат запланировал, так все и произошло: 13 октября он доложил Белому дому об исполнении задания. Однако появилось непредвиденное обстоятельство: Селайя решил оказать сопротивление. Началась гражданская война. Как и во времена авантюриста Уокера, сотни американцев присоединились к инсургентам в надежде на богатую добычу в случае успеха «революции». Двое из них, Рой Кэннон и Леонард Грос, пытались взорвать на реке Сан-Хуан пароход с правительственными войсками, направлявшимися в район восстания. Американские авантюристы были захвачены на месте преступления, приговорены военным трибуналом к расстрелу. В ответ 1 декабря 1909 года США разорвали дипломати-

ческие отношения с Никарагуа и усилили помощь мятежникам. В стране создалась сложная обстановка; США грозили открытым военным вмешательством. 16 декабря 1909 года Селайя ушел в отставку и уехал в Мексику. Позднее он переехал в США и в 1917 году умер в Нью-Йорке, нищий и всеми забытый. Лишь в конце 1930 года его останки были перевезены в Никарагуа и торжественно захоронены.

Временным президентом Национальная ассамблея избрала либерала Хосе Мадриса. Правительственные войска после упорных боев, длившихся несколько месяцев, окружили войска мятежников. Дни восстания были сочтены. Тогда командир американского крейсера «Падука» высадил морскую пехоту и преградил путь войскам правительства. Государственный департамент оставался глух к протестам президента Мадриса: войска США не покидали никарагуанскую территорию. Не в состоянии добиться какого-либо решения, Мадрис 20 августа 1910 года, как и его предшественник генерал Селайя, подал в отставку. Сопrotивление правительства Никарагуа было сломлено, путь был расчищен, необходимые кадры из местных предателей подготовлены, и США уже не надо было, как в 1856 году, назначать президентом Никарагуа американского гражданина. Теперь можно было подобрать никарагуанца...

Неделю спустя «победоносные войска» мятежников вошли в опустевшую столицу Никарагуа Манагуа. Из генералов Хуана Эстрады и Эмилиано Чаморо было сформировано правительство. Вошел в него и один гражданский человек — Адольфо Диас, сотрудник американской компании «Ла лус и лос анхелес майнинг К°», адвокатом которой был раньше не кто иной, как сам государственный секретарь США Нокс. Круг замкнулся. Так, по удачному выражению видного аргентинского историка Грегорио Сельсера, первый вариант Квислинга — Адольфо Диас — появился именно в Никарагуа, за 30 лет до появления его в Норвегии. Весьма откровенно прозвучало также свидетельство сенатора-республиканца Ладда, который на заседании американского сената заявил

следующее. «. в 1910 году морская пехота США вторглась в Никарагуа, расстреляла около 200 никарагуанских граждан и навязала стране в качестве номинального президента сотрудника одной североамериканской компании. Без поддержки морской пехоты США этот президент не смог бы продержаться у власти и 24 часов».

В октябре 1910 года в Манагуа прибыл специальный представитель США Томас Даусон, который быстро «навел порядок». 27 ноября 1910 года генерал Эстрада был «избран» президентом, а Адольфо Диас — вице-президентом республики, 1 января 1911 года президент США Тафт благосклонно «признал» новое правительство. Вскоре Эстрада ушел в отставку и президентом стал «свой человек в Манагуа» — Адольфо Диас. Он немедленно съездил в США, где договорился о займе; состряпанный в Вашингтоне документ не успели даже перевести на испанский язык: Национальная ассамблея Никарагуа обсуждала его в английском варианте.

Предательство Диаса вызвало всеобщее возмущение. 29 июля 1912 года военный министр Луис Мена и молодой политический деятель адвокат Селедон подняли восстание против продажного правительства.

Войска либералов уже подходили к столице, консерваторы укладывали чемоданы, собираясь бежать. Но Диас обратился к США за помощью, и 15 августа 1912 года началась новая высадка американских войск. Под напором американской морской пехоты повстанцы с большими потерями отступили в город Масайю. Здесь они укрепились и два месяца выдерживали осаду превосходивших сил противника. Главное ядро повстанцев составляли студенты и рабочие. Командовал повстанцами 33-летний Бенхамин Селедон. Сто раз отверг он предложение о почетной капитуляции и показал себя смелым и умелым военачальником, за что был назначен генералом.

4 октября 1912 года пятитысячная армия Адольфо Диаса вместе с тремя тысячами солдат американской морской пехоты окружили последний редут по-

встанцев. Все они, в том числе и Бенхамин Селедон, были казнены.

Третьего ноября Адольфо Диас был «переизбран» президентом Никарагуа на новый четырехлетний срок. Основные части морской пехоты США отбыли на родину, но в Никарагуа осталось несколько американских военных кораблей и сотня солдат «для охраны миссии США в Манагуа». Над столичной крепостью «Марсово поле» взвился звездно-полосатый флаг: там разместились войска оккупантов. Политическая и экономическая жизнь республики полностью зависела отныне от воли американских банкиров, дипломатов и военных.

Начались переговоры о предоставлении США права на строительство канала на территории Никарагуа Серия предварительных соглашений закончилась 5 августа 1914 года подписанием в Вашингтоне договора, известного под названием договора Брайана — Чаморро¹. По этому постыдному кабальному договору, действующему и в настоящее время, правительство Никарагуа предоставило правительству США «на вечные времена» и без всяких налогов исключительные права на сооружение и использование канала по реке Сан-Хуан и по Великому озеру или по любому другому водному пути. «Для охраны своих интересов» США получили в аренду сроком на 99 лет (с правом продления срока аренды в будущем) острова Большой и Малый Корн. Вашингтон получил также право на постройку морской базы в любом удобном для США месте на территории Никарагуа За все эти «права» США обязались после обмена ратификационными грамотами уплатить правительству Никарагуа 3 миллиона долларов.

При обсуждении в сенате США этого договора даже некоторые сенаторы были смущены его откровенно грабительским содержанием. Так, сенатор Смит заметил, что неудобно утверждать этот до-

¹ Брайан — государственный секретарь США Эмилиано Чаморро, один из организаторов мятежа 1909 года против правительства Селайи, был в это время посланником Никарагуа в США

говор, ибо посланник Никарагуа в Вашингтоне «предложил больше, чем у него просили». А бывший государственный секретарь США сенатор Элю Рут выразил сомнение, можно ли заключить договор с правительством, которое так беспардонно распродает национальную собственность. Сенатор Бора пошел еще дальше: «Я никогда не считал, — заявил он, — что договор с Никарагуа — это договор с никарагуанским народом. Мы просто заключили договор сами с собой. Мы заключили договор с правительством, которое представляло нас самих, хотя во время переговоров и сидело на противоположной стороне стола. Мы заключили договор с правительством, которое было нашим орудием». Однако, несмотря на «угрызения совести», мучившие некоторых сенаторов, 18 февраля 1916 года сенат США все же одобрил грабительский договор Брайана — Чаморро.

Эмилиано Чаморро старался не зря: ему был обещан пост президента. В 1916 году истек срок президентских полномочий Адольфо Диаса, и генерал Эмилиано Чаморро выставил свою кандидатуру на пост президента от консервативной партии. Чтобы гарантировать избрание Чаморро, США взяли на себя нелегкий труд обеспечить «порядок» на выборах. Этим непосредственно занимался посланник США в Манагуа Джефферсон.

Либеральная партия выдвинула своим кандидатом Хулиана Ириаса. Мистер Джефферсон в порядке «подготовки» к выборам 17 сентября 1916 года вызвал к себе в миссию кандидата либералов Ириаса и в присутствии адмирала Капертона, командира военно-морских сил США, дислоцированных в Никарагуа, от имени государственного департамента предупредил, что президентом Никарагуа никогда не станет человек, который не поддержит договор с Вашингтоном, что претендент на пост президента должен будет согласовывать с США свою внешнюю и внутреннюю политику и санкционировать пребывание вооруженных сил США в Никарагуа. Кроме того, кандидат должен будет представить государственному департаменту веские доказательства того,

что он с момента свержения Селайи ни прямо, ни косвенно не участвовал в революционном движении, направленном против «законного правительства» Никарагуа.

После такой «беседы» либералы решили не участвовать в выборах, и с 1 января 1917 года президентом стал очередной слуга Вашингтона Эмилиано Чаморро. Чаморро заключил несколько новых экономических соглашений с США, еще больше закабаливших Никарагуа. Значительная часть этих соглашений была заключена с американской компанией «Браун бразерс» («Братья Браун»). Недаром в те годы Никарагуа называли «республикой братьев Браун».

Когда подоспели очередные президентские выборы, они также были проведены под контролем США. Президентом Никарагуа с 1 января 1921 года стал дядя Эмилиано Чаморро — Диего Чаморро, а Эмилиано занял свой прежний пост посланника в Вашингтоне.

Диего Чаморро назначил на все руководящие должности в стране своих родственников. Пусть простит нас читатель, мы рискуем утомить его длинным перечнем имен, но все же вот он, этот (неполный) список: министр внутренних дел — Росендо Чаморро, председатель конгресса — Сальвадор Чаморро, советник по финансовым вопросам — Агустин Чаморро, начальник главной военной крепости столицы — Филадельфо Чаморро, начальник самого крупного в стране порта Коринто — Леандро Чаморро, управляющий таможенными странами — Дионисио Чаморро, депутат Национальной ассамблеи — Октавио Чаморро, консул Никарагуа в Нью-Орлеане — Агустин Боланос Чаморро, консул Никарагуа в Сан-Франциско — Фернандо Чаморро, консул в Лондоне — Педро Хоакин Чаморро, и т. д. и т. п.

В начале двадцатых годов во всех странах Центральной Америки сложилось весьма напряженное положение. То там, то тут вспыхивали мятежи и восстания. Очередная попытка создать союз стран Центральной Америки провалилась. Как и раньше, этому мешали США. В государственном департаменте боя-

лись, что беспорядки могут привести к революционным взрывам. В декабре 1922 года в Вашингтоне открылась конференция стран Центральной Америки с участием США. После двухмесячных переговоров был подписан договор «о мире и дружбе», 11 конвенций, 2 протокола и декларация. Стороны договорились не признавать правительства, пришедшие к власти «в результате государственного переворота или революции, направленной против существующего правительства, до тех пор, пока выбранные народом представители не закрепят законным путем политические изменения в стране».

Вашингтонское совещание приняло еще одно важное решение — о создании в странах Центральной Америки «национальной гвардии», иными словами жандармерии. Смысл этого постановления состоял в том, чтобы вновь созданным военным корпусом ведали американские инструкторы и чтобы он находился в полной зависимости от Пентагона. Это давало возможность США со временем отозвать свои войска из Латинской Америки, чтобы затем широко пропагандировать «миролюбие американской внешней политики».

Вашингтонские решения привели к дальнейшему укреплению влияния США в странах Центральной Америки. От имени Никарагуа эти соглашения подписал все тот же Эмилиано Чаморро.

Укрепив свои позиции, США решили отозвать свои войска из Никарагуа, продемонстрировав «миролюбие» американских вооруженных сил. Начались переговоры, во время которых президент Никарагуа Диего Чаморро внезапно умер (12 октября 1923 года). Его пост занял вице-президент Бартоломэ Мартинес. Новый президент не был связан ни с консерваторами, ни с либералами. Он мечтал выставить свою кандидатуру на президентских выборах 1924 года, но после того как им был издан ряд декретов, ущемлявших американские монополии, действовавшие в Никарагуа, Белый дом категорически отверг кандидатуру Мартинеса

Государственный департамент решил провести

в 1924 году в Никарагуа «мирные выборы» — разумеется, под наблюдением американских экспертов и, конечно, под охраной американских войск. Появилась никому не известная дотоле кандидатура Карлоса Солорсано от партии консерваторов. Только в государственном департаменте знали, что он близкий родственник американского агента Адольфо Диаса, о продвижении по службе которого было рассказано выше. Чтобы придать выборам благопристойную форму, на пост вице-президента был выдвинут представитель либеральной партии, известный никарагуанский врач Хуан Баутиста Сакаса. Но это тоже была вполне надежная фигура: Сакаса получил образование в США, свободно говорил по-английски, хорошо знал обстановку в США и был готов прислуживать своим высоким покровителям из Белого дома. Казалось, вся система была хорошо продумана и разработана. Но государственный департамент забыл о своем верном слуге Эмилиано Чаморро. Точнее сказать, не забыл, а решил от него избавиться, так как имя его стало слишком одиозным для никарагуанцев. По образному выражению мексиканского журналиста Немесио Гарсиа Наранхо, «у бедного Чаморро был единственный дефект — тот же, что у сапожной щетки, которая после длительного употребления загрязняется».

Тем не менее Эмилиано Чаморро выставил свою кандидатуру на пост президента Никарагуа от одной из группировок консервативной партии вопреки воле государственного департамента. Как и следовало ожидать, Чаморро потерпел поражение на выборах 1 января 1925 года Карлос Солорсано и Хуан Баутиста Сакаса вступили в должность президента и вице-президента республики. Поскольку выпестованная американскими инструкторами «национальная гвардия» начала функционировать под руководством офицера армии США, 3 августа 1925 года американские воинские части покинули Никарагуа. Впервые за 14 лет над столичной крепостью «Марсово поле» стал развеваться бело-голубой флаг республики Никарагуа.

В Манагуа прибыл новый посланник США господин Чарльз Кристофер Эберхардт. 54-летний убежденный холостяк, мистер Эберхардт уже свыше двадцати лет находился на дипломатической службе, но Манагуа была первой столицей, где он занял пост посланника. Дослужившись, наконец, до столь высокого чина, он рьяно взялся «регулировать» внутреннюю политику Никарагуа.

Эмилиано Чаморро не уgomонился. Он решил взять реванш, и 25 августа 1925 года один из его офицеров, Альфредо Ривас, совершил пробную попытку государственного переворота. Чаморро хотел знать, какова будет реакция, какова будет расстановка сил. Солорсано почему-то не придавал особого значения случившемуся и не считал нужным даже наказывать организаторов государственного переворота. Тогда Эмилиано Чаморро стал открыто готовить захват власти. Есть данные, свидетельствующие о том, что он делал это с согласия посланника США.

25 октября 1925 года Чаморро захватил крепость Тискапу и потребовал, чтобы президент Солорсано ввел в состав правительства нескольких его сторонников, а также возместил бы расходы на «революцию». Посоветовавшись с Адольфо Диасом и посланником США в Манагуа, президент Солорсано согласился с требованиями Чаморро и назначил его главным командующим вооруженными силами Никарагуа. Фактически Эмилиано Чаморро вновь стал диктатором страны. Он изгнал из конгресса 18 депутатов-либералов и заменил их своими сторонниками. Затем заставил конгресс объявить вне закона вице-президента республики Сакасу, бежавшего от преследования в Мексику. 16 января 1926 года конгресс вынес постановление о том, что Эмилиано Чаморро будет «замещать президента». В тот же день Солорсано подал в отставку, и Чаморро заменил и его на посту президента. Эта комедия была разыграна настолько грубо, что Вашингтон, желая соблюсти декорум, не считал целесообразным официально признавать Чаморро президентом.

Обстановка в Никарагуа накалилась до предела.

ЛИБЕРАЛЫ ПРОТИВ КОНСЕРВАТОРОВ

Многие никарагуанцы, скрываясь от преследования, эмигрировали в Мексику, Гватемалу, Гондурас и другие страны, где создавали революционные общества борьбы с диктатурой Чаморро. Стали создаваться оппозиционные группы и внутри страны. 2 мая

1926 года в городе Блуфилдсе генерал Хосе Мариа Монкада поднял восстание против Чаморро. Пять дней спустя к пирсу Блуфилдса пришвартовался американский крейсер «Кливленд». Началась высадка морской пехоты «для защиты жизни и собственности американских граждан в Блуфилдсе!» Эта оккупация американских войск, начавшаяся 7 мая 1926 года, продолжалась в течение шести лет.

Восстание либералов было подавлено, и Монкада эмигрировал в Гватемалу. Туда же прибыл и свергнутый вице-президент Сакаса. Сакаса назначил Монкаду командующим никарагуанской армией, и они занялись разработкой планов будущего восстания. Тем временем провалилась еще одна попытка свержения диктатуры Чаморро, предпринятая генералом Луисом Бельтраном Сандовалом, который 6 августа того же года высадился с небольшим отрядом на атлантическом побережье Никарагуа, в пункте Принс-полка. В середине августа генерал Монкада вновь высадился на атлантическом побережье Никарагуа

и после ожесточенных боев закрепился в Пуэрто-Кабесас. Поскольку Чаморро оказался не в состоянии контролировать положение в стране, США решили его заменить. На борту североамериканского крейсера «Денвер» в никарагуанском порту Коринто состоялось совещание, на которое поверенный в делах США в Никарагуа Лауренс Деннис и командующий морскими операциями в Карибском бассейне адмирал Латимер пригласили «наблюдателей» Сакасы, представителей Чаморро и Адольфо Диаса. После совещания, 30 октября, Чаморро подал в отставку. 10 ноября чрезвычайная сессия никарагуанского конгресса «избрала» Адольфо Диаса президентом Никарагуа. 11 ноября Диас вступил в должность, а 15 ноября, то есть всего четыре дня спустя после прихода к власти, Диас уже ходатайствовал перед госдепартаментом США, чтобы он «соблаговолил» отправить в Никарагуа морской десант. Через 48 часов после этого США признали Адольфо Диаса «законным» президентом Никарагуа.

Появление Диаса, угодливого прислужника США, на посту президента вызвало гнев и возмущение никарагуанского народа. В разных концах страны начались вооруженные выступления, и 2 декабря повстанцы провозгласили конституционным президентом Никарагуа Хуана Баутисту Сакасу. Сакаса широко использовал антиимпериалистические лозунги, и его горячо поддержали многие рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия, надеявшиеся, что он возглавит борьбу за политическую и экономическую независимость родины. Сакаса объявил Пуэрто-Кабесас своей столицей, назначил генерала Монкаду военным министром. Однако либералы старались не столько разгромить войска Диаса, сколько добиться благосклонности американских оккупантов и не допустить развертывания широкого национального антиимпериалистического движения. Их политической целью стал приход к власти путем компромиссной сделки, причем они были готовы променять поддержку народа на поддержку оккупантов. Уже 16 октября 1926 года в порту Коринто, на борту американского эсминца

«Денвер» начались переговоры между представителями правительства и либералов. Несколькими днями позже Монкада в беседе с командующим атлантическим отрядом военно-морского флота США контр-адмиралом Латимером выразил свою заветную мысль, заявив, что только проведение «свободных и беспристрастных» выборов под контролем США может стать решением проблемы.

Бывший президент Мексики Эмилио Портес Хиль сообщает в своих мемуарах, что Монкада постоянно вел какие-то тайные переговоры с контр-адмиралом Латимером. Дело дошло даже до того, что главнокомандующий армией либералов Луис Бельтран Сандоваль, сообщая Сакасе об антипатриотических действиях Монкады, просил разрешения арестовать и расстрелять военного министра. И тем не менее Сакаса приказал Сандовалю подчиняться Монкаде, «чтобы не вызывать раскола в рядах либералов».

Сакаса обратился ко всем странам с просьбой признать его правительство. Поверенный в делах США в Никарагуа тут же ответил, что США признают только Адольфо Диаса, и никого больше.

Лишь правительство Мексики признало правительство Сакасы, что вызвало подъем в рядах повстанцев и крайнее раздражение в Вашингтоне.

США открыто вмешались в гражданскую войну в Никарагуа, блокировали войска Сакасы в столице повстанцев Пуэрто-Кабесас. Херстовская газета «Вашингтон пост» была в набат: «В случае установления в Никарагуа коммунистического (?) контроля, осуществляемого из Мексики, США будут иметь врага у самых ворот Панамского канала».

Отношения между правительствами США и Мексики были в те годы и без того натянутыми (в 1926—1927 годах мексиканское правительство приняло ряд законов, ограничивших деятельность иностранных монополий), и самостоятельный шаг Мексики в отношении правительства Сакасы еще более усугубил напряженность.

Тем временем американский ставленник Диас усиленно распространял версию о вмешательстве Мекси-

ки во внутренние дела Никарагуа и призывал США «не оставить в беде» его страну. США вняли просьбе Диаса, и 24 декабря американский адмирал Латимер отдал приказ, чтобы войска либералов очистили район Пуэрто-Кабесас. Этот порт был объявлен американцами нейтральным. Американские военные корабли стали патрулировать побережье Никарагуа. 6 января 1927 года американские военные части начали высадку в никарагуанском порту Коринто на Тихом океане. Военные действия развертывались на атлантическом побережье Никарагуа, и, следовательно, порту Коринто ничто не угрожало.

Американский президент Кулидж, пытаясь объяснить причины интервенции в Никарагуа, 10 января 1927 года в послании конгрессу писал, что США вообще несут особую ответственность за сохранение порядка в Центральной Америке; кроме того, не следует забывать, что через территорию Никарагуа предстоит строить канал, что Панамский канал уже построен и что США имеют большие капиталовложения в этих странах. «Мы не можем безразлично относиться к тому, что происходит в Центральной Америке, — писал Кулидж — К любой угрозе стабильности в Никарагуа мы отнесемся с глубокой озабоченностью и примем необходимые меры для защиты жизни и собственности американцев»

Государственный секретарь Келлог пошел еще дальше. 12 января 1927 года он сделал заявление, в котором говорил «о целях и политике большевиков в Мексике и Латинской Америке».

Общее количество североамериканских вооруженных сил, направленных в Никарагуа в январские дни 1927 года, составило 16 военных кораблей, 215 офицеров, 3900 солдат и 865 моряков. Воспользовавшись шумихой по поводу «вмешательства Мексики во внутренние дела Никарагуа», нефтяные монополии и правительство США стали готовиться также к вооруженной интервенции против Мексики для свержения неугодного им правительства Кальеса

«Президент» Адольфо Диас восторженно приветствовал высадку американских войск. В заявлении

агентству «Ассошиэйтед пресс» от 9 февраля 1927 года он сказал: «Если Соединенные Штаты сочтут, что я должен уступить свой пост кому-нибудь другому, я сделаю это немедленно.. Но я всегда возражал против вывода морской пехоты из Никарагуа, и я приветствую ее возвращение. Кто бы ни был президентом, я или кто-нибудь другой, морская пехота США должна всегда оставаться в Никарагуа».

Адольфо Диасу показалось, что сделанного заявления недостаточно, и 24 февраля нью-йоркские газеты сообщили: «Признанный Вашингтоном президент-консерватор Адольфо Диас выразил пожелание, чтобы Соединенные Штаты взяли на себя защиту Никарагуа на ближайшие 100 лет... По словам Диаса, соответствующий договор предоставит США право высаживать войска по своему усмотрению в случае, если будет необходимо поддержать законное правительство и обеспечить проведение свободных выборов».

Предложение Адольфо Диаса настолько дискредитировало и его самого и его покровителей, что правительство Соединенных Штатов сочло нужным умерить его рвение и пока воздержаться от договора; однако, отказавшись от формального договора, США в этот период активизировали проникновение своих фирм в Никарагуа. Было заключено несколько новых кабальных займов, поставлялось оружие, направлялись консультанты, эксперты, советники, инструкторы.

Двадцать третьего февраля важнейшая крепость столицы, Ла Лома, была передана американцам — над ней взвился звездно-полосатый флаг. В этой связи поверенный в делах Великобритании в Никарагуа обратился к никарагуанскому правительству с вопросом, не прекратила ли свое существование Республика Никарагуа. Адольфо Диас вынужден был распорядиться снова поднять никарагуанский флаг над Ла Ломой. Одновременно происходила дополнительная высадка американских солдат, число их теперь достигло 5400.

Политика Вашингтона, так откровенно и нагло вмешавшегося во внутренние дела Никарагуа, вызвала осуждение во всем мире и даже в самих Соединен-

ных Штатах. Многие сенаторы, прогрессивная печать, студенчество требовали прекращения агрессии против маленькой центральноамериканской республики. Чтобы успокоить общественное мнение, Вашингтон решил положить конец гражданской войне в Никарагуа. Имелись на то и другие, более веские причины. Так, интервенция в Никарагуа сильно дискредитировала панамериканское движение, возглавляемое Соединенными Штатами. Ведь панамериканизм, этот фиговый листок, прикрывающий колонизаторскую сущность американского империализма, держался на разговорах о «миролюбии» северного колосса. При этом «умиротворение» надо было осуществить как можно скорее: в январе 1928 года намечалось провести VI панамериканскую конференцию. Американские монополии всячески добивались расширения рынков сбыта в Латинской Америке, и Соединенным Штатам было очень важно создать видимость полного единства, а обстановка в Никарагуа портила всю картину. Кроме того, приближался день выборов президента США, и Кулидж понимал, что интервенция в Никарагуа основательно подрывает шансы республиканской партии удержаться у власти. Однако первопричиной стремления США добиться «примирения» сторон было резкое обострение межимпериалистической борьбы. В 1927 году возникла прямая угроза вмешательства других империалистических держав во внутренние дела Никарагуа. В феврале 1927 года посол Великобритании в Вашингтоне получил инструкцию «напомнить США, что правительство Его Величества намеревается обеспечить британским подданным точно такую же защиту, какую США гарантируют своим гражданам в районах, где имеется угроза революционных волнений». Английский демарш был подкреплён посылкой военного корабля в никарагуанский порт Коринто. Некоторое время спустя правительства Бельгии и Италии также выступили с заявлениями, подобными английскому. Медлить было нельзя 7 апреля 1927 года Белый дом принял решение направить в Никарагуа полковника Стимсона, наделённого специальными полномочиями.

Личный друг президента Теодора Рузвельта, военный министр в правительстве президента Тафта, Стимсон был прожженным политиканом и ловким демагогом. 9 апреля Стимсон на военном корабле отбыл из Нью-Йорка. На рассвете 17 апреля корабль Стимсона пришвартовался в никарагуанском порту Коринто. Сразу же после прибытия в Манагуа личный представитель президента США Кулиджа Стимсон начал переговоры с враждующими сторонами. США поддержали предложения, выдвинутые Адольфо Диасом 22 апреля. Суть «шести пунктов Диаса» сводилась к следующему. Диас предлагал заключить мир, оружие передать на хранение США, провести всеобщую амнистию и репатриацию высланных никарагуанцев, включить представителей либералов в правительство, руководство полицией Никарагуа предоставить американским офицерам, в 1928 году под наблюдением представителей США провести президентские выборы и, наконец, обеспечить пребывание в Никарагуа морской пехоты США. Сакаса и его окружение соглашались принять все условия, кроме одного: оставления Диаса на посту президента до окончания срока. Стимсон, однако, считал это условие обязательным. Он объявил главнокомандующему военными силами либералов генералу Монкаде, что Диас останется президентом, что войскам США предписано принимать на хранение оружие от всех, кто готов его сложить, и что, более того, войска США будут разоружать тех, кто этого не сделает добровольно.

Чтобы ускорить переговоры, полковник Стимсон договорился о 48-часовом перемирии между враждующими сторонами. В полдень 3 мая соглашение о перемирии вступило в силу.

Рано утром 4 мая Стимсон и сопровождавшие его лица прибыли в ставку генерала Монкады — городок Типитапа. Начались переговоры с представителями Сакасы и генералом Монкадой. В 12 часов посланник США в Никарагуа Эберхард устроил «дружеский завтрак» на 40 персон. После обильной закуски и возлияний переговоры пошли успешнее. Представители президента Сакасы все же отказались принять пред-

ложение Стимсона, однако, разобравшись в ситуации, полковник понял, что фактически власть находится в руках генерала Монкады, и предложил Монкаде сепаратные переговоры. Тот с готовностью согласился. В тот же день, 4 мая, под развесистой сосной на берегу реки Типитапа Стимсон дважды встретился с Монкадой. Сосна эта получила печальную известность в Никарагуа: под ней было совершено неслыханное предательство. А старинный городишко Типитапа был даже переименован в «город Стимсон», о чем, слава богу, все тотчас забыли.

Для окончания переговоров Стимсон и Монкада отправились в столицу Никарагуа, где предатель Монкада, заручившись обещанием Стимсона обеспечить ему «избрание» на пост президента Никарагуа, дал согласие прекратить борьбу.

Генерал Хосе Мариа Монкада был всегда известен как политический флюгер: он был то консерватором, то либералом, то занимал «нейтральную» позицию — в зависимости от того, что в данный момент представлялось ему более выгодным. С 1888 до 1892 года он был активным членом консервативной партии, в 1893 году принял участие в восстании консерваторов; в 1906 году занимал пост товарища министра иностранных дел в консервативном правительстве Гондураса. В 1909 году он участвовал в восстании консерваторов в Никарагуа и в новом правительстве занимал пост военного министра и министра иностранных дел. В 1926 году Монкада стал «либералом», а затем прямым агентом американских монополий. Свое предательство он безуспешно пытался оправдать в книжке «Соединенные Штаты в Никарагуа». Чем бы ни было продиктовано предательство, этот 55-летний жуир, любитель женщин и вина, жадно тянулся к власти.

Под стать генералу Монкаде был его личный секретарь и переводчик, участвовавший в переговорах со Стимсоном, — Анастасио Сомоса, человек, сыгравший роковую роль в истории никарагуанского народа и в судьбе Сандино. Анастасио Сомоса родился в 1896 году Первую страницу позорной истории «ди-

настии» Сомоса открыл прадед Анастасио Сомосы — Анастасио Бернабе Сомоса, грабитель с большой до- роги, убийца и вор. Звали его «Семь платочков», по- тому что во время бандитских налетов он закрывал себе лицо платком. (Здесь имеется в виду одна ника- рагуанская сказка, в которой говорится, что и пол- дюжины платков мало, чтобы стереть с рук следы крови.) За кровавые преступления и грабежи Берна- бе Сомоса в 1849 году был казнен, и труп его три дня висел на фонарном столбе. Отец Анастасио Со- мосы был психически неполноценным.

Анастасио Сомосу-младшего отправили в 17-лет- нем возрасте учиться в Филадельфию, где он окончил коммерческое училище. Но предприимчивый юнец не ограничился коммерцией и начал подделывать аме- риканские доллары. Попытка оказалась неудачной, и Анастасио провел два месяца в филадельфийской тюрьме. По возвращении на родину за ним прочно закрепилась слава игрока и распутника. Чтобы попра- вить свое финансовое положение и «пробиться в лю- ди», Анастасио решил породниться со знатью и же- нился в 1919 году на девице из аристократического семейства Сальвадоре Дебайле, а затем снова занял- ся подделкой денег, но опять попался и был предан суду. От тюрьмы спасло его лишь вмешательство влиятельных родственников жены. Компрометирую- щие документы были изъяты из архива. Затем в те- чение некоторого времени он увлекался лишь футбо- лом и бейсболом. Позже сотрудничал в американ- ском Фонде Рокфеллера. Воспользовавшись связями, в 1926 году Сомоса занял пост «политического на- чальника» города Леона.

Год спустя Анастасио Сомоса неожиданно стал генералом. Вот как это произошло. В городке Сан- Маркос либералы подняли восстание. Правительствен- ные войска окружили высоту близ города Хинотега, где закрепились восставшие, к которым примкнул Со- моса. Однако после первых же выстрелов Сомоса бежал. И бежал столь стремительно, что остановился передохнуть лишь неподалеку от столицы. А передох- нув, сдался правительственным войскам. То был един-

ственный случай участия Сомосы в военных действиях, но этого оказалось достаточным для того, чтобы «герой» был произведен в генералы.

Вскоре Сомоса — личный секретарь и переводчик военного министра Монкады. В этой связи любопытную характеристику дал ему известный американский журналист Уильям Крем, хорошо знавший Сомосу: «По-английски Сомоса говорит бегло, но с таким фантастическим количеством ошибок, какое можно услышать лишь у гангстера американско-итальянского происхождения».

Сотрудничество с Монкадой оказалось важным этапом карьеры Сомосы. Генерал Монкада спешил. 7 мая он обратился с воззванием к войскам, предлагая им «как можно скорее» сложить оружие.

По просьбе Монкады президент Адольфо Диас включил шесть либералов в состав правительства. 9 мая было объявлено, что генерал Монкада и американский адмирал Латимер договорились о том, что солдаты, которые сдадут свое оружие войскам США, получают новый костюм и по 10 долларов за винтовку.

12 мая 1927 года генерал Монкада и остальные подчинившиеся ему генералы обратились с письмом к полковнику Стимсону, где сообщали, что они «решили сложить оружие и выражают надежду, что оно будет немедленно изъято силами, способными обеспечить порядок, неприкосновенность собственности и свободу».

Итак, генералитет капитулировал. Лишь один генерал отказался подписать капитуляцию — это был Аугусто Сесар Сандино.

После типитапского предательства народу стало ясно политическое ничтожество всех партийных лидеров, консерваторов и либералов. Для спасения чести и независимости родины нужно было прежде всего изгнать ненавистных «гринго» — американских оккупантов. И Аугусто Сесар Сандино, выразитель народных чаяний, возглавил борьбу патриотов.

ПОД КРАСНО-ЧЕРНЫМ ЗНАМЕНОМ

В центре западной части Никарагуа затерялся городишко Никиноомо — вернее, даже не город, а большая деревня: несколько домишек из необожженного кирпича и 300—400 лачуг из тростника и камыша. Длинные кривые улочки, не более тысячи жителей.

Утром город заволакивает густым туманом, а днем палит безжалостное солнце. Вокруг Никиноомо — стройные ряды красивых пальм. Этот старинный городок был заложен в далекие времена, более тысячи лет тому назад, индейцами племени толтеков, переселившимися в нынешнюю Никарагуа из Мексики.

18 мая 1895 года* в семье владельца маленькой кофейной плантации Грегорио Сандино родился сын Аугусто Сесар Сандино. Спокойный, рассудительный и немногословный дон Грегорио, тоже уроженец Никиноомо, радовался появлению первенца. В торжественные дни дон Грегорио появлялся в черном костюме, с золотой цепочкой на груди. Старомодный широкий галстук почти полностью закрывал рубашку

В тихом Никиноомо жизнь шла размеренно и скучно. Дон Грегорио редко читал газеты; они приносили дурные вести. В народе все чаще говорили о «светловолосых чужеземцах», хозяйничавших в Никарагуа.

* По другим данным, Сандино родился в 1893 году

Вскоре Грегорио Сандино оставил мать Аугусто, Маргариту Кальдерон, и женился на другой женщине, по имени Америка. От второго брака у Грегорио Сандино было трое детей: Сократес, Асунсьон и Зоила Америка. Аугусто остался жить в семье отца.

В положенный срок Аугусто пошел в школу, но уже с детских лет стал работником на маленькой ферме отца. Целыми днями он не отходил от сельскохозяйственных машин: ему нравилось разбирать их, управлять ими. Он часто возил продукты на базар в ближайший город Гранаду и Масайю. Иногда с тем же поручением ездил в столицу Манагуа. Несколько лет Аугусто проучился в гимназии города Гранады, но учебу пришлось бросить: отец с трудом сводил концы с концами, и надо было помогать семье — ведь Аугусто был старшим.

Двенадцатилетним мальчишкой Сандино уже начал задумываться над судьбой своего народа. «Кто виноват в том, что вокруг царит нужда, что помещики нещадно эксплуатируют наших забитых крестьян?» — размышлял он.

Большое влияние на формирование мировоззрения Сандино оказало творчество выдающегося никарагуанского поэта Рубена Дарио.

Выходец из народа, писатель-демократ Рубен Дарио в течение многих лет (он скончался в 1916 году в 49-летнем возрасте) был властителем дум всей латиноамериканской молодежи. «Лебедем Никарагуа» называли его в народе. Рубен Дарио известен также как выдающийся реформатор испанского языка и как реформатор стиха. Это о нем сказал Пабло Неруда: «Без Дарио латиноамериканцы вообще не умели бы говорить».

В творчестве гениального никарагуанца неизменно звучал гневный протест против иноземных захватчиков. В знаменитом послании президенту США Теодору Рузвельту, оголтелому империалисту, стороннику политики «большой дубинки», Рубен Дарио писал:

Надо было бы, Рузвельт, по милости господ бога,
Звероловом быть лучшим тебе, да и лучшим стрелком,

Чтобы нас удержать в ваших лапах железных.
Правда, вам все подвластно, но все ж не подвластен
вам бог!

Стихи Рубена Дарио вдохновляли никарагуанскую молодежь на борьбу против ненавистных гринго.

После того как в 1912 году в Никарагуа прочно обосновалась морская пехота США и американские банкиры установили над страной свой неограниченный контроль, положение в никарагуанской деревне стало еще более бедственным; началось поголовное разорение фермеров. Помещики и скупщики сельскохозяйственных продуктов выжимали из крестьян все соки. Одержимый желанием облегчить жизнь своих земляков, молодой Сандино организовал потребительско-сбытовой кооператив. Однако всполошившиеся торговцы Масайи и Гранады послали в Никиноомо генерала Монкаду, того самого Монкаду, о котором речь шла выше, дабы он «умерил пыл» Сандино. Таким образом, первая встреча Монкады с Сандино произошла в 1920 году.

Вынужденный ликвидировать кооператив, 25-летний Аугусто простился с отцом и отправился на поиски работы. Не покидая мечты вернуться домой и служить родному краю, Аугусто отправился в северную Никарагуа, работал на шахте, исколесил всю страну.

Постепенно имя Сандино стало популярным среди простых людей. Генерал Монкада, этот политикан, мечтавший стать диктатором и работавший тогда «под либерала», обратил на него внимание. В тот период генерал усиленно вербовал сторонников. Ход мыслей генерала Монкады был прост: идти против США бессмысленно, значит, американским боссам надо предложить больше, чем им предложили консерваторы. И вот Монкада решает сделать энергичного Сандино своим помощником. Однажды генерал устроил в честь Сандино вечеринку. Песни, шутки, анекдоты, звон гитар, ароматная касуса — никарагуанский ликер... Казалось, вечер удался на славу. Но вот в разгар веселья появилась прелестная 13-летняя де-

вочка. Взяв ее за руку и обращаясь к Сандино, Монкада торжественно произнес:

— Эту красавицу, эту жемчужину, эту соперницу богинь я приготовил для собственных удовольствий. Но мы с тобой друзья навеки, ты будешь представлять мою политику в своем департаменте, и я с радостью отдаю ее тебе. Бери!

Перепуганная сеньорита заплакала. Сандино вскочил как ужаленный.

— Эта девочка — символ Никарагуа! — воскликнул он. — Она не будет принадлежать ни тебе, ни кому-либо другому! Никто не посмеет надругаться над нею!

И с этими словами Аугусто вывел девочку из дома, посадил ее на свою лошадь и отвез в женский монастырь, подальше от развратного старика.

Такова история первого столкновения Сандино с Монкадой.

Попытки заручиться поддержкой такого популярного среди трудовых людей человека, как Сандино, предпринимали и другие политики, но Сандино не прельстились ни деньги, ни место депутата конгресса. В отместку его хотели убить. Однажды в баре наемный убийца затеял с Аугусто ссору, пытался с ним расправиться, и Сандино спасся лишь благодаря счастливой случайности. С того дня он поклялся не брать в рот спиртного.

Переменив много профессий и исколесив всю страну, в 1923 году Сандино покинул родину и нанялся сторожем на склад в один из северных портов Гондураса — Ла Сейбу. Здесь, в Ла Сейбе, Сандино познакомился со своим выдающимся соотечественником — писателем Густаво Алеманом Боланьосом, начинавшим тогда свою литературную деятельность. Долгие годы верной дружбы связали Сандино и Боланьоса.

В 1952 году Боланьос, автор 25 книг и сотен статей, опубликовал в Мексике книгу «Сандино-освободитель». Это подробная биография героя, основанная на личных впечатлениях автора, на обширной

переписке с Сандино и на других документах, представляющих большой интерес.

В 1924 году Сандино переехал в Гватемалу и там в городе Киригуа устроился механиком в мастерские, принадлежавшие американской «Юнайтед фрут компани». В жизни стран Центральной Америки эта компания занимает особое место. Обосновавшись там лет восемьдесят назад, эта «банановая компания», которую в Центральной Америке называют «зеленым чудовищем», стала «государством в государстве»; она бесцеремонно вмешивается во внутренние дела стран, по своему усмотрению смещает и назначает президентов. Два американских ученых, Кепнер и Сутхилл, в книге «Банановая империя» так пишут о «Юнайтед фрут компани»: «Могущественная компания душит конкурентов, властвует над правительствами, прибирает к рукам железные дороги, разоряет плантаторов, душит кооперативы, угнетает рабочих, борется с организованным рабочим движением и эксплуатирует потребителей».

Переезжая из одной страны в другую, Сандино убеждался в том, что картина везде одна и та же: богачи купаются в роскоши, а народ живет в беспросветной нужде. Сандино много читал, часто бывал на музыкальных вечерах и концертах. Посещая собрания и лекции, он мало-помалу установил связь с рабочими центрами.

В 1924 году Аугусто перебрался в Мексику и в порту Тампико устроился на работу в американскую нефтяную компанию «Уастека петролеум компани». В те годы Мексика была центром революционной борьбы против американских империалистов. Раскаты великого Октября докатились до народа Мексики. В 1917 году он совершил буржуазно-демократическую революцию и с оружием в руках отстаивал свои завоевания. В 1920—1921 годах в некоторых городах и штатах Мексики возникли советы. Правительство Мексики было первым латиноамериканским правительством, установившим дипломатические отношения с СССР; в 1922 году были установлены полуофициальные отношения, а летом 1924 года мекси-

канский представитель в Берлине сообщил советскому послу в Германии о решении правительства Мексики признать СССР де-юре и обменяться посланниками. Предложение правительства Мексики было принято, и 1 августа 1924 года между СССР и Мексикой были установлены дипломатические отношения.

В обстановке патриотического подъема и антиимпериалистической борьбы Сандино получил первую боевую закалку. Он принимает активное участие в профсоюзном движении Мексики, ни на минуту не забывая о своей родине, не оставляя мечты об ее освобождении от двойного рабства. Он жадно учится, впитывает революционный опыт своих мексиканских друзей и внимательно следит за политической борьбой, разворачивающейся в Никарагуа.

После очередной интервенции американских войск в Никарагуа в августе 1925 года, интервенции, организованной США по просьбе никарагуанской правящей клики, по всей Латинской Америке прокатилась волна возмущения. Сандино позднее писал так: «Эта интервенция привела к тому, что народы Центральной Америки и Мексики стали нас, никарагуанцев, ненавидеть. Я чувствовал себя глубоко оскорбленным, когда меня обзывали хриstopродавцем и бесстыжим предателем. Поначалу я возражал, говорил, что я не государственный деятель и не несу ответственности за позорное поведение никарагуанских правителей. Но я много думал и понял, что в этих упреках есть доля истины, ибо даже если у человека отнимают родину, у него не могут отнять право протестовать».

Со своими мексиканскими друзьями Сандино часами говорил о положении в Никарагуа. Во время одной из таких бесед взволнованный Сандино сказал, что если бы в Никарагуа нашлось сто человек, которые любили бы родину так же сильно, как он, то суверенитет Никарагуа, попраный захватчиками, можно было бы восстановить. Мексиканские друзья убедили Сандино, что такие люди безусловно есть в Никарагуа, их надо лишь разыскать и объединить.

«С тех пор, — писал Сандино 4 августа 1929 года, — я начал искать эти сто человек...»

Когда в мае 1926 года в Никарагуа либералы подняли восстание против американских оккупантов и их никарагуанских лакеев, у Сандино созрело окончательное решение. 15 мая того же года он покинул Мексику и 1 июня прибыл на родину.

Возвратившись в Никиноомо, Сандино увидел, что жизнь здесь стала еще тяжелее. Найти какое-нибудь занятие в родном городе оказалось невозможным. В поисках работы Сандино обошел немало деревень и городов, устанавливая личные контакты с трудовыми людьми. В городе Леоне вместе с группой рабочих Сандино подписал контракт — завербовался на золотые прииски Сан-Альбино. Эти прииски, принадлежавшие американской фирме, расположены неподалеку от границы с Гондурасом. В Сан-Альбино Аугусто удостоверился в том, что янки обращаются с никарагуанскими рабочими еще хуже, чем с мексиканскими.

Рабочие полюбили Сандино, и вскоре он стал их признанным вожаком. Готовя их к борьбе, он рассказывал им об истории родного края, о борьбе мексиканских рабочих. Наконец друзья Сандино готовы к выступлению против захватчиков, но с чего начать? Прежде всего необходимо подумать об оружии. Опытный механик, Сандино научил своих товарищей делать гранаты с помощью динамита, которым пользовались на прииске. А в октябре 1926 года Сандино послал одного из своих помощников, Антонио Марина, в Гондурас, и тот привез 15 винтовок и несколько сот патронов.

Девятнадцатого октября Сандино и 29 его товарищей подняли восстание. Они взорвали прииск и ушли в горы и леса Сеговии. К сожалению, история не сохранила имен этих первых соратников Сандино, ядра будущей армии, вставшей на защиту суверенитета Никарагуа.

Первое столкновение повстанцев с войсками правительства произошло 2 ноября 1926 года близ ме-

стечка Эль Хикаро. Соотношение сил: 30 против 200. Первое сражение закончилось отступлением повстанцев, но все 30 остались живы и ушли в горы департамента Северная Сеговия. С тех пор в течение почти семи лет Сеговия была неприступной крепостью партизан Сандино. Центром движения стал район Эль Чипоте, или, как его еще называют, Эль Чипотон.

Эль Чипоте — это небольшая возвышенность на одном из крутых отрогов хребта. Вокруг нее простирается небольшая, поросшая лесом долина. По левую и по правую руку протекают две речушки, вдоль изрезанных берегов которых много пещер. В Эль Чипоте и был расположен лагерь Сандино.

В первых числах декабря стало известно, что глава либералов Сакаса высадился в Пуэрто-Кабесасе и провозгласил себя «конституционным президентом». Сандино отправляется в Пуэрто-Кабесас к Сакасе за оружием и инструкциями. В индейской каноэ, с шестью помощниками Сандино девять дней плыл по течению реки Коко. Президент Сакаса пообещал Сандино подкрепление и направил его в распоряжение военного министра генерала Монкады. Старый знакомый Монкада встретил Сандино недружелюбно, долго выяснял, зачем ему оружие, критически отозвался о военных способностях Сандино и в конце концов оружие дать отказался, порекомендовав направить колонну Сандино в распоряжение другого военачальника.

Пока Сандино находился в Пуэрто-Кабесасе, а этот период затянулся до 40 дней, произошло следующее. 24 декабря 1926 года американцы объявили Пуэрто-Кабесас нейтральной зоной и потребовали, чтобы президент Сакаса эвакуировался в 48 часов вместе с войсками и вооружением. Покидая в панике Пуэрто-Кабесас, Сакаса и его приближенные бросили много оружия. Сандино и его шесть помощников собрали 40 винтовок и 7 тысяч патронов. После многих перипетий они отправились обратно в Сеговию. Теперь плыть пришлось вверх по течению реки Коко. Месяц на веслах везли Сандино и его товарищи бес-

ценный груз; они прибыли в Сеговию лишь 2 февраля 1927 года.

Поездка в Пуэрто-Кабесас многому научила Сандино. Именно там он окончательно уяснил себе, что особой разницы между главарями консерваторов и либералов не существует. И те и другие добиваются лишь власти для себя. Вспоминая эту свою поездку, Сандино писал: «Консерваторы и либералы — одинаковые прохвосты, трусы и предатели, не способные руководить мужественным, патриотически настроенным народом... Именно тогда я понял, что у нашего народа нет руководителей и что нужны новые люди».

В Сеговии, ставшей для партизан родным домом, Сандино готовит свое войско. Теперь оно увеличилось в десять раз и насчитывало 300 человек. Колонна партизан переходила из деревни в деревню и росла с каждым днем.

В отряде Сандино было много молодежи. В ноябре 1926 года, когда Сандино со своей частью стоял в горах Килали, по тайной тропе пришел к нему оборванный 9-летний индейский мальчишка и потребовал, чтобы его провели «к генералу». Поздоровавшись с Сандино, он протянул ему свою котомку с едой. Сандино поблагодарил малыша и попросил передать привет родителям, но мальчик не трогался с места.

— Хочу быть одним из твоих солдат, — настаивал он. — Хочу, чтобы ты дал мне ружье и пули, чтобы драться с бандитами. Мы узнали, что ты в горах, и вот я пришел к тебе и принес еду.

Сандино так и не смог уговорить мальчугана вернуться домой. Он остался и стал партизаном. За два года он участвовал в 36 боях. В армии Сандино его обучили грамоте. «Чико-омбре» («мальчик-мужчина»), как называл его Сандино, стал всеобщим любимцем.

Во время боев на подступах к городу Окатель к сандинистам присоединился мальчик Хосе Кастильо, который жил с родителями в одной из деревень близ Окаталя. Через несколько месяцев Хосе стал настоящим солдатом-патриотом: участвовал

в атаках, ходил в разведку. В сражении у Телпанека он был ранен. Правая нога осталась изуродованной. Он не мог больше ходить в разведку и стал снайпером. Хосе умел так замаскироваться, что его не распознавали даже свои, и по меткости стрельбы не имел себе равных.

Гондурасцу Хуану Альберто Родригесу, как и никарагуанцу Хосе Кастильо, тоже было всего 12 лет, когда в одиночку, через горы, озера, реки и непроходимые леса пробирался он из Гондураса к Сандино. Несколько дней продолжалось опасное путешествие. На ночь Хуан взбирался на самую высокую гору, чтобы не стать добычей диких зверей. Однажды ночью на него натолкнулись разведчики Сандино, и малыш упросил их доставить его в штаб-квартиру генерала. Сандино по-отечески пожурил мальчишку и спросил о его планах. Хуан, не задумываясь, ответил:

«Мой генерал, я пришел сюда, чтобы просить вас. Разрешите мне быть вашим солдатом, дайте мне ружье, и я буду сражаться против янки».

Сандино зачислил его солдатом — не устоял перед такой решимостью — и распорядился дать мальчику оружие. Вскоре Хуан продемонстрировал свое бесстрашие и находчивость. Во время сражения близ местечка Бана он вступил в рукопашную с американским солдатом и изловчился выстрелить в него из его же винтовки. Затем Хуан Альберто снял с него форму, забрал оружие и возвратился к своим.

Таких бесстрашных ребят, как Хосе Кастильо, «чико-омбре» и Хуан Альберто Родригес, было много в армии Сандино и становилось все больше и больше. «Генерал» обладал удивительной притягательной силой, ибо то был истинно народный генерал. Кстати, поначалу «генералом» звали его лишь партизаны, но в конце концов правительство Сакасы и генерал Монкада были вынуждены молча признать это звание, завоеванное в боях. Вскоре Монкаде пришлось изменить свое мнение и о военных способностях Сандино. В апреле войска Монкады были окружены правительственными войсками. Монкада обратился за

помощью к Сандино. Он писал: «Если вы срочно не поддержите армию, то будете нести ответственность за катастрофу». Тот самый генерал Монкада, который совсем недавно отказал Сандино в оружии, не верил в военный талант Сандино и издевался над его стратегическими планами, просил теперь о помощи так, словно Сандино был кадровым офицером.

Сандино перегруппировал свои силы и, используя добровольцев, подчинявшихся ему, спас армию либералов от неминуемого поражения. В этой операции ярко проявился военный гений и мужество Сандино. 800 кавалеристов сражались под знаменем Сандино. Монкаде не оставалось ничего иного, как признать заслуги Сандино. Но миролюбивое настроение удержалось недолго — слишком стремительно росла популярность народного генерала Сандино и множилось число его соратников. Монкада издал приказ, согласно которому численность отдельных войсковых групп не могла превышать 300 человек. Одновременно запрещался переход солдат из одной группы в другую. Однако все солдаты армии Сандино, или, как они теперь называли себя сами, «сандинисты», отказались перейти под командование другого генерала. И Монкада вынужден был согласиться. Тогда он придумал для Сандино задание, которое не могло закончиться иначе как верной гибелью. Монкада приказал Сандино отправиться в город Боако, будто бы занятый его войсками, тогда как в действительности там прочно укрепились правительственные войска. Монкада надеялся, что Сандино попадет в западню и на сей раз живьем не уйдет. Более того, Монкада намеренно не информировал командиров своих частей, дислоцированных по дороге в Боако, о том, какое «задание» получил Сандино, надеясь, что его примут за изменника и расстреляют на месте. Но Сандино мастерски обошел обе ловушки, остался цел и невредим сам и вывел своих солдат.

Сандино ждал нового приказа верховного главнокомандующего, а «верховный» готовил в это время предательство. Как было сказано выше, 12 мая

1927 года Монкада и весь генералитет либералов сложил оружие и прекратил войну против консерваторов и стоявших за ними американских войск

Капитулировать отказался лишь Сандино. Именно тогда между ним и Монкадой произошел знаменитый разговор.

Самодовольный Монкада иронически спросил Сандино:

— А вас кто сделал генералом?

На что Сандино ответил:

— Мои товарищи по борьбе, сеньор. Моим званием я не обязан ни предателям, ни захватчикам!

Опасаясь ареста, Сандино объявил Монкаде, что должен посоветоваться относительно дальнейших действий со своими солдатами, и попросил установить разумный срок для сдачи оружия.

12 мая 1927 года в воззвании, обращенном к местным властям всех департаментов Никарагуа, Сандино сообщил: «Мое решение таково: если даже все сложат оружие, я этого не сделаю. Пусть я лучше погибну с теми немногими людьми, которые остались со мной. Лучше умереть патриотом, чем жить рабом».

Так было поднято красно-черное знамя восстания. «Свобода или смерть!» — таков был смысл двух цветов этого знамени, в течение шести лет наводившего страх на оккупантов.

Генерал Монкада и его личный секретарь Анастасио Сомоса предприняли еще одну попытку избавиться от Сандино. Когда один из сподвижников Сандино был взят в плен, ему обещали свободу при условии, что он приведет армию Монкады в расположение партизан Сандино. Но командир армии Сандино не стал предателем. Он решил ценой собственной жизни уничтожить изменников родины, заманив их в ловушку, и дал знать о своем плане Сандино. Однако по дороге к лагерю партизан план отважного партизана был раскрыт. Враги заставили его вырыть себе могилу, подвергли нечеловеческим пыткам. Он умер как герой.

В день окончательной капитуляции Монкады, 12 мая 1927 года, был совершен еще один акт пре-

дательства: в Никарагуа была создана «национальная гвардия», то есть жандармерия для подавления малейшего проявления протеста. Показательно, что возглавили эту свору наемников американские офицеры; командующим «национальной гвардией» Никарагуа был назначен подполковник армии США Реа. (В июле его сменил полковник Бидл.) Вся страна была разделена на четыре «гвардейские» зоны, каждая — под началом американского офицера.

Двадцать второго декабря того же года было подписано американо-никарагуанское соглашение о структуре и характере «национальной гвардии»; ей были предоставлены все функции вооруженных сил, связанные с обороной страны и с охраной порядка.

Сандинисты укрылись в горах родной Сеговии, где Сандино установил фактический контроль над четырьмя департаментами северной части Никарагуа: Эстели, Новая Сеговия, Хинотега и Матагальпа. Территория этих департаментов равна 30 тысячам квадратных километров, что составляет одну пятую часть всей территории Никарагуа.

В эти напряженные дни мая 1927 года в личной жизни Сандино произошло важное событие: он встретил девушку, которая стала впоследствии его женой. Части Сандино вели бои за город Сан-Рафаэль дель Норте. В момент, когда партизаны окружили дом, в котором находился телеграф, 19-летняя телеграфистка Бланка Араус информировала правительство о ходе боя.

Бланка сообщала президенту Диасу: «Сейчас партизаны атакуют центральную площадь. Срочно пришлите подкрепления для охраны жителей». Но треск пулеметов прервал стрекот телеграфного аппарата. С силой рванув дверь, Сандино вошел в контору телеграфистки. Бланка решительно загородила ему путь и крикнула:

— Хочешь убить меня, убей!

— Зачем? Я умею хорошо относиться к женщине. А ты к тому же очень красива, девушка, — проговорил Сандино.

Так произошло знакомство Сандино с его будущей

женой. Сандино и его штаб поселились в доме, где находился телеграф и где жили родители Бланки. (Все члены семьи Араус, в том числе и женщины, работали телеграфистами.) Вскоре они оценили благородство Сандино и стали всей душой сочувствовать делу, за которое он сражался. Много часов провел Аугусто у стола, за которым работала телеграфистка Бланка Араус. Вспоминая об этом периоде своей жизни, Сандино пишет: «По телеграфу я связывался со многими пунктами страны. Мне помогала Бланка. Я полюбил ее, и она стала моей невестой».

В день рождения Аугусто (ему исполнилось 32 года), 18 мая 1927 года, они поженились. Судья и молодой священник оформили брак быстро, без излишних формальностей. Узнав, что священник собирается отметить радостное событие колокольным звоном, Сандино возразил: «Не надо колокольного звона, отец, я предпочитаю музыку моих пулеметов». Впоследствии, вспоминая о перипетиях этого дня, Сандино писал: «Свадьба была совсем простой». В течение нескольких часов в Сан-Рафаэле дель Норте действительно раздавались залпы. На улицах было полно народу: веселые парни в широкополых шляпах, с обязательным платком на шее; девушки и женщины в красочных национальных костюмах. Но почти все были босиком. Две трети жителей Никарагуа и по сей день ходят без обуви. В тот памятный день во многих домах Сан-Рафаэля дель Норте вместо пресных лепешек «тортильяс», бобов и бананов — основной пищи простых никарагуанцев — на стол подавали праздничное кушанье «накатамаль» — вкусный пирог из кукурузной муки, начиненный мясом, цыплятами и овощами; его запивали ананасовым соком, хорошо сдобренным корицей, и неизменным горьким кофе, без которого в Никарагуа не обходится ни одна даже самая скромная трапеза.

Не дожидаясь конца гулянья, молодые сели верхом на лошадь и отправились в свое недолгое «свадебное путешествие». Их ждала жизнь, полная испытаний и тревог.

Сандино горячо любил Бланку. Он написал ей сотни писем, проникнутых нежностью и заботой.

«Я люблю тебя... Я выиграл еще одно сражение для тебя и для родины...» — с гордостью писал он ей.

Бланка всегда старалась быть рядом с мужем и помогать ему словом и делом.

19 мая 1927 года Сандино обратился к никарагуанскому народу с воззванием, в котором он разоблачал предательство либералов, клеймил агрессоров из Соединенных Штатов и призывал патриотов присоединиться к его отряду в городе Сан-Рафаэле дель Норте и совместными усилиями изгнать янки с никарагуанской земли.

А 20 мая Сандино уже снова в лесах Сеговии. 21 мая Монкада при поддержке американских войск занял город Хинотегу, оставленный Сандино, и по телеграфу предложил ему сдаться. В Хинотегу Монкада прибыл в сопровождении своего секретаря Анастасио Сомосы, нескольких американских офицеров и отца Аугусто — Грегорио Сандино. Не обнаружив Сандино в Хинотеге, он отправил к нему его отца с письмом, в котором требовал немедленно разоружиться. 25 мая дон Грегорио нашел своего сына в городке Яли; старик был глубоко обеспокоен судьбой Аугусто, но все попытки убедить его выполнить приказ Монкады оказались тщетными. Уговаривая Сандино капитулировать, Монкада предлагал ему пост политического начальника в Хинотеге, денежную компенсацию за службу в армии и место в палате депутатов Национального конгресса.

Вот какой ответ дал Сандино Монкаде:

«Не могу понять, почему теперь вы хотите мне приказывать. Помнится, когда вы были главнокомандующим, вы всегда плохо ко мне относились... Пожалуйста, попробуйте меня разоружить. Я на своем посту, и я жду вас. Я не продаюсь и не сдаюсь: попытайтесь меня победить. Я хочу выполнить свой долг и хочу, чтобы мой протест, написанный кровью, послужил на пользу потомству».

Три месяца — май, июнь и июль — Сандино посвятил объединению сил своих сторонников. А в это

время американское командование в Никарагуа уведомляло свое вашингтонское начальство о полной ликвидации сандинистов. В связи с такой «оптимистической» информацией часть оккупантов покинула страну. Однако и после этого в Никарагуа оставалось 3500 американских солдат — цифра весьма внушительная, особенно если учесть, что «армия» Сандино насчитывала в это время 30 человек.

И все-таки Сандино твердо верил, что дело его правое и что он победит. 14 июня 1927 года, обосновавшись на северо-западе департамента Новая Сеговия, он, обращаясь к политическому начальнику города Эль Окоталь, писал: «Если янки захотят нас разоружить, мы сумеем их уничтожить».

Свой приказ от 18 июня о назначении подполковника Эстрады политическим начальником города Эль Хикаро в Новой Сеговии (вскоре переименованного в «город Сандино») Сандино закончил словами: «Родина и свобода!» С тех пор, что бы он ни писал, он всегда кончал этим боевым кличем. Этот страстный призыв — «Родина и свобода!», подхваченный патриотами всех латиноамериканских стран, грозно звучит сегодня на всем континенте.

Р О Д И Н А И С В О Б О Д А !

1 июля 1927 года на северо-востоке страны, в том самом местечке Сан-Альбино, где за год до этого зародилось ядро освободительной армии Никарагуа, Сандино обнародовал первый политический манифест повстанцев. В этом важном документе излагались цели и задачи движения.

«Человек, который не требует у своей родины даже клочка земли для собственной могилы, заслуживает доверия», — так начинается этот горячий призыв великого партизана. «Высшей гордостью для меня является то, что я вырос среди бедняков; ведь именно они, угнетенные, — душа и честь нашего народа», — писал Сандино. В манифесте содержится точная характеристика положения в Никарагуа. Сандино объяснял народу, что поднятое либералами восстание не только не закончилось, но, напротив, ширится; теперь народ должен сражаться не только против никарагуанских прислужников США, но и против самих иностранных оккупантов. «Я клянусь перед родиной и историей, что моя шпага спасет национальную честь и принесет освобождение угнетенным! На вызов, брошенный мне подлыми оккупантами и предателями родины, я отвечаю боевым кличем. Я и мои солдаты станем стеной, о которую разобьются легионы врагов Никарагуа. А если мои солдаты, защитники сво-

боды, сложат голову все до единого, то, прежде чем это произойдет, не один батальон интервентов навеки останется лежать на склонах моих родных гор... Идите же сюда, чтобы убивать нас на нашей земле, сколько бы вас ни было, я вас жду во главе моих солдат-патриотов. Но знайте: если это произойдет, то кровь наша падет на белый купол вашего Белого дома — гнездо, где вынашиваются преступные планы».

Страстный призыв Сандино донесся до самых отдаленных уголков Никарагуа. Группами и в одиночку глухими, непроходимыми тропами стали пробираться никарагуанские патриоты в лагерь партизан.

По приказу оккупантов архиепископ Манагуа Хосе Лосано-и-Ортега и епископ Гранады Рейес-и-Вальядарес издали грозное постановление об отлучении всех сторонников Сандино от церкви. Но ни эта, ни другие аналогичные меры не дали желаемых результатов.

Новый командующий американскими войсками в Никарагуа адмирал Дэвид Ф. Селлерс, сменивший 8 июля 1927 года адмирала Латимера, сразу после своего назначения предпринял наступление против Сандино в нескольких направлениях.

Среди населения был распространен следующий циркуляр за подписью капитана морской пехоты США Хатфилда:

«Внимание всех заинтересованных лиц. Аугусто С. Сандино, бывший генерал армии либералов, поднявший восстание против правительства Никарагуа, объявляется вне закона. В связи с этим всякий, кто его поддерживает или остается на территории, оккупированной его частями, делает это на собственный страх и риск, поскольку ни правительство Никарагуа, ни правительство Соединенных Штатов не несут ответственности за жертвы, которые могут иметь место во время военных операций, проводимых вооруженными силами США на территории, оккупированной Сандино».

А 12 июля капитан Хатфилд, прибывший в город Окоталь, направил Сандино ультиматум, в котором потребовал, чтобы сандинисты сдались в течение

48 часов, иначе они будут объявлены вне закона и расстреляны. Самому Сандино капитан грозил так: «Мы собираемся напасть на ваши позиции и навсегда покончить с вами и с вашим отрядом. Если даже вам удастся бежать в Гондурас или в другую страну, за вашу голову будет назначена награда и вы никогда не сможете вернуться на родину, вас будут преследовать как бандита...»

В те грозные июльские дни весь мир услышал короткий ответ Сандино: «Я не сдамся... Я хочу видеть свою родину свободной или умереть. Я не боюсь вас, я верю в патриотизм моих товарищей. Родина и свобода!»

Сандино не стал ждать, пока истекут 48 часов. Он решает сам наступать на Окоталь. Его армия — 100 человек, но лишь 60 из них умеют обращаться с оружием. Вооружение — 8 пулеметов. Однако по дороге в Окоталь к сандинистам присоединились сотни местных крестьян, и на подступах к Окоталю в армии Сандино было уже около восьмисот бойцов. На рассвете 16 июля началась яростная атака. Окоталь был хорошо укреплен: в распоряжении капитана Хатфилда находилось 400 американских солдат из регулярных частей и 200 предателей никарагуанского народа, «национальных гвардейцев». Бой длился 15 часов без передышки. Окоталь был взят.

Американцы бросили против повстанцев авиацию. Семь самолетов на бреющем полете расстреливали крестьян и жителей Окоталя. 300 мужчин, женщин и детей были убиты, более ста ранены. Известный аргентинский историк и публицист Грегорио Сельсер по поводу сражения у Окоталя пишет: «Мы можем констатировать здесь малоизвестный факт: один из первых случаев применения военной авиации против мирных жителей после первой мировой войны имел место в Никарагуа, за восемь лет до того, как итальянцы Муссолини стали практиковаться в воздушной стрельбе по беззащитным абиссинцам, и за десять лет до того, как пилоты гитлеровской эскадрильи «Кондор» превратили в развалины Гернику».

С поистине непостижимым хладнокровием американский историк Лежен Кумминс, автор книги о Сандино «Дон-Кихот на осле», высказывается об использовании авиации для борьбы против гражданского населения: «Война полностью подтвердила правильность нашего решения включить авиацию в состав экспедиционных сил США в Никарагуа».

Предатель Диас, выполнявший роль президента Никарагуа, обратился к президенту США Кулиджу с просьбой наградить американских летчиков, участвовавших в расстреле мирных жителей. Он устроил даже специальный прием по этому поводу. А на следующий день посланник США доложил государственному секретарю: «Здесь не думают, что Сандино сможет в будущем оказывать серьезное сопротивление». Скоро, однако, как американским дипломатам, так и американским солдатам пришлось убедиться в обратном. Армия Сандино крепла, и ее боевые действия принимали все более решительный характер.

Таким образом, 16 июля 1927 года началась необъявленная война никарагуанских патриотов против американских оккупантов, продолжавшаяся шесть героических лет.

В последующие дни сандинисты отступили с боями. В боях добывали они себе оружие и снаряжение. Сандино писал: «Жаль, что пираты высоки ростом: их форма не подходит нашим людям».

Сражение 16 июля многому научило партизан, определив характер всего последующего хода борьбы. Сандино понял, что развернутые наступательные бои на открытых пространствах выгоднее противнику, располагавшему численным превосходством, несравненно лучшим снаряжением, неограниченным количеством боеприпасов, авиацией, флотом. Тактика позиционного боя также оказалась неудачной. Американские солдаты были лучше подготовлены для ведения «правильных» военных действий. В сражении под Лас-Флорес, разыгравшемся вскоре после сражения у Окоталья, американцы обошли с флангов расположенные патриотов, прикрывавших дорогу в лагерь Сандино. Повстанцы отступили, неся тяжелые потери. Это

было самое тяжелое поражение за все время боев. Сандинисты потеряли убитыми более 60 человек.

Из опыта этих первых боев Сандино сделал вывод, что наносить серьезные удары захватчикам армия партизан — «геррильерос» — может, лишь придерживаясь тактики народной войны — «геррильи».

В ответ американцы стали преследовать не только сандинистов, но и крестьян Сеговии, не без основания подозревая их в сочувствии Сандино. Эта тактика американских оккупантов получила наименование «тактики выжженной земли».

19 июля 1927 года государственный секретарь США Келлог назвал Сандино «бандитом», а его армию «шайкой разбойников». Это чудовищное по своей необъективности и пристрастности высказывание легло в основу официальной версии восстания Сандино, которой правительственные круги и печать США продолжают придерживаться по сей день.

События в Никарагуа получили широкий отклик во всем мире. Имя бесстрашного генерала Сандино не сходило со страниц мировой печати. Выдающиеся деятели культуры — такие, как Ромен Роллан, Анри Барбюс, выдающаяся чилийская поэтесса Габриэла Мистраль, известный гватемальский писатель Мигель Анхель Астуриас и другие, — горячо поддержали борьбу никарагуанских патриотов.

Внутри страны варварское уничтожение невинных людей привело к тому, что многие люди, занимавшие нейтральную позицию, стали единомышленниками Сандино.

О Сандино толковали по-разному даже в лагере его врагов. Сохранилось любопытное высказывание начальника американского гарнизона никарагуанского города Леона, полковника Фегана, который по просьбе генерала Монкады выступил в поддержку его кандидатуры на предстоявших президентских выборах. К вящему удивлению генерала, полковник заявил: «Я ирландец, состою на службе в вооруженных силах США. И, как ирландец, я вам говорю, что генерал Сандино — патриот. Но он плохо разбирается в обстановке. Если бы он настаивал, например, на

строительстве кафедрального собора в любой части Сеговии, он требовал бы возможного, если бы он претендовал на 10 миллионов долларов, то и тогда он требовал бы возможного, но помышлять о победе над США — это значит плохо разбираться в обстановке».

Полковнику было невдомек, что Сандино вовсе не собирався «побеждать» США, что он добивался лишь изгнания американских оккупантов из Никарагуа, и не было такой силы на земле, которая заставила бы его отступить.

Партизанская война тем временем входила в привычное русло: складывались партизанские обычаи, партизанский быт. Повстанцы разбивали свой лагерь где-нибудь в непроходимой чаще и небольшими группами размещались вокруг штаба. Первое, что они делали при разбивке лагеря, — это расчищали узкую тропинку. У Сандино выработалась привычка часами, заложив руки за спину, бродить взад и вперед по этой тропинке и думать, думать... Простой механик, он отвечал теперь за жизнь многих людей.

В лагере установился дух товарищества и братского понимания. Между бойцами и командирами все делилось поровну. Офицеры и солдаты называли друг друга «эрмано» — брат. Объятие служило приветствием.

В лагере Сандино царил железный порядок. Каждый солдат, каждый командир точно знали свои обязанности. Дисциплина в армии Сандино была суровой. За малейший проступок генерал строго наказывал. Был случай, когда полковник Антонио Галеано, назначенный комендантом крепости, напившись пьяным, совершил ряд серьезных проступков. По решению военно-полевого суда Галеано был расстрелян.

Аугусто обычно вставал в 4 часа утра, а час спустя, подтянутый, бодрый, гладко причесанный, уже отдавал распоряжения. Приказы любимого генерала буквально подхватывали на лету и выполняли неукоснительно.

Собрав командиров, Сандино разъяснял задачи

предстоящего дня. Говорил он при этом всегда медленно, спокойно. Его слова обладали какой-то удивительной силой убеждения.

Располагаясь на новом месте, Сандино не успокаивался до тех пор, пока лично не убеждался, что все хорошо устроилось. Уставших он умел подбодрить шуткой, любил острое словцо. Вечером обычно появлялись певцы, музыканты, и начинался импровизированный концерт. Сандино любил народную музыку; грустные переборы гитары он мог слушать часами.

Любимцем партизан был горнист Кабрерита. Остро слов, импровизатор, он обычно начинал концерт соло. Его хрипловатый голос брал за душу слушателей, и они долго не отпускали певца. Но вот на помощь Кабрерите выходил молодой индеец с квадратным лицом и большими грустными глазами. Акомпанируя себе на гитарах, они дуэтом выполняли знакомый репертуар. Бесхитростная импровизированная песня о борьбе, о дружбе, о Сандино захватывала аудиторию, которая незаметно начинала подпевать «артистам». Эмоциональная сила и искренность этих песен компенсировали недостатки поэтического мастерства.

Когда выдавался свободный час, партизаны окружали своего генерала и просили его рассказать что-нибудь из собственной жизни или из героической истории Никарагуа. Сандино любил эти беседы. Особенно любил он рассказывать о Боливаре. Сандино считал его своим духовным отцом и старался во всем ему подражать

— Я сын Боливара, — говорил он.

На одной из стен крепости Эль Чипоте неизвестный художник-партизан нарисовал портрет Боливара.

У Боливара Сандино учился военному искусству. И, надо признать, что ученик оказался достойным своего великого учителя. Как военачальник Сандино проявил недюжинные способности, а дар предвидения признавали за ним даже враги.

Сандино никогда не обучался ораторскому искусству, но его речи зажигали в сердцах людей добрые чувства и вдохновляли на подвиг.

Партизаны любовно называли своего генерала «наш старик». Между тем «старик» был вдвое моложе многих из них.

«В большинстве своем партизаны Сандино, — писал американский журналист Билс, побывавший в армии генерала, — простые, честные люди, которые борются за свободу своей родины», «Эти люди знают, за что они борются, куда лучше, чем любой из морских пехотинцев США, с которыми я беседовал».

Партизаны любили Сандино за его храбрость, за беззаветную преданность своему народу. Здесь, в накаленной атмосфере партизанской войны, окончательно сформировался его характер борца, революционера, народного вожака. Он ненавидел врагов-оккупантов и с такой же непримиримостью относился к их никарагуанским лакеям, которые в угоду своим всемогущим хозяевам заполняли страницы официальной прессы клеветническими измышлениями по адресу Сандино и его партизан.

Страстные обличительные письма, послания, обращения Сандино звучали, как набат. Сандино не был ни писателем, ни журналистом. Не было времени даже перечитать написанное: обычно свои приказы и письма он диктовал. Но немалое литературное наследие героя, при всех погрешностях стиля, представляет собой бесценный человеческий документ эпохи.

К осени 1927 года прояснились ближайшие планы оккупантов. 25 августа посланник США в Манагуа Эберхардт уведомил министра иностранных дел Никарагуа о том, что бригадный генерал Фрэнк Росс Маккой назначен руководителем президентских выборов в Никарагуа. Бравый генерал быстро разработал избирательный закон. Была создана национальная избирательная комиссия во главе с Маккоем. В каждом департаменте создавалась избирательная комиссия-под председательством представителя США. Пунктом пятым рекомендаций специально оговаривалось, что без подписи представителя США ни одно решение не будет иметь законной силы. Заключительный пункт рекомендаций предусматривал, что солда-

ты и офицеры морской пехоты США будут обеспечивать наблюдение за выборами.

История еще не знала такого наглого и циничного вмешательства одного государства во внутренние дела другого.

На следующий день после появления этого документа, глубоко оскорблявшего гражданские чувства никарагуанцев, Сандино снова подтвердил намерение партизан бороться за свободу своего народа.

Армия Сандино была разделена на колонны, численностью от пятидесяти до нескольких сот бойцов, каждая из которых выполняла самостоятельное задание и находилась под командованием лица, подчиненного непосредственно Сандино.

В целях лучшей организации армии и повышения ее боеспособности 2 сентября 1927 года патриоты приняли «Устав армии защитников суверенитета Никарагуа». Его подписали командиры и солдаты — более тысячи человек. Устав состоял из 14 пунктов, предусматривавших строгую централизацию командования и железную дисциплину. Офицеры и бойцы клялись «не вступать в сговор с оккупантами и предателями». За свою службу в армии никто не получал вознаграждения. Верховный главнокомандующий Сандино приносил клятву «не вступать ни в какие политические сделки и подчинять все свои действия высоким идеалам патриотизма, отвечая за них перед Родиной и Историей».

Одновременно была учреждена печать армии защитников суверенитета Никарагуа. Печать эта стала символом всего движения. На ней был изображен партизан, который одной рукой схватил за волосы американского солдата, а другую руку, сжимающую мачете (длинный нож для рубки сахарного тростника), занес над головой врага. Вокруг рисунка надпись: «Родина и свобода!»

Так, на совершенно новых, революционных принципах возникла армия патриотов. Значение этого факта для новейшей истории Латинской Америки трудно переоценить.

Создание армии вызвало серьезное беспокойство

у американских оккупантов. Начались усиленные попытки расправиться с Сандино. Чтобы запугать население департаментов Сеговии, активно помогавшее сандинистам, оккупанты подвергали жестоким пыткам и истязаниям не только захваченных в плен партизан, но и сочувствовавших им крестьян. Они отрубали пленным руки, чтобы они никогда не смогли пользоваться оружием. Еще более жестоким было убийство пленных методом «корте де кумбо»: жертву привязывали к дереву, затем сильным ударом мачете отрубали верхнюю часть головы и тут же развязывали веревки — труп валялся на землю... Ослепленные злобой палачи применяли еще и другой способ, называвшийся «корте де чалеко» («разрез жилета»): жертве отрубали голову и обе руки, а затем вспарывали живот. Применялся также способ «корте де блумер»: жертве отрубали руки и ноги и оставляли истекать кровью. Список «приемов» можно было бы продолжить. У этих злобных палачей была неиссякаемая фантазия. Оккупанты пленных не брали. Расстрел сандинистов и просто жителей районов, где проходили патриоты, на их языке назывался «предоставлением свободы, которой они так добивались». Вначале Сандино отпускал пленных на свободу, но позднее, узнав, как зверски расправляются оккупанты с попавшими в плен партизанами, вынужден был принять ответные меры — расстреливать пленных.

В распоряжении захватчиков всегда имелось 30 самолетов. Огромная сила: в те годы во всем мире насчитывалось не более 600 самолетов.

Все вооружение партизанской армии состояло из старинных ножей — мачете, винтовок, самодельных гранат и нескольких пулеметов. Главным оружием партизан была разведка: ведь каждый честный никарагуанец готов был сотрудничать с сандинистами. Простой индеец, который вез овощи на базар и возвращался к себе в деревню, был добровольным разведчиком Сандино.

Последние месяцы 1927 года прошли в тяжелых боях. Успехи партизан были таковы, что временный поверенный в делах США Мунро, докладывая 18 ок-

тября государственному департаменту о положении дел в стране, сообщал: «Повстанцы контролируют север Никарагуа. Последние события способствовали росту престижа Сандино».

Дипломатическая миссия и военное командование США потребовали отправки в Никарагуа дополнительных контингентов американских войск. Было решено «покончить с Сандино» до наступления нового, 1928 года. Секретный приказ американского командующего от 10 декабря 1927 года, перехваченный сандинистами, гласил: «Любой ценой захватить опорный пункт войск Сандино — гору-крепость Эль Чипоте».

Был разработан подробный план операции. Американским офицерам были обещаны награды. 24 декабря капитан американской армии Брюсс написал своей матери: «Обещаю тебе, что к 1 января голова бандита Сандино будет в моих руках. Я дал клятву: или пробьюсь в Эль Чипоте, или подохну как собака».

Особенно ожесточенные схватки произошли в конце ноября — начале декабря в местности, известной под названием Лас-Крусес, где сходятся несколько дорог, ведущих в Эль Чипоте. Бой длился четыре дня. Противник понес большие потери. Следует отметить, что, как правило, потери американцев и национальных гвардейцев в два-три раза превышали потери партизан.

После кровопролитных боев у Лас-Крусес Сандино сосредоточил все свои силы в своем главном опорном пункте — Эль Чипоте, в том самом Эль Чипоте, куда так рвались американские захватчики. Полностью отрезанные от пунктов снабжения, партизаны оказались в кольце, которое все время сжималось. «Шестнадцать дней длилась осада, — вспоминает Сандино. — Воздушные пираты ежедневно совершали налеты на наши позиции. В 6 часов утра появлялась первая четверка самолетов и начиналась бомбежка. Мы, разумеется, вели ответный огонь, и не одна железная птица была смертельно ранена. После четырех часов бомбежки на смену первой эскадрилье при-

летала вторая; четыре часа спустя — еще одна. И так беспрерывно до наступления ночи».

Тяжелые бои происходили 30, 31 декабря и 1 января 1928 года. Непрерывный пулеметный огонь, лава свинца, выбрасываемая тремя пушками «американками», разрывы бомб, обстрел с самолетов, летавших на бреющем полете, — все это сливалось в сплошной смертоносный ливень. Горели леса, горела земля, горели люди и скот.

И тогда Сандино пошел на военную хитрость. Прежде всего он пустил слух о гибели Сандино и даже организовал собственные похороны. Тайные агенты сообщили начальнику американского гарнизона города Окоталья о смерти Сандино. Сцена похорон была разыграна с таким мастерством, что в американской печати появилось хвастливое и расцвеченное красочными подробностями сообщение морского министерства США, в котором говорилось, что «славная морская пехота США уничтожила «бандита Сандино».

Американские агентства так усердно раструбили на весь мир весть о мнимой гибели Сандино, что близкий друг генерала писатель Густаво Алеман Болянос даже написал о нем некролог, который был опубликован в январе 1928 года в кубинской газете «Диарио де ла Марина».

Вторая военная хитрость, придуманная Сандино, состояла в следующем. По приказу генерала на открытых местах в районе Эль Чипоте были расставлены чучела в соломенных шляпах, чтобы американские летчики, прилетев для очередной бомбежки, не обнаружили никаких перемен в партизанской крепости.

Между тем ночью 2 января 1928 года армия Сандино (600 человек) оставила Эль Чипоте и отправилась в город Сан-Рафаэль дель Норте, находящийся в департаменте Хинотега. Американские летчики, как говорится, ничтоже сумняшеся продолжали еще двое суток бомбить крепость. Только после этого оккупанты захватили и уничтожили неприступный редут партизан.

В Эль Чипоте американцы пробыли всего несколько дней, так как вынуждены были вернуться на базу, чтобы похоронить убитых и оказать медицинскую помощь сотням раненых. Кстати, капитан Брюсс не сумел выполнить своей угрозы — сбылась вторая часть альтернативы, изложенная им в письме к матери: 1 января 1928 года он был убит.

Так закончился трудный 1927 год, год знаменитого перелета через океан американского летчика Линдберга, год казни Сакко и Ванцетти.

Во время сражения под Эль Чипоте сандинисты захватили много трофеев, в том числе американское знамя. Это было огромное — в два квадратных метра — звездно-полосатое полотнище из тяжелой шерсти. Сандино долго и внимательно его разглядывал, потом поставил на нем печать своей армии и собственноручно написал: «Это знамя захвачено у войск империалистов-янки в сражении под Эль Чипоте. Родина и свобода!» И расписался. Любопытна судьба этого знамени. Но об этом в следующей главе.

В январе 1928 года армия Сандино находилась в крайне тяжелом положении. Не раз жизнь Сандино висела на волоске. После эвакуации Эль Чипоте еще более озверевшие американские оккупанты обрушились на Сан-Рафаэль дель Норте, где расположились партизаны. Однажды утром смертельно усталый Сандино вошел в землянку, чтобы передохнуть, но в этот момент начался очередной налет американской авиации. Сандино спрятался в зарослях, чтобы переждать воздушную атаку. Поблизости партизаны вели перестрелку с солдатами. Вдруг, обернувшись, Сандино увидел невдалеке своего начальника штаба генерала Хосе Сантоса Секейру. Тот с колена целился в Сандино. Сандино выхватил пистолет...

«Неужели предал?!» — с горечью подумал он, глядя на медленно удаляющуюся фигуру человека, которого он считал своим верным другом и помощником.

Когда кончилась бомбежка, начштаба вернулся как ни в чем не бывало и, услышав грозный вопрос Сандино, выразил крайнее недоумение.

Легче всего было поддаться первому порыву

и расстрелять изменника на месте. Но Сандино решил не спешить: время покажет, кто прав, кто виноват. К сожалению, подозрение подтвердилось: Секейра дезертировал. Правда, это его не спасло: партизаны его поймали, и он был расстрелян перед строем.

Новогодняя победа патриотов имела серьезные последствия. Имя Сандино приобрело еще большую популярность в стране и за рубежом. Вмешательство США во внутренние дела латиноамериканских стран и героическая борьба сандинистов широко обсуждались на страницах газет и журналов. Поэтому, когда 16 января 1928 года в Гаване открылась VI панамериканская конференция, США оказались в затруднительном положении. Приехавшего на открытие конференции президента США Кулиджа кубинцы встретили весьма сдержанно, если не сказать больше. На гаванских улицах пестрели транспаранты: «Янки, вон из Никарагуа!», «Смерть империализму янки!», «Кулидж, возвращайся домой!», «Да здравствует Сандино!»

Американский профессор Самюэль Гай Инмэн в статье «Почему терпит поражение панамериканизм» писал в те дни: «Несомненно, все участники конференции и до и после нее много размышляли о Никарагуа, ибо это уже была не просто маленькая далекая республика, которая пыталась разрешить свои внутренние проблемы; Никарагуа стала предметом горячих дискуссий повсюду...»

На первом пленарном заседании конференции в Гаване 18 января состоялась процедура подъема флагов всех стран — участниц конференции. Когда был поднят бело-голубой флаг Никарагуа, раздался долго не смолкавшие аплодисменты. Это кубинцы выражали свою солидарность с борющимся народом. Сандино незримо присутствовал за столом конференции. Представители нескольких латиноамериканских стран внесли резолюцию, осуждавшую интервенцию. Разгорелась бурная дискуссия. При помощи шантажа и подкупов американским дипломатам удалось перенести обсуждение вопроса об интервенции на следую-

щую конференцию, но их все-таки вынудили перейти к обороне.

В самих Соединенных Штатах все больше и больше людей задавали себе вопрос: «Почему наша морская пехота воюет против Сандино? Кто же в действительности Сандино?»

18 января 1928 года на обложке американского журнала «Нэйшн» была помещена фотография Сандино во весь рост. Передовая журнала, озаглавленная «Когда война не война?», содержала такое утверждение: «Все знают, что Сандино не бандит. Напротив, это патриот, ведущий безрассудную войну против превосходящих сил США».

Обозреватель «Нэйшн» Хейвуд Браун, с трудом сдерживая возмущение, спрашивал: «Если Сандино угрожает Соединенным Штатам у подножия далеких гор Никарагуа, то тогда у нас есть все основания отправить завтра морскую пехоту в Монако. В самом деле, это было бы даже более логичным, ибо в этом случае у нас было бы больше оснований кричать, что американская собственность находится в опасности».

Интересна концовка статьи Хейвуда Брауна. Он писал:

«Допустим, что Сандино действительно бандит, скверный человек... Но и при этом нельзя забывать, что никарагуанский городок Килали находится далеко от Чикаго. В конце концов у нас есть свои собственные бандиты, свои собственные плохие люди, которые то и дело дают о себе знать то тут, то там. Так почему же нам не сосредоточить свое внимание именно на них?»

Положение в Никарагуа настолько обострилось, что 11 января 1928 года посланник США в Манагуа Эберхардт предложил своему правительству объявить Сандино войну, ибо, по его мнению, это было бы «лучшим решением проблемы». Два дня спустя государственный секретарь Келлог ответил Эберхардту, что его предложение «непрактично, поскольку предполагает признание Сандино воюющей стороной».

Двадцать седьмого февраля у местечка Эль Бра-

мадеро произошло крупное сражение. Епископ департамента Гранада Кануто Рейес благословил батальон американских оккупантов, направлявшихся «покончить с бандитом Сандино». Но епископское напутствие не возымело действия. Вот как описывает сражение у Эль Брамадеро сам Сандино: «Мы уже хорошо изучили тактику янки... Установив пулеметы на ключевых позициях, мы стали ждать. Бригада в полном составе разместилась в заранее установленном месте. Наконец наступил решающий момент... Наше оружие раскалилось докрасна. Бедняги янки падали как подкошенные. Такого разгрома я не видел никогда в жизни. В отчаянии, обезумев, они стреляли куда попало; они карабкались на деревья, но тут же падали, сраженные пулеметной очередью; устремлялись к пулеметным гнездам, но, рухнув, оставались лежать на полпути. Они шли во весь рост и представляли великолепную мишень для наших стрелков. Оружие, благословленное епископом Гранады, им не пригодилось. Они бежали в панике. Наша победа была полной. Янки оставили на поле боя сотни убитых и раненых...»

Американские солдаты пытались укрыться на плантации сахарного тростника вместе с сотнями раненых и убитых. Партизаны подожгли плантацию с четырех сторон. Сухой ветер быстро подхватил смертоносное пламя. Но Сандино великодушно приказал потушить огонь и подобрать раненых.

Вскоре после сражения у Брамадеро на реке Коко произошел следующий эпизод. Разведка партизан обнаружила ночью американский военный лагерь. Чтобы в темноте не спутать, где свои, а где противник, Сандино приказал партизанам раздеться догола и атаковать американцев. Вооруженные одними пистолетами и мачете, голые партизаны разгромили крупное соединение противника.

Военно-морское министерство США сообщило, что за год — с 30 июня 1927 года до 30 июня 1928 года — морская пехота приняла участие в 85 боях против Сандино.

Сандино поддерживал связь со многими людьми за пределами Никарагуа. Он охотно вступал в пе-

реписку и, не жалея сил и времени, разъяснял цели своей борьбы.

В начале февраля 1928 года у Сандино побывал корреспондент телеграфного агентства Советского Союза В беседе с ним Сандино изложил свои политические требования. Вот они:

— Немедленный вывод американских войск из Никарагуа

— Назначение временным президентом Никарагуа гражданского лица, человека, который никогда не был ни президентом, ни кандидатом в президенты.

— Организация новых президентских выборов под контролем комитета, состоящего из граждан Никарагуа.

Большой резонанс в Латинской Америке и во всем мире имело интервью, которое Сандино дал в феврале 1928 года известному американскому публицисту, видному специалисту по проблемам Латинской Америки Карлтону Билсу.

Чтобы добраться до Сеговии — центра военных операций сандинистов, надо было проделать долгий и трудный путь через непроходимые чащи и крутые горы. В затерявшемся в горах ранчо Мина де Сан-Педро Билса встретили три проводника Сандино. На вопрос Билса, где Сандино, они ответили: «Это знают только бог да сам Сандино».

После долгих мытарств Билс, наконец, прибыл в штаб Сандино в Сан-Рафаэле. Первый же часовой его окликнул.

— Стой, кто идет?

Проводники Билса ответили:

— Да здравствует Никарагуа!

Тогда часовой спросил пароль, и проводники отчеканили:

— Не торгуй родиной!

Затем Билса проводили в отведенный для него дом. Журналиста поразили спокойствие и порядок, царившие в лагере сандинистов.

«В четыре часа утра, — вспоминает Билс, — меня разбудил звук рожка, и через полчаса Сандино принял меня в своем кабинете, при свете фонаря. Его

жена, очень красивая женщина, подала нам кофе с лепешками. Пока мы разговаривали, фонарь постепенно угасал и в комнату заглянуло солнце.

Сандино молод, ему около тридцати двух лет (кстати, столько же, сколько мне). Он был одет в темно-коричневую форму и начищенные краги. На шее был повязан шелковый платок красного и черного цвета. Сандино хорошо сложен, хотя и не высок (его рост не более 165 сантиметров). На нем широкополая шляпа, и во время нашей беседы он то и дело сдвигал ее назад на затылок. Тогда были видны гладко зачесанные черные волосы и высокий лоб. Волевой подбородок, широкая нижняя челюсть срезана книзу. Брови — высокие полудужья, нависшие над живыми черными глазами. Глаза темные, зрачков почти не видно. Я не заметил у Сандино каких-либо физических недостатков.

Он понимает, как важно командиру быть справедливым, и неустанно заботится о своих солдатах. Его любимая фраза: «В сражениях сердца наши ожесточились, зато души окрепли».

Все офицеры и солдаты, с которыми я говорил, относятся к Сандино с большой любовью, слепо ему преданы. Он передал им свою непримиримую ненависть к захватчикам. Сандино не устает повторять: «Смерть — это не более что мгновенье. Помните, что она выбирает того, кто ее больше боится».

В беседе, продолжавшейся четыре с половиной часа, Сандино сказал Билсу: «Моя армия — это крестьяне и ремесленники. Мир, земля и труд — вот все, что мы хотим. Нам не нужна ничья благотворительность; когда мы прогоним чужеземного захватчика, мы вернемся домой и будем обрабатывать землю».

Интервью Билса было опубликовано в нескольких номерах американского журнала «Нэйшн», вызвало настоящую сенсацию и было перепечатано в газетах и журналах многих стран. Это был объективный рассказ о фактическом положении вещей в Никарагуа.

Большую роль в разъяснении идей и целей борьбы Сандино сыграл популярный литературный журнал «Реперторио Американо», который издавался в Коста-

Рике, но пользовался большой популярностью на всем латиноамериканском континенте. Его бессменным редактором был выдающийся писатель и журналист Хоакин Гарсиа Монхе, оказавший огромное влияние на всех современных литераторов Латинской Америки. На страницах этого журнала выступали писатели, журналисты, видные политические деятели не только стран Латинской Америки, но также и Европы и США. Анализ материалов, опубликованных в «Реперторио Американо» за период 1927—1934 годов, показывает, что журнал, стремясь отразить настроения широкой латиноамериканской общественности, горячо поддерживал борьбу Сандино и гневно осуждал политику Соединенных Штатов. Так, в номере от 17 марта 1928 года были опубликованы высказывания о борьбе Сандино и о положении в Никарагуа двух великих французов: Ромена Роллана и Анри Барбюса.

Автор «Жана Кристофа» писал: «Я присоединяюсь к вашему протесту против того, что происходит в Никарагуа. Нападение на эту страну является частью мощного наступления североамериканского империализма с целью овладения всем Американским континентом. Я считаю, что политическое покушение на Никарагуа должно быть немедленно разоблачено».

Вслед за Роменом Ролланом Барбюс написал: «Когда угнетенный гражданин возмущается и протестует, его объявляют мятежником и говорят, что он бандит, — уж так повелось».

В июле 1928 года Сандино получил от Анри Барбюса письмо, в котором великий француз говорил:

«Генерал! Я приветствую вас от своего имени и от имени пролетариата и революционной интеллигенции Франции и Европы, которые много раз поручали мне выступать от их имени. Я хочу вам сказать, что внимательно, с большим энтузиазмом слежу за героической борьбой Сандино и его замечательных солдат.

В вашем лице мы приветствуем Освободителя, замечательного солдата, борца за дело угнетенных, эксплуатируемых народов против магнатов капитала. Мы приветствуем в вашем лице молодежь Латинской

Америки, которая организуется и выступает против палачей Севера, этих служителей золотого тельца.

Мы приветствуем в вашем лице всех трудящихся и индейцев Латинской Америки, борющихся против иностранных империалистов, за построение нового мира у себя на родной земле.

Во главе разворачивающейся борьбы и всего континента находитесь вы, Сандино, генерал свободных людей. Вам выпала историческая, незабываемая роль!»

Известный общественный деятель Латинской Америки писатель Исидро Фабела назвал Сандино «новым Давидом, убивающим из пращи Свободы современного Голиафа, у которого вместо сердца — доллар».

Видный гондурасский поэт Фройлан Турсиос издавал в 1927 и 1928 годах в столице Гондураса Тегусигальпе газету «Ариэль», в которой широко освещалась борьба Сандино. Газета не ограничивалась восторженными высказываниями по адресу Сандино и его партизан, но организовывала сбор средств в пользу сандинистов.

В письме к Фройлану Турсиосу Сандино заверял: «Вы можете быть уверены, что я не успокоюсь, пока захватчики не будут изгнаны с моей родной земли. В моей стране не будут распоряжаться иноземные оккупанты. Никарагуа не должна быть во власти империалистов и предателей, и я буду за это драться, пока бьется мое сердце. А если по воле случая я потеряю свою армию, то живым не сдамся — в моем распоряжении всегда будет 100 килограммов динамита, который я взорву собственной рукой».

Никарагуанский писатель Густаво Алеман Боланьос своими статьями и выступлениями тоже помогал своему другу Сандино. Доктор Педро Сепеда — неофициальный представитель Сандино в Мексике — издавал в Мехико-сити «Бюллетень сандинистов».

В марте 1928 года коста-риканские литераторы Хосе Мариа Селедон и Хоакин Гарсия Монхе организовали «Комитет поддержки Сандино», цель которого была сформулирована так: «Оказывать моральную

и экономическую помощь никарагуанцам, которые борются против вторгшейся в страну морской пехоты».

Широкое движение за прекращение интервенции в Никарагуа развернула Всеамериканская антиимпериалистическая лига. 14 апреля 1928 года она организовала пикетирование Белого дома. 107 человек несли лозунги: «Мы требуем немедленно отозвать морскую пехоту из Никарагуа». Правительство США подвергло членов антиимпериалистической лиги преследованиям, но не смогло заставить американский народ замолчать. В июне 1928 года антиимпериалистическая лига создала «Чрезвычайный комитет по обсуждению политики США в Никарагуа».

Протест против американской агрессии и солидарность с борцами за свободу Никарагуа проявлялись не только в форме выступлений печати и создания комитетов. Через заградительные кордоны к Сандино шли люди из многих латиноамериканских стран, готовые защищать святое дело свободы. Они приходили из аргентинских памп, с берегов реки Ориноко, с высоких Анд и становились бойцами армии Сандино. Аргентинцы и сальвадорцы, бразильцы и гондурасцы, мексиканцы и костариканцы, солдаты и генералы, старики и безусые юнцы, рабочие, крестьяне, студенты, учителя... Сандино принимал всех по-братски: ведь они были одной семьей, и объединяла их любовь к свободе, стремление избавить свою землю от ненавистных «гринго».

В литературе тех лет встречаются беглые зарисовки славных соратников Сандино. Вот некоторые из них.

Лейтенант Рубен Ардилья Гомес, колумбиец. Высокий, стройный, светловолосый 18-летний юноша, закончил в 1928 году в столице Колумбии Боготе среднюю школу и собирался поступить в университет. Но все его мысли были с Сандино.

«Читая в течение года газетные статьи о подвигах генерала Сандино, — рассказывает Рубен, — о его борьбе против захватчиков из Соединенных Штатов и вспоминая об унижении своей собственной

родины, я решил любой ценой добраться до Никарагуа. Я рассказал о своем плане школьным товарищам, и они одобрили мое решение. Я понял, что должен покинуть Колумбию».

4 мая 1928 года, в день первой годовщины восстания Сандино, Рубен обнял мать и сказал:

— Дорогая, благослови меня, я отправляюсь в Никарагуа, чтобы сражаться за освобождение Америки.

Вначале мать подумала, что сын шутит. Но, поняв, что намерения Рубена серьезные, она, рыдая, обняла голову сына и сказала:

— Иди, сынок мой. И пусть хранят тебя бог и свобода!..

И начались бесконечные странствия — из города в город, из порта в порт, из страны в страну. Наконец он в Сеговии. Теперь надо добраться до штаб-квартиры Сандино. Однажды повстречавшийся Рубену крестьянин выхватил револьвер и крикнул:

— Ни с места!

Он принял белокурого Рубена за американца и готов был его прикончить.

— Я не янки. Я иду служить под знаменем Сандино, — объяснил, улыбаясь, Рубен.

Крестьянин смерил его взглядом и сказал:

— Нет, ты гринго.

— Нет, — возразил Рубен, — я колумбиец. Посмотри мой паспорт.

Крестьянин долго изучал паспорт, лицо его прояснело, он крепко обнял Рубена и сказал:

— Я тебя проведу к генералу.

По дороге Рубен попал под бомбежку: американские летчики обстреливали реку Коко. Так он получил свое боевое крещение.

Вскоре Рубен стал адъютантом, другом и учителем Сандино, помогал генералу утолять его ненасытную жажду знаний. Когда весь лагерь засыпал, они приступали к уроку грамматики испанского языка: студент объяснял генералу правила, после чего тот писал диктанты. Особенно нравилось Сандино писать сочинения на основе прочитанных книг латиноамериканцев.

риканских писателей. По примеру своего молодого учителя словесности Сандино молюбил стихи. У него была великолепная память; он без труда запоминал большие отрывки стихов и прозы, знал наизусть стихи Рубена Дарио и целые страницы из «Дон-Кихота».

Рубен подарил своему другу маленькую красную книжечку — грамматику испанского языка Маррокина, с которой Сандино не расставался. Они были неразлучны, солдат и генерал, учитель и ученик. Генерал, в свою очередь, учил Рубена военному ремеслу и, главное, учил его патриотизму и беззаветной преданности народу.

Капитану Грегорио Урбано Хильберту, негродоминиканцу, было уже за сорок. У него за плечами был большой опыт борьбы. Когда в 1917 году американские войска начали высадку в порту Сан-Педро де Макорис, чтобы оккупировать Доминиканскую Республику, простой рабочий Хильберт был членом тайной патриотической хунты. Услышав вести о прибытии солдат, он бросился в порт и открыл огонь по оккупантам. Были убиты два офицера. Оккупанты стали строчить из нескольких пулеметов, и Хильберту чудом удалось укрыться в горах. За его голову была назначена большая сумма. Один из бывших друзей Хильберта, некий Суэро, решил «заработать»: он вступил в сговор с американцами, разыскал в лесу ничего не подозревавшего Хильберта, а через несколько дней, встретив его на улице города Монте-Кристи, обнял «друга». Это было условным сигналом. Тотчас же появились американские солдаты, схватили Хильберта и, заковав в кандалы, посадили в яму девятиметровой глубины. В этом открытом гробу под усиленной охраной он просидел 40 дней. Решением военно-полевого суда Хильберт был приговорен к повешению, но президент США Вудро Вильсон заменил казнь пожизненной каторгой. В Доминиканской Республике началось движение за освобождение Хильберта, и 2 октября 1922 года доминиканский патриот был освобожден. Он покинул родину и три с половиной года прожил на Кубе, а когда в 1926 году американцы оставили Доминиканскую Республику, Хиль-

берт вернулся на родину. Несмотря на все пережитое, пламенный патриот продолжал борьбу за свободу своего народа, против продажного правительства. Он участвовал в издании оппозиционной газеты, сидел в тюрьме за «критику правительства», был тяжело ранен в перестрелке с солдатами при попытке освободить из тюрьмы друга-патриота Хулио Арсено. Узнав о великой борьбе, начатой Сандино, Хильберт тайно через границы нескольких государств пробрался в Никарагуа. Сандино сделал его одним из своих ближайших помощников.

Весельчак, балагур, любимец солдат — таким навсегда остался Хильберт в памяти народа.

Пятидесятилетний генерал Мануэль Мариа Хирон Руано был гватемальцем. Он был начальником штаба войск Сандино и отдавал все свои силы и знания делу свободы. В связи с плохим состоянием здоровья Хирон Руано в октябре 1928 года решил поехать полечиться в Гондурас, но на границе в городе Эль Реимухон был задержан американцами и расстрелян. Американский журналист Билс, близко знавший Хирона, рассказывает, что это был высококультурный человек, получивший европейское образование. «Он знал литературу, искусство и современную обстановку безусловно лучше, чем генерал Феланд» (командующий вооруженными силами США в Никарагуа), — вспоминает Билс.

В рядах армии Сандино сражался также выдающийся венесуэльский патриот Густаво Мачадо. Выходец из богатой аристократической семьи, Мачадо предпочел бездумной, легкой жизни тернистый путь борьбы за свободу своего народа. Уже 14-летним подростком он принял участие в движении против кровавой тирании Хуана Висенте Гомеса. После первой же демонстрации он был арестован и приговорен к тюремному заключению.

Впоследствии имя Мачадо получило всемирную известность. Он установил тесные контакты с прогрессивными кругами других латиноамериканских стран. Ныне Густаво Мачадо — один из руководителей Компартии Венесуэлы.

Но самыми близкими сподвижниками Сандино были никарагуанцы Альтамирано, Анхел Ортес, Эстрада и гондурасец Умансор.

Генерала Педро Альтамирано называли «тигром джунглей», «героем свободы». Высокий, смуглый человек с густыми усами и чуть иронической улыбкой, он с первого взгляда завоевывал сердца людей.

Голубоглазый, светловолосый Мигель Анхел Ортес был родом из Окоталя — центра борьбы за свободу Никарагуа.

Двадцатичетырехлетний генерал Франсиско Эстрада был племянником Хуана Эстрады, одного из самых подлых предателей никарагуанского народа. Но Франсиско явно унаследовал характер другого своего предка, генерала Франсиско Хосе Долорес Эстрады — борца за свободу, сражавшегося в прошлом веке против американского авантюриста Уокера. Франсиско Эстрада умел разобраться в самой сложной обстановке и быстро найти правильное решение.

Высокий индеец из Гондураса, человек с печальными глазами, Умансор как тень следовал за Сандино. Добрый и мужественный генерал Умансор с полуслова понимал замыслы Сандино.

Таковыми были люди, окружавшие Сандино. И этих самоотверженных патриотов, олицетворявших все лучшее, что было тогда в Латинской Америке, господа из Белого дома называли «бандитами»!

«А вы тоже думаете, что мы бандиты?» — спросил Сандино американского журналиста Билса.

Тот ответил:

— Вы такой же бандит, как президент США Кулидж — большевик...

А мистер Кулидж спешил «навести порядок» в Никарагуа и ликвидировать «нарушителя спокойствия» Сандино. По его указанию 28 июня 1928 года генерал Феланд созвал на крейсере «Рочестер» в Пуэрто-Кабесасе совещание, на котором было решено поручить капитану Эдсону отправиться вниз по реке Коко и захватить штаб Сандино. 7 августа экспедиционный корпус Эдсона вступил в соприкос-

новение с партизанскими частями. Сражение продолжалось три часа, после чего Эдсон рапортовал генералу: «Они хорошо организованы, удачно дислоцированы, у них умелые командиры. Они были одинаково одеты, все в голубых куртках, и меньше походило на классический тип бандита, чем мы, заросшие, в потрепанной одежде и разорванной обуви».

Несмотря на численное превосходство и на самое лучшее и современное вооружение, экспедиция Эдсона провалилась.

Это сражение разыгралось в памятный день 7 августа 1928 года близ местечка Волива. Янки были разгромлены. Операцией с начала до конца руководил сам Сандино. Шляпа и гимнастерка генерала были буквально изрешечены пулями, а он, охваченный радостным возбуждением, появлялся то здесь, то там, подбадривая своих бойцов.

Поздно вечером, обсуждая со своими офицерами подробности трудного боевого дня, Сандино задумчиво произнес:

— Ровно сто одиннадцать лет назад, седьмого августа 1817 года, Симон Боливар выиграл сражение у моста Бояка и завоевал независимость Колумбии... Наполеон тоже был великим человеком. Но он прежде всего думал о себе, о своем величии и славе. Много раз я начинал читать его биографию и не мог дочитать до конца. А вот жизнь Боливара всегда служила для меня примером.

Через месяц, в сентябре, произошло следующее. Партизаны ждали прибытия в Эль Чипоте ценного груза. Небольшие лодки, груженные патронами, продуктами, почтой, с трудом тащились вверх по течению реки Коко. На веслах сидели женщины и дети. Самые маленькие тоже помогали грести.

В назначенном месте Сандино и его солдаты встретили «флотилию». Началась разгрузка. Но, оказывается, американские летчики все время следили за лодками и в самый разгар работы начали с бреющего полета расстреливать детей, женщин, партизан. Все ринулись в лес. Матери хватали ребятишек и прятались в первое попавшееся укрытие. Одна жен-

щина, мать двоих детей, не смогла унести обоих сразу. Она отнесла в лес первого мальчика и отправилась за вторым, но по берегу стрекотал пулеметный дождь. 4-летний мальчонка оставался один в лодке.

«Я увидел одинокого ребенка, — рассказывал Сандино. — На мгновение представил себе, что с ним будет, если американские стервятники его заметят, и бросился к лодке. Схватив мальчика, я стремглав бросился в лес. Вокруг свистели пули. Пробежав несколько метров, я почувствовал, что ребенок вздрогнул. Я не придал этому значения, но, добравшись, наконец, до своих, я увидел, что мальчик pokrылся смертельной бледностью и похолодел. Он умер у меня на руках. Не от пули, нет, он умер от испуга».

Глядя на обезумевшую от горя мать ребенка — символ всего многотрадального никарагуанского народа, Сандино еще раз поклялся себе, что умрет, но не отступит.

Империалисты США надеялись разрешить политический кризис в стране с помощью «нормальных» выборов. 4 ноября 1928 года такие выборы состоялись. Их результаты были предreshены еще в день Типитапского соглашения, когда генерал Монкада предал свою страну американцам, обещавшим ему за это президентский пост. Главным распорядителем выборов был американский генерал Фрэнк Маккой, а его помощниками — 352 солдата американской морской пехоты, выступавших в роли председателей местных избирательных комиссий.

Маккой придумал следующее новшество: каждому избирателю при помощи особого химического состава ставить на палец клеймо, которое должно было держаться в течение нескольких дней, чтобы никто не вздумал голосовать дважды. Президент Диас, кандидаты в президенты «либерал» Монкада и консерватор Бенард подобострастно подхватили «ценное предложение» своего главного советника и провели его в жизнь без всякого зазрения совести.

В голосовании приняли участие 132 049 избирате-

лей. Монкада получил 70 210 голосов, Бенард — 55 839.

Вот как охарактеризовал эти выборы генерал-майор морской пехоты США Смэдли Д. Батлер:

«Когда потребовалось избрать нашего человека на пост президента Никарагуа, то кандидаты оппозиции были объявлены бандитами». Надо ли говорить, что генерала немедленно вызвали в Вашингтон и морской министр Адамс сделал ему серьезное внушение. И так, президентом стал человек, который заявил: «Мы, либералы, настаивали на том, чтобы войска Соединенных Штатов находились в Никарагуа».

Через две недели после выборов американцы предприняли новое тотальное наступление на Сандино. Одновременно американцы пытались с ним «договориться», отправив самолетом к Сандино его отца с письмами от приемной матери и от адмирала Селлерса. Адмирал в своем письме от 4 декабря предлагал Сандино прекратить вооруженную борьбу и заключить соглашение. Но Сандино помнил о вероломстве своего врага и твердо верил лишь в силу партизанского оружия. Таким образом, «умиротворение» не удалось и на сей раз.

В это время по странам Латинской Америки совершал поездку «доброй воли» вновь избранный президент США Гувер. Американский журнал «Тайм» опубликовал карту, где были отмечены пункты, которые должен был посетить высокий гость. Любопытно, что под Никарагуа было написано: «Здесь американская морская пехота занимается ликвидацией генерала Сандино».

Двадцать седьмого ноября на броненосце «Мэриленд» Гувер прибыл в никарагуанский порт Коринто. Президент выразил глубокое удовлетворение «ликвидацией кризиса в Никарагуа». О том, как мало у него было оснований для подобного заявления, свидетельствовало большое сражение, произошедшее 6 декабря 1928 года близ местечка Кухе. Как водится, на следующий день командующий морской пехотой США в Никарагуа генерал Лежен самоуверенно

провозгласил, что движение Сандино «ликвидировано», что в Никарагуа «наведен порядок и лишь в отдаленных районах остались единичные очаги сопротивления».

«Морская пехота выполнила свою миссию, — писал генерал Лежен, — и есть основания полагать, что в стране восстанавливается нормальное положение».

Но несмотря на «утешительные» сводки, американские войска развернули наступление, надеясь уничтожить штаб Сандино.

В разгар боев 1 января 1929 года Сандино написал ответ американскому адмиралу Селлерсу и президенту Никарагуа генералу Монкаде, который в этот день как раз вступил в должность.

В письме Селлерсу Сандино с достоинством отказывался вступать в переговоры с американскими посредниками и заявлял, что судьбу Никарагуа должны решать никарагуанцы. Однако «реальное соглашение о мире с генералом Хосе Мариа Монкадой возможно лишь при соблюдении предварительного непременно условия: эвакуации с территории Никарагуа североамериканских вооруженных сил, находящихся под вашим командованием», — писал Сандино.

В письме к Монкаде Сандино выразил готовность рассмотреть вопрос о положении в стране, но лишь после ухода американских войск.

Совершенно очевидно, что, давая это обещание, Сандино исходил из того, что главным злом для его страны была американская оккупация и что ради избавления от нее в тот момент можно было пойти на некоторые уступки. Монкада и не думал добиваться вывода американских войск из Никарагуа. В интервью, опубликованном газетой «Нью-Йорк таймс», он заявил:

«Американская морская пехота является единственной гарантией свободы и процветания. Если она покинет Никарагуа, воцарится анархия...»

В одном из первых своих декретов генерал Монкада объявил о награждении орденом Анастасио Сомосы и о назначении его, видимо как «знатока анг-

лийского языка», заместителем министра иностранных дел. Следующим декретом Монкада назначил своего бывшего шефа — «оппозиционера» Сакасу — посланником в США. Бывший «вождь» оппозиции с радостью принял подачку.

Метаморфоза, которую претерпел Сакаса, весьма типична для биографии предателя. Читатель помнит, что в 1927 году он поднял восстание против консервативного правительства Диаса, опиравшегося на поддержку американских оккупантов. В те дни Сакаса уверял, что добивается справедливости, свободы для народа, не ищет никаких выгод для себя лично. И вот теперь, полтора года спустя, «либерал» Сакаса едет в Вашингтон представлять интересы того самого генерала Монкады, который в 1927 году за его спиной пошел на сговор с американскими оккупантами. Мало того, по прибытии в Нью-Йорк Сакаса в своем интервью газете «Геральд трибюн» сделал следующее беспрецедентное по цинизму заявление:

«Американские солдаты — это благородные джентльмены; у них одна забота — как помочь моей стране. И США поступили бы неуважительно, если бы отозвали свои войска из Никарагуа».

Тем временем Сандино принимает решение временно прекратить вооруженную борьбу, чтобы дать возможность американским войскам эвакуироваться из Никарагуа, уехав на это время вместе со своим штабом в Мексику; если же оккупационные войска не оставят Никарагуа, а Сандино был в этом уверен, использовать пребывание в Мексике для того, чтобы привлечь внимание латиноамериканской и международной общественности к борьбе никарагуанских патриотов за независимость и добыть оружие и боеприпасы для партизанской армии.

Шестого января Сандино обратился к президенту Мексики Портесу Хилю с просьбой разрешить ему въезд в его страну, а для личных переговоров с ним направил капитана Хосе де Паредеса, мексиканца по рождению. Паредес прибыл в Мексику в марте и был принят президентом.

Портес Хиль отнесся к делу сочувственно и даже пытался уговорить президента Никарагуа добиться вывода американских войск и тем самым положить конец кровопролитной гражданской войне. С этой целью в апреле 1929 года в Манагуа приезжал секретарь мексиканского посольства в Коста-Рике Франсиско Наварро. Описывая беседу Наварро с генералом Монкадой, Портес Хиль в своих мемуарах, опубликованных в 1942 году, привел подлинные слова президента Никарагуа, который так ответил мексиканскому дипломату: «Американские войска необходимы в Никарагуа для поддержания порядка. Как только последний американский солдат покинет никарагуанскую территорию, мое правительство не сможет больше удерживать власть...»

Франсиско Наварро, человек далеко не левых взглядов, следующим образом резюмировал свои впечатления от поездки в Никарагуа: для никарагуанского народа Сандино является героем, защитником национальной независимости и чести, а Монкада остается всего лишь предателем, поставленным у власти оккупантами, чтобы превратить страну в американскую колонию.

В ожидании ответа из Мексики Сандино продолжал борьбу против захватчиков. Одновременно он много думал о будущем своего народа, о переустройстве всего мира.

Сандино обладал не только даром полководца. Он глубоко разбирался в социальных вопросах, был горячим сторонником независимости и полного суверенитета всех народов. В своем обращении к президентам латиноамериканских стран Сандино неустанно подчеркивал необходимость освобождения латиноамериканских народов от гнета империалистов США и борьбы за социальный прогресс. В письме к президенту Аргентины, датированном 20 марта, Сандино сообщал о своем намерении созвать межамериканскую конференцию для обсуждения главных проблем, интересующих все страны Латинской Америки.

В мае Сандино получил ответ из Мексики.

Президент Портес Хиль сообщал, что его прави-

тельство готово предоставить Сандино и его ближайшим соратникам право убежища в Мексике на любой срок и даже взять на себя расходы на их содержание. Однако на просьбу о помощи вооружением и боеприпасами президент дал отрицательный ответ. В своих мемуарах Портес Хиль пишет: «Несмотря на то, что правительство и народ Мексики искренне симпатизировали их мужественной борьбе, я не мог удовлетворить их просьбу и предоставить оружие, так как в течение двух последних лет между Мексикой и США поддерживались самые лучшие отношения, и я не мог и не должен был делать никакого шага, который бы их нарушил».

Двойственная позиция мексиканского правительства вполне объяснима: находясь под сильным влиянием всей латиноамериканской общественности, горячо поддерживавшей движение Сандино, оно одновременно подвергалось сильному нажиму со стороны американского правительства, которое всячески старалось дискредитировать и изолировать движение Сандино.

Сандино отправляется в Мексику в первых числах июня 1929 года.

В те дни новоиспеченный президент Монкада еще раз показал, что он не допускает мысли о выводе американских войск из Никарагуа. 5 июня 1929 года компания американских военных моряков разграбила и осквернила городское кладбище в Манагуа. Прекрасно зная, что наглость мародеров вызвала всеобщее возмущение, генерал Монкада счел возможным сделать следующее беспрецедентное заявление для печати:

«Я хочу напомнить, что при поддержке морской пехоты Соединенных Штатов никарагуанцам предстоит совершить большие дела. Все люди грешны... Во всем мире солдаты ведут себя не лучше. Поэтому то, что произошло на нашем кладбище, особенно осуждать не следует».

В М Е К С И К Е

Готовясь к отъезду в Мексику, Сандино тщательно проинструктировал своих партизан и разработал план операций на период своего отсутствия. Руководство движением сандинистов было поручено генералам Франсиско Эстраде, Педро Антонио Ириасу

и Хосе Леону Диасу. Ответственным был назначен 24-летний Эстрада. Сандино был уверен в своих солдатах и командирах, как в самом себе.

В первых числах июня 1929 года Сандино в сопровождении пяти помощников переплыл реку Гуайапе и вступил на землю Гондураса. Там его встретил генерал Васкес, который сопровождал его затем до сальвадорского порта Ла Унион. В столице Гондураса Сандино остановился в мексиканском посольстве.

В гондурасском порту Ла Унион Сандино ожидал специальный поезд, доставивший его в сальвадорский пограничный пункт Ла Гариту. Здесь Сандино приветствовали военный министр Сальвадора доктор Альберто Гомес Сарате, генерал Антонио Кларамаунт и начальник канцелярии военного министерства Сальвадора Даниель Монтальво. Здороваясь с Сандино, Монтальво сказал: «Я теперь не буду эту руку мыть — ведь она прикоснулась к руке героя». Монтальво, разумеется, шутил, но в голосе его слышалось неподдельное волнение.

В одном сальвадорском колледже учитель истории провел среди своих учащихся своего рода «анкету». На вопрос, кто является самым выдающимся военачальником Латинской Америки, 28 из 34 школьников ответили: Аугусто Сесар Сандино.

Из Сальвадора Сандино отправился на машине в Гватемалу, где на пограничной железнодорожной станции его ожидал специальный поезд и встречал президент Гватемалы генерал Ласаро Чакон.

В Гондурасе, Сальвадоре и Гватемале состоялись многолюдные демонстрации в честь героя Никарагуа. Все эти дни мексиканские посольства в этих странах были переполнены посетителями: тысячи людей спешили выразить Сандино свое восхищение, всем хотелось пожать его мужественную руку.

Проявление народной любви к великому никарагуанцу приняло такой бурный характер, что гватемальское правительство обратилось к посольству Мексики в Гватемале с предложением предоставить ему специальный эскорт для охраны Сандино, но президент Мексики Портес Хиль отказался от этого любезного предложения правительства Гватемалы, поскольку считал, что никарагуанского патриота будет охранять сам народ Гватемалы.

Сандино и сопровождавшие его лица выехали из гватемальской столицы на машинах, миновали пограничный мексиканский городок Эль Сучьяте и 28 июня 1929 года прибыли в Веракрус. От имени президента Мексики Сандино горячо приветствовал генерал Мигель Акоста.

В Веракрус Сандино атаковали многочисленные журналисты, и он долго отвечал на их вопросы. Среди прочего его спросили, не предлагал ли ему кто-нибудь крупных взяток.

«До сих пор, — ответил Сандино, — человека, который осмелился бы сделать мне такое гнусное предложение, не нашлось. Но если кто-нибудь осмелится, я дам ему по физиономии. Я своей родиной не торгую».

Сандино вручил своим мексиканским друзьям трофеи, захваченные у американских оккупантов. Среди

них было американское боевое знамя с памятной «резолуцией» Сандино, которое мексиканские газеты, разумеется, не замедлили воспроизвести на фотографии. Посол США в Мексике официально потребовал, чтобы знамя было возвращено США, но потребовать было гораздо легче, нежели его разыскать...

В это время во Франкфурте-на-Майне готовилось открытие второго Международного конгресса Лиги борьбы с империализмом и колониальным угнетением. От Мексики на конгресс должен был ехать известный писатель и ученый Херман Лисцт Арсубиде, и вот мексиканские патриоты поручили ему отвезти во Франкфурт американское знамя, захваченное Сандино. Во-первых, для того чтобы привлечь внимание международной общественности к борьбе никарагуанских патриотов и, во-вторых, чтобы сберечь ценную реликвию: американские ищейки уже рыскали в поисках злополучного флага. Предвидя осложнения, Арсубиде хотел ехать паромом из Мексики прямым рейсом в Германию, но выяснилось, что такое путешествие заняло бы не менее месяца и Арсубиде прибыл бы во Франкфурт-на-Майне уже после закрытия конгресса. Пришлось ехать через Нью-Йорк. Незадолго до того, как поезд подошел к пограничному мексиканскому городку Ларедо, Арсубиде заперся в уборной, разделся, несколько раз обмотал тело знаменем, а поверх надел рубашку и костюм. Стояла удушающая жара, необычная даже для этих южных широт. Арсубиде буквально обливался потом. Мало того, притворившись простуженным, он еще надел пальто: надо было скрыть неестественную «полноту».

Американский таможенник осмотрел вещи Арсубиде и не обнаружил ничего предосудительного. «Контрабандист» с бьющимся сердцем уже было направился к выходу, но его остановил сухой приказ:

— Разденьтесь!

— С какой стати?! — притворно возмутился Арсубиде.

А про себя горько подумал. «Все пропало...»

— Мне надо посмотреть, сделали ли вы прививки, — пробубнил таможенник.

Арсубиде снял пальто и, натужно кашляя и хватаясь за грудь, засучил рукав.

— В порядке, — сказал офицер, и Арсубиде, с трудом сдерживая ликование, ринулся прочь из таможи.

В Нью-Йорк он прибыл 4 июля, в день национального праздника США, и... вывесил на балконе своего номера звездно-полосатое знамя. Но все-таки, лежа в ванной, он с замиранием сердца думал о том, правильно ли воспримут американцы такое проявление «верноподданнических чувств»...

Перед посадкой на пароход в нью-йоркском порту Арсубиде снова обмотался звездным полотнищем и благополучно проследовал в свою каюту. Во Франкфурт-на-Майне он прибыл вовремя. Его встретили немецкие друзья. Один из них прекрасно говорил по-испански, и Арсубиде поведал ему о своих путевых переживаниях. Когда на следующий день он взшел на трибуну, делегаты уже знали историю звездно-полосатого знамени. Арсубиде подошел к столу президиума, за которым сидели Анри Барбюс, Джавахарлал Неру, Сен Катаяма, и развернул полотнище. Хотел произнести несколько слов — и не смог. Вот как сам Арсубиде описывает эту сцену:

«Казалось, по залу прошел электрический ток. 400 делегатов и гостей, до отказа заполнившие зал, встали. Раздался гром аплодисментов: люди на всех языках выкрикивали приветствия, и имя Сандино долго звучало в зале. Казалось, овации не будет конца. Но вдруг аплодисменты смолкли: все запели «Интернационал».

Тем временем Сандино поселился в Мексике. Не в столице, а неподалеку от города Мерида, в штате Юкатан. Не желая осложнять свои отношения с США, мексиканское правительство уступило требованию американского посла и запретило Сандино въезд в мексиканскую столицу. Мексиканцы ждали Сандино с таким нетерпением, что его приезд в столицу непременно вылился бы в бурную демон-

страцию, которая, весьма вероятно, сопровождалась бы антиамериканскими выступлениями.

Жизнь Сандино в Мексике была полна разочарований и невзгод, уже не говоря о том, что ежедневно, ежечасно над ним висела угроза насильственной смерти от руки одного из многочисленных агентов, засылавшихся сюда из США и из Никарагуа.

Но Сандино и в Мексике окружала и согревала большая народная любовь, любовь, простых людей, которая укрепляла в нем надежду на скорое возвращение в родные горы.

Большую часть времени Сандино прожил в городе Мериде. Отсюда он предпринимал свои попытки объединить Латинскую Америку для борьбы против США, за национальную независимость, возвести мощную плотину народного гнева, которая бы преградила путь американскому империализму.

Все свободное время Сандино проводил за книгами и лишь изредка выходил побродить по городу. Иногда прохожие с улыбкой останавливались около невысокого человека, похожего на индейца, весело болтавшего с детьми. Сандино любил ребят и мог часами с интересом беседовать и играть с ними.

Бездействие томило Сандино. Однажды, на свой страх и риск, Сандино отправился на самолете в столицу Мексики Мехико-сити, где встретился с президентом Портесом Хилем; и хотя президент после этого сделал в своем дневнике запись, свидетельствующую о его восторженном отношении к никарагуанскому патриоту, эта встреча ничего не изменила в судьбе Сандино.

«Сандино был олицетворением энергии, мужества и бескорыстия... Это был настоящий гигант воли», — писал Портес Хиль.

В этот период Сандино проводил долгие часы в беседах со своим личным секретарем сальвадорцем Хосе Агустином Фараундо Марти. Родом из богатой семьи, блестящий юрист, Марти с юношеских лет увлекался социальными проблемами, изучил Маркса, пристально следил за всем, что происходило в Советском Союзе. Он был одним из руководителей ле-

вых сил своей родины, убежденным коммунистом. В 1928 году Марти вступил в армию Сандино и вскоре стал его личным секретарем.

Марти полагал, что изгнания американских оккупантов с территории Никарагуа недостаточно: нужны коренные социально-экономические преобразования. Напротив, Сандино и его ближайшие сторонники считали, что главное, за что они борются, — это избавление родины от американского ига. Выходцу из крестьянской семьи, мелкобуржуазному демократу Сандино представлялось, что борьба за радикальные преобразования внутри страны дело более или менее далекого будущего. На этой почве в 1931 году между Сандино и Марти произошла размолвка, и они расстались. Но расстались друзьями. Марти возвратился на родину, был схвачен ищейками диктатора Мартинеса и расстрелян. Погиб он в расцвете сил, в возрасте 35 лет. Незадолго до смерти Марти рассказал, что генералу Сандино, когда он находился в Мексике, предлагали большие суммы, лишь бы он отказался от борьбы против США, но генерал с презрением отверг эти низкие предложения.

«В двух шагах от могилы, — заявил Марти, — я торжественно клянусь, что генерал Сандино самый великий патриот вселенной».

Марти не преувеличивал: американская разведка действительно следила за каждым шагом Сандино в Мексике, изыскивая способ его уничтожить или хотя бы обезвредить.

Через представителя Сандино в Мексике Педро Хосе Сепеду США предложили генералу 60 тысяч долларов наличными и ферму, чтобы он «занялся хозяйством», вместо того чтобы «мутить народ».

Не дослушав слов Сепеды до конца, Сандино в ярости чуть не выгнал своего «полномочного представителя» из дома, так отвратительна ему была даже мысль о том, что ради личного благополучия можно забыть о своем народе.

«Я никарагуанец, — писал он вскоре после этого, — и горжусь тем, что в моих жилах течет кровь американского индейца, которая со времен далеких

предков таит в себе нечто такое, что делает человека преданным и искренним патриотом. Самая большая честь для меня — это то, что я вышел из среды угнетенных: ведь они — душа и разум индейской расы».

О том, каким был Сандино в этот период своей жизни, детально рассказывает известный латиноамериканский писатель Сесар Фалькон, познакомившийся с генералом в столице Мексики.

Однажды знакомый журналист пригласил Фалькона на собрание группы передовой интеллигенции. Войдя в зал, он быстро перезнакомил Фалькона с присутствующими, причем, как водится в таких случаях, расслышать как следует их имена Фалькону не удалось.

Говорили о судьбе Латинской Америки, но больше всего о Сандино. Фалькон знал, что генерал находится среди присутствующих, и пока секретарь зачитывал какой-то длинный документ, старался определить, кто же из сидящих в этой комнате людей прославленный герой никарагуанского народа.

«Должно быть, вот этот», — подумал он, увидев справа от себя высокого мужчину геркулесовского сложения. Но было что-то в его облике, что заставило Фалькона отказаться от своего предположения.

«Или вон тот мускулистый человек в темных очках... Нет, насколько мне известно, Сандино не носит темных очков».

В этот момент взгляд Фалькона встретился с устремленными на него темными глазами широкоплечего черноволосого человека с большим пистолетом на поясе.

«Вот он, Сандино», — решил Фалькон. Впрочем, действуя по методу исключения, ни на ком другом остановиться было нельзя, так как во внешности остальных присутствующих не было ничего примечательного.

Каково же было удивление Фалькона, когда, перейдя ко второму пункту повестки дня, председатель предоставил слово Сандино, и все взоры обратились в сторону «неприметного человека с гладко зачесан-

ными волосами», которого Фалькон «зачислил бы не более чем рядовым офицером в штаб генерала Сандино».

«Небольшого роста, но не хилый, худощавый и при этом мускулистый», Сандино производил впечатление очень нервного человека. Худое лицо с резкими чертами, побуревшее от долгого пребывания на палящем солнце. Глаза его ничего не выражают, «точно они никогда ничего не видели. Улыбаться он не умеет, хотя делает это часто: при этом глаза его начинают немного блестеть, но лицо остается серьезным; смеется только рот... Сандино не некрасив; нельзя сказать, что он лишен симпатии, — нет, просто внешность его нейтральна: он такой, как все».

«Ничто в его лице не говорит о заключенной в этом человеке потрясающей энергии неутомимого борца... В этом простом человеке, типичном креоле, нет ничего «генеральского», разве что звучный голос».

«Сандино не обладает ораторским талантом, но когда он говорит, то вкладывает в свои слова столько экспрессии, огня, искренности», что, слушая его, невозможно остаться равнодушным.

Он никогда не скажет просто «американцы» или «янки», а обязательно «ненавидистые гринго» и сопровождает свою речь энергичными жестами.

Достоверность этого портрета, написанного писателем Фальконом, подтверждается многочисленными фотографиями и живыми свидетельствами тех лет, то и дело появлявшимися в газетах и журналах всех стран мира.

6 сентября 1929 года из Мерида Сандино обратился с манифестом к никарагуанскому народу. Этот страстный призыв кончался следующими словами:

«Не падайте духом! Мой временный отъезд из Сеговии пойдет на пользу делу освобождения Никарагуа. В самый неожиданный для вас момент я окажусь рядом с вами».

В этот период обстановка в Мексике была весьма напряженной. Страна готовилась к президентским выборам. Президент Портес Хиль с трудом выдерживал

нажим со стороны правительства США и мексиканской реакции. 17 ноября 1929 года президентом был избран Ортис Рубио, бесцветный, лишенный всякой самостоятельности человек, послушная марионетка в руках правительства США и реакционной клики во главе с бывшим президентом Мексики Кальесом. Еще до вступления в должность в декабре 1929 года (Ортис Рубио приступил к обязанностям президента 5 февраля 1930 года) новый президент встретился с президентом США Гувером. В результате этой встречи Ортис Рубио послушно выполнил требование Гувера и в конце января 1930 года разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом.

Вдали от родины Сандино внимательно следил за всем, что происходило в Никарагуа, и поддерживал постоянную связь со своей армией.

Несколько офицеров и солдат сумели пробраться из Сеговии к нему в Веракрус. Глядя на их исхудалые лица, на блестящие лихорадочным блеском, ввалившиеся глаза, слушая их рассказы о неравных кровопролитных столкновениях с оккупантами, Сандино понял: пора возвращаться.

К тому же рассчитывать на помощь Мексики после прихода к власти реакционных сил было нечего. Более того, Сандино предвидел, что ему не так-то просто будет теперь покинуть дружественную Мексику.

И чутье его не обмануло.

За несколько дней до истечения президентских полномочий Портеса Хиль Сандино добился, чтобы тот его принял. Сандино поделился с президентом своими опасениями и сказал, что не доверяет новому президенту и собирается как можно скорее покинуть Мексику. Портес Хиль постарался успокоить Сандино. Однако через два дня после вступления Рубио на президентский пост был арестован брат Сандино Сократес, который тоже находился в то время в Мексике и помогал брату в его благородном деле. Возмущенный Сандино вновь отправился к Портесу Хилю, который принял его на сей раз в качестве министра внутренних дел нового кабинета.

Портес Хиль обещал, что немедленно примет меры для освобождения Сократеса Сандино и не будет чинить никаких препятствий выезду Аугусто Сандино из страны.

Как уже отмечалось выше, бывший президент Мексики лично всегда был искренне расположен к Сандино.

«Я всегда восхищался генералом Сандино, — писал он, — с самого 1927 года, когда он поднял восстание; в то время я был губернатором штата, в котором родился, и по моей инициативе публичной библиотеке города Виктория было присвоено имя Сандино».

Итак, Сандино отправился в обратный путь, на родину. Из мексиканского порта Веракрус он инкогнито выехал в Гватемалу. 1 мая 1930 года, назвавшись сальвадорским коммерсантом Кресенсио Рендоном, он остановился в столице Гватемалы, в отеле «Колон».

Оставив в номере свой необременительный багаж, Сандино поспешил разыскать дом своего старого друга, писателя Боланьоса, с которым давно мечтал познакомиться. К сожалению, писателя не оказалось дома. Побеседовав с его женой, Сандино вскоре стал прощаться. В это время сеньора Боланьос заметила на руке Сандино необычное кольцо с инкрустацией.

Уже стоя в дверях, Сандино рассказал ей историю заинтересовавшего ее кольца. Какая бездна человеческих страстей была заключена в этих скупых фразах!

Кольцо было сделано из золота, добытого в Сан-Альбино, на том самом прииске, где Сандино начал свой путь революционера. А вделан в него был осколок человеческой кости: одна сальвадорская женщина погибла, спасая Сандино жизнь; она была ранена в голову. И в память о ее подвиге, в благодарность за него, Сандино сохранил осколок кости, отнес его вместе с кусочком намытого им самим золота ювелиру, и тот сделал ему кольцо, с которым он теперь никогда не расставался.

Третьего мая Сандино, по-прежнему под чужим

именем, пересекает границу Сальвадора и Гондураса, а 5 мая, после одиннадцатимесячного отсутствия, вступает на родную землю.

От зоркого глаза Сандино не укрылось, что в Никарагуа многое изменилось за это время. Создав никарагуанскую «национальную гвардию», американцы оснастили ее современным оружием. Американские инструкторы обучили «национальных гвардейцев» тактике, разработанной Сандино. За годы непрерывных боев враги многому научились. Одетые в американскую форму 5 тысяч «национальных гвардейцев» были готовы к борьбе против сандинистов. Американцы передали им 400 пулеметов (однако самолеты оставили полностью в своем распоряжении). Срок обучения офицеров был сокращен: высшая военная академия выпускала курс каждые шесть месяцев.

А партизаны нуждались в самом необходимом, у них не было одежды, не было продовольствия, не было оружия... Треть из них ходили босиком. И все-таки они стояли насмерть...

„ВПЕРЕД, ТОЛЬКО ВПЕРЕДИ“

Начался второй этап партизанской войны в Никарагуа. За год в стране многое изменилось. Появились другие люди. В мае 1929 года в Манагуа прибыл новый советник посольства США — Мэтью Элтинг Ханна, а 16 декабря 1929 года он стал послан-

ником. Мэтью Элтинг Ханна был личностью незаурядной. Закончив в 1897 году военную академию, Уэст Пойнт, он до 1917 года занимал различные должности в армии США, участвовал в испано-американской войне 1898 года, был военным атташе на Кубе (1902—1904), специальным представителем США в Панаме (1907—1910). В 1917 году Ханна перешел на дипломатическую службу, работал в Мексике, Панаме, был инспектором по кадрам в государственном департаменте. Когда он прибыл в Манагуа, ему было 56 лет. Его второй жене, на которой он женился в 1925 году, будучи первым секретарем посольства США в Берлине, не было тридцати. Красавица Густава, урожденная баронесса Рейнбабен, была легкомысленна и любила «красивую жизнь» — приемы, балы. Ее всегда окружала толпа офицеров. В Манагуа ей приглянулся несколько дородный, но галантный кавалер и неутомимый танцор Анастасио Сомоса. Вначале отношения были вполне официальными, так сказать «служебными», так как общение

с дипломатами и членами их семей входило в круг обязанностей заместителя министра иностранных дел, но вскоре они перешли в пылкий роман. Сомоса стал постоянным гостем в американской миссии и мало-помалу превратился в «чиновника для поручений» при посланнике США Ханне. Густава пользовалась большим влиянием на мужа — в Манагуа ее, не стесняясь, называли «посланницей де-факто». Эта любовная связь послужила основой для дальнейшей карьеры Сомосы.

Прошло всего шесть недель после возвращения Сандино на родину. Партизанская армия заметно активизировала свои действия. 18 июня 1930 года отряд из тысячи партизан под командованием Сандино занял район высоты Эль Сарагуаска. Утром следующего дня американские части и «национальные гвардейцы» атаковали позиции сандинистов. В полдень атака была отбита. Противник предпринял еще одну попытку разбить повстанцев. Шесть самолетов непрерывно бомбили позиции партизан.

Осколком бомбы, сброшенной с американского самолета, Сандино был ранен в ногу. «Я не придавал этому значения, — писал позднее Сандино, — и оставался на посту».

Девятого сентября того же года Сандино был снова ранен, и некоторое время ему приходилось воздерживаться от участия в военных операциях. За эти дни вынужденного бездействия он внимательно изучил положение жителей районов, в которых действовала освободительная армия. Население страдало от нехватки соли и медикаментов, а спекулянты наживались на горе народа. 16 октября Сандино отдал приказ реквизировать у частных лиц все запасы медикаментов и соли, а отказавшихся от выполнения приказа расстреливать.

Латиноамериканская общественность одобрила эту суровую меру, так как в сложившихся тогда условиях она была крайне необходима и своевременна.

Если велики были лишения, которые терпело гражданское население, то можно себе представить,

в каком бедственном положении находилась партизанская армия, полностью отрезанная от источников снабжения. Сандинисты располагали лишь тем, что добывали себе в бою: отнятыми у «гринго» оружием, одеждой, продовольствием, то есть нуждались в самом необходимом. Особенно остро переживала армия Сандино нехватку медикаментов. Раненых, как правило, лечили сами, доморощенными способами, и лишь тяжелобольных отправляли в Эль Чипоте, где имелся врач.

Махровые реакционеры, люди, которым были чужды интересы родины, вопили о том, что Сандино «нарушает священный принцип частной собственности» и что «эрманос» — «разбойники с большой дороги».

Вот что писал по этому поводу Сандино в октябре 1931 года:

«Не раз бывало так, что наши части, прибыв в какое-нибудь богатое поместье, реквизировали запасы одежды и продовольствия. Были даже случаи, когда партизаны отбирали обувь и одежду у самих хозяев: бойцы нуждались в них больше. И это было только справедливо.

Неужели же люди, боровшиеся за освобождение родины, должны были ходить в лохмотьях?! Многие называли нас за это «бандолерос» — бандитами, но история нас рассудит, и тогда будет ясно, кто прав, кто виноват, — мы или эти богачи, собственность которых мы реквизировали и на которых лежит главная и непосредственная вина за все то, что произошло в Никарагуа; ведь это именно они, богачи, призывали на нашу землю американских наемников».

Зато простой народ всем сердцем был вместе с Сандино и делился с его бойцами тем немногим, что имел. Нередко крестьяне Сеговии платились жизнью за то, что пускали партизана переночевать, или за то, что жена хозяина жалкой лачуги зашивала неизвестному путнику с мачете полуистлевшую рубаху.

Хорошо еще, что на склонах сеговийских гор растут банановые деревья и сахарный тростник: бананы

и сладкая каша сахарного тростника в течение долгих лет служили партизанам пищей.

В этой связи пророчески звучит популярная в тех местах притча о Великом старце. Было это лет за пятьдесят до описываемых событий. Жил тогда в Сеговии один мудрый старый человек; он бродил из деревни в деревню и наставлял народ так: «Всякий раз, отправляясь в горы, не поленитесь посадить там хоть одно банановое дерево или стебель сахарного тростника. Настанет день, когда вам воздастся за это сторицей...» И крестьяне благоговейно выполняли мудрый совет старика.

В ноябре 1930 года президент Монкада обратился с жалобой к государственному секретарю США Генри Стимсону — тому самому Генри Стимсону, который в 1928 году обеспечил Монкаде президентское кресло. Он сетовал на то, что морская пехота США «слишком затянула операцию по ликвидации Сандино».

Армия Сандино тем временем продолжала развивать успех. 31 декабря 1930 года американские части потерпели поражение в районе Окоталь — Апарри и понесли серьезные потери.

17 января 1931 года патриоты атаковали город Сомото (департамент Новая Сеговия), где им удалось захватить важные государственные документы.

Обеспокоенный таким развитием событий, Монкада решил выделить дополнительно миллион долларов для укрепления «национальной гвардии». В 1931 году содержание «национальной гвардии» обошлось Никарагуа в миллион долларов. Государственные школы были закрыты; сумма, ассигнованная на просвещение, была сокращена с 600 тысяч до 51 тысячи долларов.

Страна жила в постоянном напряжении. В ходе боев десятки никарагуанских городов и деревень были разрушены. Достаточно было малейшего повода или подозрения, чтобы подвергнуть человека пыткам, приговорить к расстрелу.

В довершение всего разразилось стихийное бедствие. Это было 31 марта 1931 года. С утра Манагуа

жила своей обычной жизнью, люди спешили на работу, дети — в школу. Внезапно, это было в 10 часов 15 минут утра, задрожала земля, стали рушиться дома. В центре столицы вспыхнул пожар, который быстро перекинулся на другие улицы. Черный дым, через который пробивались зловещие языки пламени, окутал весь город. Стоны раненых, крики, плач детей...

Неожиданно в центре города появились американские солдаты. Не для того, чтобы помочь несчастным людям, заживо погребенным под развалинами, а с целью грабежа. Завидев большую группу рабочих, пытавшихся тушить пожар, мародеры выхватили пистолеты и разогнали добровольцев.

Многие жители Манагуа не сразу поняли, что произошло землетрясение: поначалу они решили, что где-то поблизости начала очередную бомбежку американская авиация.

Весьма характерно для соотношения сил, сложившегося в те дни в Никарагуа, следующее обстоятельство. Через три четверти часа после начала землетрясения начальник «национальной гвардии», американский генерал Кальвин Б. Мэтьюс, ввел осадное положение. Не президент республики Монкада, а чужеземный генерал!

В апреле 1931 года Сандино предпринял поход на атлантическое побережье Никарагуа, где орудовали многочисленные американские компании. Операция была тщательно подготовлена. Две колонны партизан — одна под командованием генерала Сальгадо, другая во главе с генералом Риверой — спустились вниз по течению Коко и по другим рекам к атлантическому побережью. Внезапное появление отрядов сандинистов вызвало панику среди американцев и всех тех, кто с ними сотрудничал. Войдя в город Кабо-Грасиас-а-Дьос, сандинисты разгромили конторы американских компаний. Одновременно партизанские части осадили крупный город Пуэрто-Кабесас, но взять его так и не смогли: для этого нужна была артиллерия, которой они не располагали.

Партизаны разрушили американскую собствен-

Аугусто Сесар Сандино
в начале двадцатых годов.

боевое знамя партизан
Сандино.

Печать армии
сандинистов.

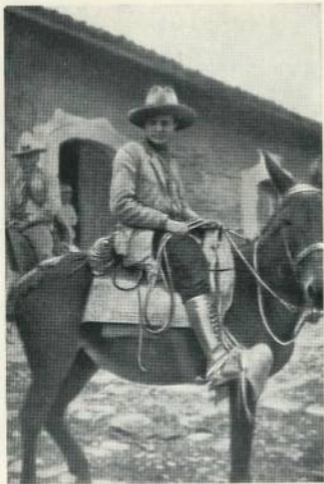
Партизаны в горах.

Колонна сандвинстов входит в лагерь в Сан-Рафаэль дель Норте.

Аугусто Сесар Сандино (в центре) в день приезда в Мексику 30 июня 1929 г., слева брат Сандино — Сократес. На фотографии Аугусто Сандино написал: «Мексиканским журналистам. Родина и свобода! А. С. Сандино».

Аугусто Сесар Сандино инспектирует свои войска.

Жена Сандино Бланка Араус.

Аугусто Сесар Сальдио в 1934 году.

La Habana Cuba Julio 1-69.

Sr.

Simón Goriunsky

Moscu.

Estimado amigo.

Condame grata impresion el recuerdo que Ud. hace a la memoria de mi Padre Augusto Cesar Sandino.

Agradezco muchisimo su esfuerzo al realizar esta obra, ya que asi el sera mejor conocido por el grandioso pueblo.

Mi mayor deseo es ver en no lejano dia libre y soberana como su Patria mi querida Nicaragua tal como la soña mi Padre.

Reciba mi mas sincero saludo y por su medio manifiesto mi aprecio y admiracion al heroico pueblo Nortino.

Revolucionariamente.

Blanca Segovia Sandino CF

General Salgado,
Recibo su noticia y
tambien la revista.

Hace few minutos se
cruzaron los caminos famista reter y
nos que distaron donde Pedro al
miraron

ay noche Aube un sue
no: que no habian dado un asalto
la macho. Los evittarlo, he man
dado espionajes por diferentes partes.

Pues a red se informe
si hay camino por ese lado de
de Wividy, hay yo se que lo hay y le
beno, averlo vigilado.

Podria ser que Pough
los Reyes los quisiera meter
Wividy fuer il es un buen comi
dori de esta montana pero no los
podria salvar a lo macho de muy
la requanda que les diereis.

Puesole mandarme
lo bombas y lasirme mandas
le quidan.

Patricia y Libertad
A. G. Sandoval

Этот американский стеритник был сбит партизанами Сандино.

В 1921 г. Сандино работал в столице Гондураса
Тегусигальпе.

Аугусто Сесар Сандино со своими ближайшими
помощниками.

Февраль 1933 г. Рамон де Белаустегинготиа в ла-
гере Сандино и Сан-Рафаэле дель Норте.

Рамон де Белаустегуйонтия с группой генералов
армии Салдиня.

За несколько минут до убийства. Президент Никарагуа Хуан Сомоса «дружески» обнимает Сандово.

Никарагуанский патриот Ригоберто Лопес Перес,
уби́вший в 1956 году диктатора Анастасио Сомосу.

Портрет Сандино работы художника Ислас Альянде.

ность, в том числе шахту «Лус и Лос Анхелес», одним из совладельцев которой был бывший государственный секретарь США Нокс. (Именно на этой шахте работал в свое время бухгалтером предатель Адольфо Диас, управлявший Никарагуа в течение нескольких лет.) Солдаты Сандино взорвали шахту и в качестве заложника взяли с собой ее управляющего Маршалла. По дороге к штабу сандинистской армии Маршалл заболел тропической лихорадкой и скончался. Желтая пресса использовала смерть Маршалла для раздувания клеветнической кампании по поводу «зверств» сандинистов.

Далее события развернулись так: с 15 по 23 апреля 1931 года в Пуэрто-Кабесасе происходила высадка дополнительных частей США. Президент США Гувер объявил Сандино вне закона. Знаменитая чилийская поэтесса Габриэла Мистраль резонно заметила по этому поводу: «Господин Гувер, видимо, забыл, что Сандино не американец, а никарагуанец!»

Узнав о заявлении Гувера, Сандино опубликовал коммюнике, в котором писал:

«Нам стало известно, что президент США Герберт Кларк Гувер обещал «поймать Сандино» и передать его в руки правосудия. Так он хочет отомстить за поражение, которое наша армия только что нанесла американцам на атлантическом побережье. Но ведь мы только защищаемся!

Политика США в Никарагуа дорого обходится нашему народу. За период с 1909 года до настоящего времени погибло 150 тысяч никарагуанцев. Американцы захватили более двух третей народного достояния Никарагуа.

Какого имени заслуживают такие люди? И они еще смеют нам угрожать!»

В этом коммюнике, написанном в мае 1931 года, Сандино, между прочим, предсказал, что на выборах 1932 года Гуверу вопреки распространенному в то время в США и за границей мнению не удастся вновь занять президентский пост.

Такой точный прогноз мог сделать только человек, хорошо разбирающийся в международной обстановке.

новке и трезво оценивавший расстановку политических сил.

Почти одновременно с рейдами на атлантическое побережье страны колонны армии Сандино совершали походы в других направлениях. Так, отряд генерала Колиндреса захватил город Чичигалиу и удерживал его в течение 12 часов, то есть ровно столько, сколько было необходимо для того, чтобы вывезти захваченные оружие и боеприпасы. Колонна под командованием генерала Альтамирано совершила налет на город Ла Либертад — центр горнорудной промышленности Никарагуа.

К июлю 1931 года армия Сандино состояла из восьми колонн, каждая из которых действовала в своем районе. Колонна № 1 под командованием генерала Педро Альтамирано контролировала департаменты Матагальпа и Чонталес; колонны № 2 и № 6 под командованием генералов Сальгадо и Риверы действовали в районе атлантического побережья; колонна № 3 во главе с генералом Педро Антонио Ириасом находилась в департаменте Хинотеге. Бок о бок с колонной № 3 действовали колонны № 4 и № 8, возглавлявшиеся генералами Хуаном Колиндресом и Хуаном Умансором. На тихоокеанском побережье в департаментах Леон и Чинандега действовала колонна № 5 под командованием генерала Хосе Диаса. Район департамента Эстели прикрывала колонна № 7 во главе с генералом Исмаэлем Перальтой.

В армии царил железный порядок, но он был основан на сознательной дисциплине: бойцы были убеждены в правоте того дела, за которое они сражались и умирали; все они, от рядового партизана до генерала, пришли к Сандино добровольно. Писатель Боланьос, не раз беседовавший с рядовыми бойцами армии Сандино, приводит такое типичное для них высказывание:

«Мы идем за генералом Сандино не вслепую. Мы идем за ним потому, что он убедил нас в правоте своего дела, потому, что его путеводная звезда — правда. Мы знаем, о чем он пишет в своих письмах

и что пишут ему... Мы бы никогда не пошли за человеком, который не разъяснил бы нам цель борьбы и не убедил бы нас в ее необходимости».

В коммюнике, опубликованном 28 июля 1931 года, генерал Сандино сообщал:

«Всем известно, что наша армия сражается против армии, вооруженной новейшей техникой и располагающей всеми материальными средствами, какими может располагать правительство. Тем не менее в настоящее время мы контролируем территорию восьми департаментов Никарагуа. И если мы не захватываем города, то только потому, что пока это не входит в наши планы. Но мы, несомненно, это сделаем, когда нам это потребуется. Наша тактика заключается в том, чтобы контролировать города и села департаментов, в которых действует наша армия».

За голову Сандино была назначена награда в 100 тысяч долларов. Ту же сумму предложили самому Сандино, если он захочет сдаться. Тем самым американская военщина признала свою несостоятельность. Были испробованы все средства, но безрезультатно.

Любопытное признание сделал некий Паллер, капитан американской армии, участвовавший в 1950 году в корейской авантюре:

«В Никарагуа было куда труднее, нежели в самые тяжелые дни отступления из Чосана в 1950 году».

Заметим в скобках, что таких, как Паллер, было немало. Многие офицеры армии США, воевавшие в 1950—1953 годах против корейского народа, прошли выучку в Никарагуа. Именно в борьбе против Сандино отличился некий лейтенант Риджуэй. В 1950 году он в чине генерала командовал вооруженными силами США в Корее...

Американская морская пехота — «маринз» — снискала себе зловещую славу «тарана» американского империализма в колониях. В странах Латинской Америки «маринз» вели себя, как распоясавшиеся бандиты. Тысячи свидетельских показаний и документов рассказывают о диких зверствах амери-

канской военщины в Никарагуа. С ними могут сравниться разве что зверства фашистских выродков на советской земле в годы второй мировой войны. Особенно свирепствовал в Никарагуа американский «марин», по кличке Фелипон. Приведем всего два эпизода из никарагуанского периода биографии этого убийцы.

По набережной Сан-Рафаэля дель Норте шла женщина и вела за руку годовалого сынишку. Проходивший мимо Фелипон услышал, как она обратилась к малышу со словами:

— Идем скорее, Аугусто...

Одного упоминания ненавистного имени оказалось достаточным: Фелипон вырвал ребенка из рук матери и швырнул его в реку. Обезумевшая от горя женщина кинулась спасти ребенка, но подоспевшие к месту происшествия солдаты схватили ее и «за нарушение общественного спокойствия» отвезли в тюрьму, где она просидела три месяца.

В местечке Ла Пинтада Фелипон и его шайка обыскивали «подозрительный» дом. Перепуганный 12-летний парнишка бросился бежать из дому, но его настиг выстрел в спину. Фелипону показалось мало: он подбежал к раненому ребенку, ножом вспорол ему грудь, вытащил сердце и бросил его своему псу-волкодаву, неотлучно следовавшему за ним во время подобных «операций».

Не менее известно в Никарагуа имя лейтенанта Мак Дональда. Как-то раз, прогуливаясь неподалеку от Сан-Рафаэля дель Норте, он встретил пожилую женщину, возвращавшуюся из лавки, — она ходила за продуктами для детей. Мак Дональд проводил ее до дому, схватил, привязал к двери и поджег дом. Сгорела вся семья...

Лейтенант Ли, по прозвищу Мясник, без всякой причины, так просто, «играючи», выхватил у крестьянина Сантоса Лопеса пятимесячного ребенка и, подбросив его вверх, «поймал» штыком. Тот же лейтенант Ли отобрал двухмесячную дочку у Мануэлы Гарсиа и, взяв ребенка за ножки, на глазах у потевшей рассудок матери разорвал пополам.

Так расправлялись оккупанты с никарагуанцами, которых они подозревали в «сочувствии Сандино». Стоит ли говорить, что, захватив в плен партизана, ослепленные ненавистью каратели вовсе утрачивали человеческий облик.

Когда американскому лейтенанту Стюарту доставили 23-летнего Эдуардо Сентено из Ла Конкордии, он приказал привязать партизана к дереву и буквально изрешетил его из пулемета, после чего собственноручно отрезал у умирающего уши и привязал кровавый трофей к хвосту своей лошади, чтобы въехать в Сан-Рафаэль дель Норте «победителем».

Однажды американский «марин» шел по одной из крайних улиц Манагуа. Мяч, упавший в лужу из рук 5-летнего мальчугана, забрызгал солдату брюки. «Марин» выхватил пистолет и хладнокровно в упор расстрелял мальчишку...

Свидетелем преступления оказался простой никарагуанский парень, по имени Дуино. Убийство произвело на него ошеломляющее впечатление. Куда бы он ни шел, что бы он ни делал, перед глазами стоял образ умирающего ребенка. И Дуино поклялся отомстить подлому «гринго». Наточив металлический стержень зонтика и спрятав его в рукав, он бродил по городу в поисках убийцы. И вот однажды в захудалом ресторанчике Дуино увидел среди танцующих до отвращения знакомое лоснящееся от пота лицо: это был он. Дуино подошел, выхватил зонтик и вонзил его в живот ненавистному убийце. Оркестр продолжал играть, а публика — танцевать чарльстон как ни в чем не бывало, — все сделали вид, что ничего не произошло. Дуино, получивший прозвище Зонтик, ушел в горы Сеговии к Сандино.

Народный протест ширился и рос изо дня в день. Самые мирные сельские жители, то и дело сталкиваясь с самоуправством ненавистных «гринго», извлекали из пыли чуланов — чтобы были под рукой — забытые дедовские ружья.

Любопытную историю рассказал в те дни один американский летчик. Как-то во время разведывательного полета он заметил в поле крестьянина, ко-

сившего траву. Летчику показалось, что это партизан, который «маскируется» под косаря, и «на всякий случай» он выпустил в него пулеметную очередь. Человек, работавший в поле, бросил мачете и, сбегав за спрятанным неподалеку ружьем, начал стрелять по самолету. Теперь летчик «удостоверился» в правильности своего подозрения и сбросил... бомбу. Крестьянину оторвало руку. Подняв к небу окровавленную култышку, он иступленно что-то кричал и грозил летчику. Так он стоял, пока еще одна бомба не разорвала его на куски.

Свой рассказ о случившемся американский летчик закончил словами:

— Я понял: они нас все ненавидят, все!

В местечке Пунта де Риель героически погиб 18-летний полковник Лопес, любимец партизан. Участник многих сражений, он потерял счет ранам. Его друзья не грешили против истины, когда говорили, что в теле его не меньше килограмма свинца. В этот злополучный день партизаны, выполнив задание Сандино, спускались с гор.

Внезапно близ Пунта де Риель на них напал отряд американских «маринз»: они только что завершили «удачную операцию» — расстрел железнодорожных рабочих — и были опьянены легкой «победой». Неожиданная встреча с превосходящими силами противника вызвала некоторое замешательство среди партизан, что, впрочем, было неудивительным, так как в течение четырех суток они почти ничего не ели и были, как всегда, плохо вооружены: на 33 человека 18 винтовок и один выдавший виды трофейный пулемет (его сняли со сбитого американского самолета, много раз переделывали и звали ласковым именем «Чула»).

Положение спас полковник Лопес. Он влез на дерево, втащив наверх пулемет, и стал в упор расстреливать американцев. В рядах противника началась паника. Морские пехотинцы отступили. Но Лопес не успел порадоваться победе вместе с товарищами: его сразила вражеская пуля. Этот последний кусочек свинца был роковым.

А пулемет Лопеса перешел к генералу Умансору и верно служил партизанам до конца войны.

Примеры мужества показывали не только взрослые, но и дети, которые в те годы росли в недетской атмосфере кровавых расправ и преследований.

Однажды властям донесли, что у одного крестьянина в горах неподалеку от Сан-Рафаэля дель Норте есть ружье и что он сочувствует Сандино.

Солдаты хозяина не застали; дома был только 10-летний сын Густаво.

Офицер решил схитрить и сказал:

— Послушай, Густаво, твой отец распорядился, чтобы ты отдал мне его ружье. Где оно? Давай скорей, я тороплюсь.

— Я не знаю, — ответил спокойно мальчишка.

— Возьми вот это и неси ружье, — вкрадчиво произнес офицер, протягивая монетку.

Мальчишка только пожал плечами.

— Ах, так?! — крикнул офицер, теряя терпение. — Берите его и тащите к речке. Там он заговорит...

Мальчишка уже был свидетелем подобных сцен и знал, что его ждет верная смерть. С удивительным для ребенка самообладанием он спокойно надел свое сомбреро и сказал:

— Я готов. Пошли.

Офицер грубо выругался и скомандовал солдатам:

— Шагом марш!

На сей раз он не решился на детоубийство.

Свою форму протеста против американского застоя нашли даже никарагуанские школьники: они коллективно отказывались учить английский язык — язык угнетателей. В Манагуа произошел такой случай: во время парада американских войск школьникам велели петь американский гимн, но те вместо этого несколько раз бесстрашно прокричали девиз Сандино: «Смерть предателям!»

Особенно активные операции войска Сандино развернули в 1932 году. Почти ежедневные рейды партизан деморализовали оккупантов.

Американский капитан Уолтер Гаспар писал 30 марта 1932 года из Сан-Рафаэля дель Норте:

«Дорогая мама!

Я собирался написать тебе длинное нежное письмо. Но этому мешают война и сандинисты. Семь месяцев я торчу в этом аду. Лучше бы я воевал в Китае, там бы я чувствовал себя спокойнее. Я предпочитаю слышать грохот боя, чем погибнуть от партизанской пули... Вот так и живем мы тут, в Сан-Рафаэле дель Норте...»

Сводки партизанского штаба, опубликованные в те дни, свидетельствуют о широком размахе операций.

«Вперед, только вперед!» — таков был девиз Сандино.

Вот перечень боев только за вторую половину июля:

15 июля в местечке Сан-Лукас (район Окоotalя) в бою, длившемся 3 часа, погибли 30 солдат противника и их командир.

21 июля части под командованием генерала Моралеса в результате яростного двухчасового боя выбили противника из города Кисалайи. В тот же день соединения противника были разгромлены у местечка Санта-Барбара (район Хинотеги).

Кровопролитное сражение разыгралось тогда же в местечке Ла Беллорин.

В те же дни партизанские части, действовавшие на атлантическом побережье близ города Пуэрто-Кабесас, захватили банановые плантации «Ваккаро», принадлежавшие американской компании. Противник получил сильные подкрепления, но был разгромлен партизанами, которым удалось захватить автомашины, пулеметы, винтовки. На следующее утро эскадрилья американских самолетов подвергла партизанскую колонну массированной бомбардировке. К ночи перешли в наступление пехотные части противника. Сандинисты выиграли и это сражение: противник отступил, оставив на поле боя более ста убитых. Был сбит один вражеский самолет.

— Вперед, только вперед! — звал своих бойцов Сандино.

В начале октября 1932 года отряд под командованием одного из лучших командиров армии Сандино, генерала Умансора, занял город Сан-Франсиско дель Карнисеро, расположенный на берегу озера Манагуа, в трех часах пути от столицы. Это событие вызвало переполох в правительственных кругах. Поддались общей панике и американские офицеры, проживавшие в столице. Они решили, что, пока не поздно, надо распродать награбленное добро. Секретарь генерала Беркели лейтенант Линсерт поспешил к заместителю министра внутренних дел Никарагуа и сделал ему выгодное предложение: приобрести по сходной цене мебель и несколько жилых домов.

Беседуя с корреспондентом никарагуанской газеты «Эль Комерсио», Линсерт посетовал:

— Мы обзавелись недвижимостью, полагая, что обосновались в никарагуанской столице навсегда. Только подумайте, строительство одного дома обходилось нам в четыре тысячи долларов, а сейчас мы вынуждены продавать эти дома по двести долларов. Если правительство не захочет приобрести наше имущество, придется увезти все, что можно, в США.

Лишь введя в бой крупные авиационные соединения, американское командование приостановило наступление сандинистов на столицу.

А в Манагуа в это время кипели политические страсти: шла предвыборная борьба. США теперь стремились к тому, чтобы президентом был избран не только верный прислужник Белого дома, но и человек, который смог бы уговорить Сандино прекратить партизанскую войну. Шестилетние усилия оказались бесплодными: США понесли немалые потери людьми и материалами. Все труднее и труднее было игнорировать требование мировой общественности прекратить «грязную войну» в Никарагуа.

Выбор пал на нашего старого знакомого, бывшего руководителя «восстания» либералов Хуана Сакасу.

В течение последних лет он был посланником Никарагуа в Вашингтоне и полностью оправдал надежды, которые возлагали на него его американские хозяева.

Как и за четыре года до этого, президентские «выборы» проходили под наблюдением и руководством армий США. Председателем центральной избирательной комиссии был назначен американский адмирал Кларк Вудворд, председателями большинства местных избирательных комиссий — американские военные.

Сандино призвал избирателей бойкотировать выборы. В манифесте к никарагуанскому народу он писал:

«Сограждане! Соблюдайте собственное достоинство и помните, что до сих пор вы всегда оказывались жертвами янки и местных политиканов. Всякий, кто пойдет к избирательным урнам, находящимся под контролем янки, всякий, кто покорно склонит голову в страхе перед иноземным штыком, нанесет оскорбление родине».

Сфера деятельности партизан в этот период настолько расширилась, что лишь 247 избирательных участков из 429 находились в относительной безопасности от нападения на них отрядов патриотов.

7 ноября 1932 года состоялись президентские выборы. Из 150 тысяч избирателей в голосовании приняли участие лишь 98 550 человек. Таким образом, треть избирателей, открыто симпатизировавших Сандино, отказались участвовать в постыдном избирательном фарсе. Как и следовало ожидать, «победил» Хуан Баутиста Сакаса, тот самый Сакаса, которого Рубен Дарио называл «улыбающимся ничтожеством».

Еще до вступления на пост президента, которое состоялось 1 января 1933 года, Сакаса и руководители либеральной партии пытались расколоть движение сандинистов. Им удалось уговорить одного из мощников Сандино, командира 12-й колонны генерала Колиндреса, действовать самостоятельно, незави-

симо от Сандино. В ноябре 1932 года Колиндрес провозгласил себя «от имени повстанческой армии и народа Никарагуа» «временным президентом». Неумный и опасный поступок Колиндреса возмутил Сандино, и он приказал разоружить самозванца. Вскоре Колиндрес явился с повинной, и Сандино простил незадачливого «президента», ставшего жертвой политических интриг. Провалились и другие попытки взорвать движение партизан изнутри. Тогда Сакаса принял решение начать переговоры непосредственно с Сандино.

Он пытался установить контакт с генералом с помощью разных людей, но главные надежды он возлагал на своего родственника Софониаса Сальватьерру, назначенного вскоре министром сельского хозяйства и труда. Делами своего министерства Сальватьерра не занимался: его задача состояла в том, чтобы добиться от Сандино согласия на переговоры. Сакаса поручил Сальватьерре это деликатное дело еще и потому, что тот был хорошо знаком с семьей Сандино и, в частности, с отцом Аугусто — Грегорио Сандино. Сакаса полагал, что, оказывая нажим на отца, будет легче договориться с самим Аугусто Сандино. 23 ноября 1932 года Сальватьерра направил генералу Сандино письмо, в котором сообщал, что либеральная и консервативная партии и правительство готовы начать с ним переговоры о мире.

Генерал ответил, что согласен вести переговоры лишь при соблюдении двух неперемных условий: 1) чтобы все американские войска были выведены с территории Никарагуа и 2) чтобы правительство Сакасы отказалось от заключения с иностранными государствами каких-либо соглашений, ущемляющих суверенитет Никарагуа. В качестве своих представителей для ведения предварительных переговоров Сандино назвал профессора Сальвадора Кальдерона Рамиреса, жившего в Сальвадоре, своего представителя в Мексике доктора Педро Сепеду и генералов Орасио Портокарреру и Эсколастикю Лару.

Пока переговоры носили полуофициальный харак-

тер: до вступления Сакасы в должность президента оставалось полтора месяца.

В эти дни имя Сандино не сходило со страниц никарагуанских газет.

15 ноября 1932 года все столичные газеты опубликовали обращение студентов университета города Леона к вновь избранному президенту Никарагуа. В нем среди прочего говорилось: «Генерал Аугусто С. Сандино, армия которого действует в горах, олицетворяет достоинство нации, ее честь и совесть. В своей борьбе он не ищет ни богатства, ни другой выгоды, не стремится к государственным постам или теплым местечкам. Генерал Сандино не бандит. Это говорим мы, и это говорит большая часть никарагуанского народа, который верен старым традициям свободных людей. Путь Сандино — это путь победы или смерти. Но в любом случае это путь славы. Неужели вы, доктор Сакаса, допустите, чтобы единственным человеком, который сберег знамя родины чистым и незапятнанным, по-прежнему подвергался клевете и гонениям?!»

Но Сакаса и вся правящая верхушка были глухи к голосу народа. Каждый думал о себе, о том, чтобы урвать кусок пирога пожирнее. Рвался к власти и Анастасио Сомоса. За несколько дней до истечения президентских полномочий, 19 декабря 1932 года, Монкада по настоянию посланника США подписал указ о назначении заместителя министра иностранных дел Анастасио Сомосы начальником «национальной гвардии». Пост этот приобретал особую важность в связи с тем, что США, наконец, приняли решение приступить к эвакуации американских войск и закончить ее к 1 января 1933 года. В Белом доме полагали, что вымуштрованная американскими инструкторами никарагуанская «национальная гвардия» справится с возложенными на нее обязанностями дущителя народной свободы.

Оккупация в целом, по мнению американских военных специалистов, себя оправдала. Даже такой претендующий на объективность американский историк, как Кумминс, писал, что оккупация Никарагуа

дала «положительные результаты», так как там был приобретен «ценный опыт», особенно с точки зрения использования авиации.

Как бы то ни было, ненавистные «гринго» ушли с никарагуанской земли. Простой народ встретил отрадную новость ликованием. Индеец-крестьянин так выразил общее настроение:

— Теперь хлопок зацветет всеми цветами радуги, а маис так нальется соками, что одному человеку не под силу будет поднять початок.

„Я ХОЧУ ВИДЕТЬ СВОЮ РОДИНУ СВОБОДНОЙ ИЛИ УМЕРЕТЬ“

2 января 1933 года последний солдат армии США покинул территорию Никарагуа. Неделю спустя, 8 января, представители Сандино приступили к официальным переговорам с правительством Сакасы, которое представлял все тот же Софониас Сальватьерра.

Двенадцатого января Сальватьерра в сопровождении своего брата, а также отца и мачехи Сандино и генерала Альберто Рейеса направился в город Сан-Рафаэль дель Норте, где жила жена Сандино Бланка.

На следующий день Бланка и Сальватьерра отправили Сандино по письму с просьбой дать согласие на переговоры.

Бланка в своем письме умоляла мужа подписать мир, ссылаясь на то, что народ устал от войны и лишений.

Девятнадцатого января группа лиц, на которых были возложены переговоры с Сандино, двинулась в горы. После двух часов пути брат Бланки, сопровождавший парламентариев в качестве проводника, сказал: «Они должны быть здесь», — и засвистел. В тот же миг около телеграфного столба выросла как из-под земли фигура человека с мачете. Посовещавшись, проводник и часовой несколько раз во весь голос прокричали: «Да здравствует генерал Сандино!» — после

чего появились адъютанты Сандино братья Кастебланко. Все снова двинулись в путь через горы и озеро. После трудного тринадцатичасового марша, наконец, состоялась встреча с Сандино.

Вот как описал позднее Сальватьерра лагерь Сандино:

«С раннего утра люди Сандино оживленно переговаривались, пели... Я увидел, в каком тяжелом положении находилась эта армия. Одежды не хватало, люди ходили оборванными; не было одеял, без которых трудно обойтись в сыром, холодном климате северной Никарагуа. Медикаменты взять было негде. «Как они жили в течение стольких лет?» — спрашивал я себя. И тем не менее эти люди были полны решимости продолжать борьбу».

Переговоры продолжались в течение двух дней, 19 и 21 января. Сандино сформулировал свои предложения в документе, который стал известен под названием «Протокол мира» и служил руководством к действию для его представителей, участвовавших в выработке окончательного варианта соглашения с правительством.

Основные положения «Протокола мира» сводились к следующему:

1) Не допускать никакого иностранного вмешательства во внутренние дела Никарагуа; выяснить, нет ли у президента Сакасы тайных договоров с США, а также уточнить его отношение к вопросу о «национальной гвардии».

2) Создать на пустующих землях Никарагуа новый (при этом Сандино указал точные его границы) департамент под названием «Свет и Правда».

3) Все гражданские и военные власти департамента «Свет и Правда» должны быть назначены из числа командиров армии Сандино; в их распоряжении должно остаться все имеющееся у патриотов оружие. По замыслу Сандино, он сам и большинство солдат и офицеров его армии должны были жить в этом департаменте.

4) Изъять из государственных архивов и уничтожить все документы, возводящие клевету на освободи-

тельную армию. Объявить во всеуслышание, что многолетняя борьба сандинистов носила патриотический характер, велась на благо родины.

Переговоры затянулись на долгие месяцы. В них принимали участие не только представители правительства, но и многие представители буржуазных партий. Движимые ненавистью к герою национально-освободительной борьбы, издавна враждовавшие между собой консерваторы и либералы нашли общий язык, общую платформу. Их объединил страх. Больше всего они боялись, что Сандино будет играть ведущую роль в политической жизни Никарагуа и что подъем национально-освободительной борьбы в конце концов приведет к ликвидации их привилегий.

Особенно реакционную позицию занимали «национальная гвардия» и ее главарь Анастасио Сомоса.

Двадцать третьего января представители сторон договорились о прекращении военных действий на две недели. Но «национальные гвардейцы» по указанию Сомосы тут же нарушили перемирие.

Правительственные эмиссары пытались оказывать нажим на Сандино через Бланку. Бланка нервничала: она ждала ребенка. 25 января она писала мужу:

«Я тебя умоляю сделать все возможное... Я совсем потеряла покой. В то время как я тебе пишу, мне сообщили, что в Сарагуаске слышны взрывы бомб... Знаешь, если мы не договоримся, я буду первой жертвой».

В конце января, ввиду того, что переговоры через третьих лиц слишком осложнились, министр Сальватьерра снова отправляется в Сеговию к Сандино, и 31 января личные переговоры возобновляются.

Ночь на 1 февраля Сандино не спал. На рассвете он вышел из своей каморки и, продолжая, как обычно, ходить взад-вперед, сказал своим товарищам, назначенным представителями на предстоящих переговорах:

— Я всю ночь не сомкнул глаз и многое передумал. И вот что я скажу вам, друзья: в ближайшие пять дней должен быть заключен мир... Я должен

сам встретиться с президентом и обо всем договориться. Другого пути нет... Я все обдумал.

Друзья и помощники пытались разубедить Сандино, но он стоял на своем.

Перед отъездом в столицу Сандино произвел в последний раз смотр своим войскам. По индейскому обычаю бойцы шагали по одному в ряд. Впереди на лошади ехал знаменосец, крепко зажав в руке сучковатую палку, на которой развевалось красно-черное знамя.

Сандино обратился к товарищам по оружию с речью. Он сказал:

— Братья! Мы воевали за освобождение нашей родины от иностранных захватчиков. Мы прогнали янки, но они мечтают снова вернуться на нашу землю, воспользовавшись междоусобной войной. Однако они ошибаются. Я считаю, что в ближайшие пять дней нужно добиться мира, и ради этого решил ехать сам, чтобы договориться с доктором Сакасой. На время моего отсутствия вашим командиром останется генерал Лара. Если Сакаса, вместо того чтобы выслушать, арестует меня, я покончу с собой. Пусть меня назовут предателем и плюнут мне в лицо, если я этого не сделаю.

Прощание с ближайшими помощниками и с командирами вылилось в тяжелую сцену. Люди, не раз смотревшие в глаза смерти, прошедшие нечеловеческие испытания и готовые отдать жизнь по приказу своего генерала, плакали. Прощаясь с Сандино, восхищаясь его смелостью и опасаясь за его жизнь, в душе каждый из них понимал необходимость рискованного шага, на который решился Сандино; все восхищались его выдержкой и смелостью. Генерал ставил на карту жизнь. Он шел в логово коварных политиканов и предателей, способных на любое преступление.

Шесть лет Сандино не был в Манагуа. И вот 2 февраля 1933 года он на столичном аэродроме. В президентском дворце его уже ждали. О приезде прославленного генерала Сандино знал весь город, и все, у кого была малейшая возможность пробрать-

ся во дворец, были там. На аэродром встречать Сандино выехал начальник авиации. Здраваясь с ним, Сандино сказал: «Я привез мир». В этот момент подъехал начальник «национальной гвардии» Анастасио Сомоса и пригласил Сандино в свой автомобиль.

Вот машина подкатила к президентскому дворцу. Часовые вытянулись во фрунт, толпа затаила дыхание. В голубой рубашке, высоких сапогах и широкополой фетровой шляпе партизанский вождь выглядел деревенским парнем, попавшим в театр, заполненный чванливой публикой. Светлый платок на шее оттенял смуглость его кожи. Удивление, радость, зависть, восторг были написаны на лицах людей, обступивших генерала.

Улыбающийся Сакаса обнял Сандино, и они, как добрые старые друзья, с трудом пробившись через толпу, уединяются, наконец, для переговоров. В полночь представители сторон подписывают соглашение, которое предусматривает суверенитет Никарагуа, соблюдение конституции и установление полного мира в стране. Для себя лично Сандино не требовал ничего, но для своих партизан добивался обещания обеспечить им нормальный переход к мирному труду: в Сеговии был выделен специальный район для расселения сандинистов. Сандино сохранил за собой право в течение года иметь вооруженную охрану из ста бывших партизан. Разоружение сандинистов было намечено произвести в городке Сан-Рафаэле дель Норте. Репортеры, заполнившие дворец, не успевали щелкать аппаратами, запечатлевая историческую встречу. Корреспонденты иностранных газет сбились с ног. С утра 3 февраля президентский дворец гудел как развороченный улей. Ночью никто не сомкнул глаз и не покинул «наблюдательного пункта».

Сакаса, довольный исходом переговоров, спросил Сандино, чем он может быть полезным его партизанам, и, услышав в ответ: «Двадцать пять кинталов соли!» — застыл с глупой улыбкой.

В момент, когда Сандино и Сакаса пожимали друг другу руки перед фотокамерой, к ним подошел американский корреспондент Даунинг.

— Я рад, что здесь присутствует американец, — обратился к нему Сандино. — Хорошо, что он видит, как никарагуанцы заключают мир. Передайте мой привет американскому народу. Скажите американцам, что двери Никарагуа всегда открыты для всех, кто хочет у нас работать. Мы требуем одного: уважать свободу и независимость нашей родины.

Начальник «национальной гвардии» генерал Анастасио Сомоса тоже подошел к Сандино. Они обнялись и обменялись фотографиями с автографами.

В тот же день Сандино вылетел в свою ставку в Сеговию. На следующий день он обратился к своим войскам с воззванием, в котором рассказал о результатах переговоров в Манагуа. 9 февраля партизаны приступили к сдаче оружия.

Хотя по условиям конвенции о мире разоружение армии Сандино должно было длиться три месяца, Сандино сделал это за 20 дней, и 22 февраля состоялась церемония окончательной передачи партизанского оружия правительству Никарагуа. Сто бывших партизан, оставшихся по договору в распоряжении Сандино, получили всего 10 пулеметов, 90 винтовок и 3129 патронов.

Очень скоро Сандино понял, что совершил роковую ошибку.

«Национальная гвардия» начала расправу с безоружными сандинистами. 4 тысячи сандинистов получили охранные грамоты, но эти грамоты некому было предъявлять: жандармы Сомосы расстреливали бывших партизан «при попытке к бегству», сажали в тюрьму «за сопротивление властям».

Борец за свободу, человек открытой души и благородных порывов, Сандино был чужд политическим интригам. Для Сандино закон чести был превыше всего, но для презренных правителей Никарагуа понятия чести не существовало. Так рассуждали в те дни сандинисты, весь обманутый народ.

Однако такое истолкование событий, произошедших в феврале 1933 года и год спустя, в феврале 1934 года, было по меньшей мере наивным. Причи-

ны катастрофы, постигшей армию Сандино после ее разоружения, коренились гораздо глубже. Прежде всего сказалась ограниченность задачи, которую ставил Сандино перед народно-освободительной армией: изгнать интервентов и на этом остановиться, не добиваться перерастания антиимпериалистического движения в гражданскую войну. Сандино верил в возможность установления мира в стране, не учитывая, что для полного осуществления политической и экономической независимости Никарагуа надо было вырвать власть из рук реакционной клики, которая всегда была опорой интервентов.

Правда, те многочисленные критики, которые через год после подписания соглашения перешли от бурных восторгов по адресу Сандино к яростным нападкам на него, были, как говорится, «задним умом крепки» и подошли к оценке событий не диалектически, без учета конкретной исторической обстановки. Не следует забывать, что в конце двадцатых — начале тридцатых годов в Латинской Америке еще не созрели условия для коренных социальных преобразований, что рабочий класс и крестьянство всех латиноамериканских стран, и в том числе Никарагуа, не были готовы к последнему, решительному бою. Поэтому шестилетнюю борьбу сандинистов, преодолевших нечеловеческие трудности, разутых-раздетых, почти безоружных, отрезанных от источников снабжения, нельзя оценить иначе, как подвиг.

Весной 1933 года Сандино создал в дельте реки Коко сельскохозяйственную колонию. Под его руководством работали несколько сот бывших партизан. Одиннадцать верных генералов пошли сюда за Сандино в добровольное изгнание. Аугусто был полон самых радужных планов: он хотел расчистить русло реки Коко, чтобы сделать ее судоходной, мечтал создать в этом районе сельскохозяйственные кооперативы.

В феврале 1933 года в ставке Сандино в течение двух недель гостил известный испанский писатель Рамон де Белаустегитоитиа. Его привел сюда глубокий интерес к личности Сандино, который был в ту

пору самой популярной фигурой в Латинской Америке.

Белаустегигойтия, так же как и все другие люди, близко знавшие Сандино, отмечал богатство его внутреннего мира, самостоятельность и оригинальность мышления. Впоследствии Белаустегигойтия обнародовал интервью с генералом в книге «В Никарагуа у Сандино» (Мадрид, 1934 год), в которой показал его как национального героя, кумира латиноамериканской молодежи.

«Его темные глаза, — пишет Белаустегигойтия, — часто светятся добротой к людям, но чаще всего в них затаены глубокая серьезность и раздумье. Его немного асимметричное угловатое лицо, так же как его манера говорить, свидетельствуют о сильной воле.

Многие считали Сандино примитивным, неотесанным человеком... Но это совершенно неверно: генерал Сандино — натура тонкая и деликатная, человек действия и в то же время провидец; при том, что он не получил систематического образования, даже если бы он не прославился как освободитель родины, он, безусловно, — выдающаяся личность».

Белаустегигойтия слышал, что в период пребывания в Мексике Сандино интересовался масонством и спиритизмом и в этой связи решил расспросить его, как он относится к религии. Сандино ответил: «Религии остались людям от прошлого, а мы руководствуемся разумом. Нашим индейцам нужны не религия, а знания, культура, чтобы научиться друг друга понимать, уважать и любить».

Сандино любил повторять: «Мы не военные, мы народ, вооруженные граждане. Как только мы получим возможность заняться мирным трудом, все будут учиться, от мала до велика».

Эта тяга к культуре — черта, типичная для Сандино. Он мечтал о том времени, когда сможет всерьез засесть за книги. Особенно интересовала его философия, проблема причинности и взаимосвязи явлений.

Белаустегигойтия уехал из лагеря Сандино, про-

никнутый верой в справедливость и успех его трудного дела.

В мае 1933 года Сандино снова выехал в Манагуа для продолжения переговоров с президентом Сакасой. Во время своего пребывания в столице Сандино понял, что «национальная гвардия» фактически вышла из повиновения правительству и Анастасио Сомоса искал лишь случая, чтобы установить личную диктатуру. Обстановка в стране оставалась напряженной. Хоть американцы и ушли из Никарагуа, но их агентура орудовала повсюду, и центром ее была «национальная гвардия» во главе с Сомосой.

Государственный департамент США принял решение заменить своего посланника в Манагуа: Господин Ханна с супругой должны были отбыть со дня на день. Узнав об этом, Анастасио Сомоса не огорчился. Госпожа Ханна сделала для честолюбивого любовника больше, чем могла: он генерал и фактический диктатор Никарагуа. «Кроме того, — размышлял Сомоса, — говорят, жена нового посланника, госпожа Артур Блисс Лейн, тоже не лишена обаяния...» Единственное, что тревожило Сомосу, — это мысль о Сандино. Пока «мужицкий генерал» был жив, не было у Анастасио покоя.

Третьего июня Сандино постигло тяжелое горе: во время родов умерла жена Бланка. Потрясенный несчастьем, Сандино несколько дней провел один, запершись у себя в комнате, предаваясь горестным раздумьям. Он корил себя, что не уберег Бланку, упрекал себя за то, что уделял ей мало внимания. Но что он мог сделать, живя вдалеке от нее, ежедневно, ежечасно рискуя жизнью! Теперь нужно было позаботиться о ребенке, о маленькой Бланке.

Президент Сакаса поддерживал непрерывную связь с Сандино. Он не упускал случая лишний раз заверить его в своей дружбе и обещал всяческую поддержку и помощь. А Сомоса тем временем продолжал расправляться с сандинистами и плести интриги против их вождя. Впрочем, представься ему подходящая возможность, Сомоса постарался бы договориться с Сандино. В декабре он предпринял та-

кую попытку, установив контакт с одним бывшим лейтенантом партизанской армии. Сомоса в разговоре с ним намекнул, что было бы неплохо, если бы два таких популярных в стране человека, как он, Сомоса, и Сандино, заключили союз «против этого старого дурака Сакасы, который разоряет страну». Сомоса облек свой «намек» в довольно конкретную форму: пообещал Сандино в случае его согласия пост военного министра в предполагаемом кабинете.

Однако лейтенант наотрез отказался передать Сандино предложение Сомосы. Увидев, что план союза с Сандино неосуществим, Сомоса направил свои усилия в другое русло. Он начал убеждать Сакасу в том, что Сандино готовит против него заговор.

В декабре Сандино в третий раз отправился в Манагуа для личных переговоров с Сакасой. Президент снова заверил его, что все условия договора будут выполнены неукоснительно. Сандино чувствовал, что за любезными заверениями и неизменной улыбкой Сакасы кроется что-то зловещее; бессильный изменить что-либо, Сандино в мрачном расположении духа выехал обратно в Сеговию.

Друзья предупреждали его о готовившемся заговоре. Друг Боланьос писал ему в те дни: «Не дай заманить себя в ловушку... Имей в виду, они уже приготовили для тебя пулю...» Но Сандино не обращал внимания на эти предостережения и думал лишь о том, чтобы любой ценой — пусть даже ценой своей жизни! — добиться мира в стране.

На отведенном им участке в районе реки Кокко сандинисты организовали добычу золота, развели плантации табака. На вопрос корреспондента сальвадорской газеты «Диарио латино», чем он сейчас занимается, Сандино ответил:

— Второго февраля 1933 года моя партизанская миссия закончилась. Теперь я служу своей родине трудом...

Но пока Сандино был занят планами мирного труда, в столице его враги плели против него сеть предательских интриг, распространили слух, будто Сандино вовсе не разоружился и готовится к захвату

власти. В печать все чаще и чаще проникали сообщения о том, что против Сандино готовится заговор, что начальник «национальной гвардии» Сомоса ищет способ «ликвидировать» Сандино.

В этот момент президент Сакаса — послушное орудие в руках Сомосы и американской миссии — пригласил Сандино в столицу, будто бы для того, чтобы окончательно урегулировать все проблемы. Понимая, что у Сандино есть все основания сомневаться в его искренности, Сакаса направил в Сеговию все того же министра сельского хозяйства Сальватьерру, дабы он рассеял сомнения Сандино и уговорил его приехать в столицу.

14 и 15 февраля между Сандино и Сальватьеррой состоялось несколько долгих бесед. Их последний разговор кончился следующими словами:

— Меня окружают, — говорил Сандино, — вот уже месяц, как «национальная гвардия» укрепляет свои позиции в районе Вивили. Что же происходит? Президент меня обманывает, да?

— Нет, президент занимает лояльную позицию, — возразил Сальватьерра.

— Значит, его подчиненные делают все, что хотят. Гвардейцы говорят, что они собираются меня уничтожить... Уничтожить! Уничтожить людей, которые трудятся и учат страну труду!.. Генерал Сомоса мечтает меня уничтожить. А что представляет собой генерал Сомоса? Он что-то значит, пока занимает свой важный пост. Уйди он в отставку, и его все забудут... А я вождь. Я могу остаться без единого патрона, но стоит мне бросить клич, как все соберутся вокруг меня, потому что люди верят в меня. Я не хочу войны. Но как я могу согласиться с тем, что мои люди не могут мирно жить на своей земле? Гвардейцы их убивают, каждый день они кого-нибудь убивают. Я хочу мира, и я докажу это, согласившись встретиться с Сакасой.

Утром 16 февраля Сандино в последний раз отправился в Манагуа. Его сопровождали генералы Франсиско Эстрада, Хуан Пабло Умансор и брат Сократес. Сакаса встретил Сандино с распростерты-

ми объятиями. После завтрака начались переговоры. Сандино требовал полной гарантии всех прав бывшим партизанам.

Как и в предыдущие три раза, Сандино остановился в гостеприимном доме министра сельского хозяйства Сальватьерры. 17 февраля с визитом вежливости явился к нему Сомоса. Сандино отдал ответный визит. Когда вскоре они встретились в президентском дворце, Сомоса подошел к Сандино и обнял его. Однако такой демонстрации «теплых дружеских чувств» сопутствовала отнюдь не дружеская провокация, подстроенная по наущению Сомосы. В Манагуа была распространена листовка за подписью Сандино, содержащая нападки на «национальную гвардию». Сандино действительно критиковал этих головорезов, но фальшивка была составлена с расчетом на то, чтобы накалить страсти.

В субботу 17 февраля Сомоса провел несколько часов в миссии США у посланника Лейна. Ужин и беседа затянулись далеко за полночь. На следующий день господин посланник США Артур Блисс Лейн в сопровождении Сомосы отправился на бейсбольный матч: играли команды «Генерал Сомоса» и «Манагуа».

В этот день, в воскресенье 18 февраля, в президентском дворце был устроен торжественный обед. Все высшее общество столицы, а также Сандино с отцом и ближайшими соратниками были гостями президента. Сандино заметил, что Сомоса не может скрыть нервную дрожь. Трижды Аугусто спрашивал отца, как он объясняет возбужденное состояние генерала гвардейцев. Сомоса не выдержал и скрылся задолго до окончания банкета. Три дня спустя дон Грегорио понял, почему так нервничал Анастасио Сомоса.

В последующие два дня Сандино и Сакаса обменялись письмами, в которых были урегулированы все спорные вопросы. 21 февраля эти письма были опубликованы всеми никарагуанскими газетами.

В 5 часов вечера 21 февраля 1934 года Сандино в сопровождении своего отца дона Грегорио, гене-

ралов Эстрада и Умансора прибыл в президентский дворец с прощальным визитом. Сандино был в прекрасном настроении, шутил, рассказывал истории из времен партизанской войны. Сакаса пригласил всех отобедать. К приглашенным присоединились вскоре два брата президента и генерал Портокарреро, один из ближайших помощников Сандино. Кончился обед, закурили. Генерал сообщил присутствующим, что собирается на следующий день съездить в родные места, в Никиноомо. Потом зашла речь о залежах золота, которые Сандино открыл на реке Кoko. Договорились создать компанию по эксплуатации нового золотого прииска.

В 10 часов вечера Сандино и его спутники поблагодарили президента за отличный обед и, покинув дворец, направились в дом министра Сальватьерры, где находилась временная резиденция Сандино.

За несколько часов до этого, когда Сандино собирался на обед в президентский дворец, предатель Сомоса отправился за последними инструкциями в миссию США. Посланник Артур Блисс Лейн нервничал. Его тревожили сомнения, можно ли положиться на такого легковесного человека, как Сомоса, не просочились бы подробности предстоящей операции в печать. Ведь потом с этими горластыми никарагуанцами хлопот не оберешься...

Господин Артур Блисс Лейн, недавно сменивший престарелого Ханну, считался восходящей «звездой» американской дипломатии. Он начал свою дипломатическую карьеру в 1916 году, в возрасте 22 лет. Служил в нескольких столицах европейских государств, а с 1925 года — в Латинской Америке, в том числе несколько лет провел в Мексике в должности первого секретаря, затем советника посольства и временного поверенного в делах. В 1927—1930 годах Лейн заведовал отделом Мексики в государственном департаменте. Американский журнал «Каррент бай-графи» писал о Лейне: «Он вручает верительные грамоты чаще, чем любой из живущих ныне американских дипломатов».

В силу целого ряда причин пост посланника США

в Никарагуа был особо важным с точки зрения госдепартамента; кроме того, мистеру Лейну было поручено еще и специальное задание — убрать Сандино.

В тот день, 21 февраля, Анастасио Сомоса посетил миссию США дважды.

В полдень посланник США в Манагуа устроил «интимный» завтрак. Присутствовали два гостя: начальник «национальной гвардии» Анастасио Сомоса и бывший президент Никарагуа генерал Монкада. Приезд Монкады, с конца 1932 года уединившегося в своей резиденции в Месатепе, со стороны мог показаться необъяснимым. Однако причина для приезда была, и немаловажная: бывшего президента призвали, чтобы решить, как расправиться с Сандино. По дороге в американскую миссию Монкада заехал в президентский дворец, посоветовался с Сакасой, а уж оттуда отправился к господину посланнику Лейну. Беседа втроем длилась несколько часов.

Общественный деятель Никарагуа, адвокат и видный публицист Рамон Ромеро, близко знавший Сандино и друживший с ним, в своей книге «Сандино и янки» пишет о событиях этого дня так:

«Моя адвокатская контора находилась в помещении юридической школы, расположенной напротив миссии США в Манагуа. Я видел автомобили, ленточкой вытянувшиеся вдоль улицы, видел бледные лица сновавших взад-вперед заговорщиков».

В три часа дня Сомоса покинул миссию США и отправился в крепость «Марсово поле». Там он приказал созвать на 7 часов вечера совещание своих помощников.

Через час Сомоса был снова у посланника США. На сей раз, кроме посланника и Сомосы, присутствовал секретарь посольства Пол Дэниелс.

Потягивая виски со льдом, они уточнили детали убийства. Дэниелс даже вызвался лично присутствовать в штабе Сомосы, чтобы руководить операцией, но господин Блисс Лейн счел это предложение легкомысленным. К 7 часам окончательное решение было принято.

Прощаясь, посланник просил Сомосу держать

его в курсе дела, ежечасно докладывать о ходе операции.

Шестнадцать офицеров штаба Сомосы с нетерпением ждали возвращения шефа. Сомоса явился в 7.30 и с порога заявил своим подчиненным: «Я прибыл из американской миссии, где только что совещался с посланником Артуром Блисс Лейном. Он еще раз меня заверил, что вашингтонское правительство настаивает на ликвидации Сандино».

Затем Сомоса сел за стол, взял листок бумаги и сверху крупными буквами написал: «Приговор». Это был смертный приговор Сандино. На всякий случай Сомоса решил соблюсти «форму» — заручился «солидарной ответственностью» присутствовавших офицеров своего штаба, заставив их подписать составленный им документ.

«Операция» была разыграна как по нотам. В то время как президент Сакаса обнимал на прощанье своего «друга» Сандино, а брат президента Федерико провожал гостей до ворот дворца, одетый в форму сержанта майор Дельгадильо с 15 солдатами уже засел в Эль Ормигери, небольшой крепости неподалеку от резиденции президента, где находилась казарма пятой роты «национальной гвардии». У ворот дворца гостей ждал автомобиль. Сандино, дон Грегорио и министр Сальватьерра сели сзади, генерал Эстрада и генерал Умансор — рядом с шофером. Отъехав несколько десятков метров, машина остановилась; узкую улицу перегородил грузовик; водитель, как оказалось впоследствии сержант «национальной гвардии» Каналес, был занят устранением неисправности в моторе. Подлинный смысл инсценировки выяснился незамедлительно. Раздался голос сержанта Каналеса:

— Это они!

Эстрада и Умансор, заподозрив недоброе, выхватили пистолеты.

— Не шевелитесь, не то буду стрелять! Всем выйти из машины! — крикнул сержант.

В тот же миг машину Сандино окружили солдаты майора Дельгадильо.

— Вы арестованы, сдайте оружие! — приказал майор.

Сопротивляться было бессмысленно. К тому же Сандино надеялся, что произошло недоразумение, что сейчас все выяснится... Тем более, что, когда солдаты остановили его машину, подъехал автомобиль дочери Сакасы Маруки, которая с возмущением спросила: «Что вы делаете? Генерал только что ужинал с моим отцом!» Но, видя, что тратит слова попусту, Марука поспешила во дворец. Сандино был уверен, что она расскажет отцу о случившемся и тот примет меры.

Оказавшись во внутреннем дворе крепости и увидев наведенные на него дула пулеметов, Сандино потребовал, чтобы майор Дельгадильо связался с Сомосой. Сандино в лихорадочном волнении шагал по двору. Ко всему готовый Эстрада хранил невозмутимое спокойствие. Умансор — недаром в его жилах текла индейская и негритянская кровь — казался, окаменел. Сандино остановился и, устремив горящий взгляд на угрюмые лица гвардейцев, произнес:

— Что все это значит? Ведь мы братья! Мы заключили мир и стараемся возродить нашу страну, трудиться на благо народа. Я воевал только за то, чтобы Никарагуа была свободной...

Но ни один мускул не дрогнул на жестких лицах солдат.

Майор отсутствовал недолго. Разыскать генерала Сомосу, по его словам, оказалось невозможным.

Еще бы, в этот трагический час, заботясь о своем реноме в глазах потомства, шеф гвардейцев готовил себе алиби — изображал тонкого ценителя поэзии на вечере в офицерском клубе, где поэтесса Зоила Роса Карденас читала свои стихи!

Вскоре прибыл еще один взвод солдат, и командовавший им офицер приказал дону Грегорио и министру Сальватьерре остаться в крепости, а Сандино, Эстраде и Умансору следовать за ним. Трех арестованных усадили на грузовую машину и отвезли в военный лагерь Ларрейнага, расположенный

в местности, известной под названием Ла Калавера, километрах в семи от столицы.

Если до этой минуты Сандино еще на что-то надеялся, то теперь он понял, что жить осталось недолго. И, взяв себя в руки, принял свой обычный спокойный вид.

Грузовик остановился на плацу, посреди лагеря. Арестованных вывели. Кто-то из толпившихся на плацу офицеров пытался проверить содержимое кошелька Сандино, но он его оттолкнул.

Сандино попросил пить. Воды не дали. Эстрада сказал:

— Генерал, разве ты не видишь, это не люди, а звери. Не надо у них ничего просить. Скажи, пусть скорее убивают...

Сандино стоял, расправив плечи, засунув руки в карманы, и в глазах его застыли боль и недоумение. Он знал, что в любую минуту мог стать жертвой предательства, но такое изуверство, такое вероломство не умещалось в голове у этого прямого и искреннего человека, всегда склонного верить людям.

— Политиканы... предатели... — произнес он.

Это были его последние слова...

Трое приговоренных к смерти сидели на выступе скалы и ждали: Сандино справа, Эстрада слева, Умансор посередине. Майору Дельгадилю в последнюю минуту стало как-то не по себе, и он поручил расстрел младшему лейтенанту Монтеррею.

Прошло еще несколько томительных минут... Раздался выстрел: это отошедший поодаль майор дал сигнал начать «операцию». Застрочили пулеметы... Сандино, Эстрада и Умансор упали, изрешеченные пулями.

«Я хотел бы умереть на поле боя», — сказал как-то Сандино своим друзьям по борьбе. Его желанию не суждено было сбыться: он погиб от руки палача.

Капитан Карлос Теллера, коренастый человек с лицом садиста, подошел к умирающему Сандино и разрядил пистолет прямо ему в лицо.

Затем последовала отвратительная сцена ограбления трупов: солдаты обшарили карманы убитых,

сняли кольца, цепочки, ордена, сорвали золотые коронки с зубов... Трупы раздели догола, деньги поделили между собой, одежду сожгли, а изуродованные до неузнаваемости тела бросили в колодец.

Лейтенант Монтеррей, выполняя приказ вышестоящего начальства во что бы то ни стало замести следы преступления, скомандовал солдатам, участвовавшим в расстреле, сесть на грузовик и отвез их в ближайшую рощу. Гвардейцы были пьяны и не поняли, какая «награда» им уготована за верную службу: Монтеррей расстрелял их из пулемета.

Едва стихла последняя пулеметная очередь в лагере Ларрейнага, как раздались выстрелы близ дома министра Сальватьерры.

«К счастью, — писал впоследствии министр, делая вид, будто все произошло без его ведома, — моей жены и дочери в тот день не оказалось дома».

Нападавшие — переодетые в штатское солдаты «национальной гвардии», — ни на минуту не прекращая огня, проникли в дом.

Находившиеся там Сократес Сандино и полковник партизанской армии Сантос Лопес оказали сопротивление; Сократес был убит, а раненный в ногу Лопес, отстреливаясь, успел скрыться. Во время перестрелки был убит проходивший по улице 10-летний ребенок. Трупы перевезли в военный лагерь Ларрейнага.

Когда все стихло, посланник США Артур Блисс Лейн отправился на место расправы, в лагерь, чтобы лично удостовериться в смерти Сандино, после чего поехал в крепость Эль Ормигеро.

Был второй час ночи. Беспрепятственно проникнув в казарму пятой роты, Блисс Лейн без труда «уговорил» охрану отпустить арестованных дона Грегорио и Сальватьерру и отвез их к себе в миссию. («Я их спас от неминуемой гибели», — говорил он впоследствии.) Здесь вдохновитель и организатор убийства выяснил все интересовавшие его подробности и, выразив притворное сожаление по поводу случившегося, распрощался со «спасенными» им гостями, так как президент Сакаса также выразил

желание узнать подробности «из первоисточника» и просил Грегорио Сандино и Сальватьерру пожаловать в президентский дворец. Подали машину посланника, и секретарь миссии США Пол Дэниелс препроводил дону Грегорио и министра Сальватьерру в президентский дворец.

В это время «национальная гвардия» приступила к осуществлению очередного акта задуманной Лейном — Сомосой кровавой драмы. Была окружена и уничтожена колония сандинистов Вивили. Расстреливали всех без разбора — мужчин, женщин, стариков и детей. По данным, приведенным американским журналистом Уильямом Кремом, было убито 300 человек; но известный мексиканский общественный деятель Висенте Саенс утверждает, что эта цифра на много преуменьшена.

На следующий день после убийства Аугусто Америка де Сандино и ее племянница Амелиа Альфаро ходили в миссию США и в штаб «национальной гвардии», просили отдать им тело Аугусто. Ни мистер Артур Блисс Лейн, ни сеньор Анастасио Сомоса их не приняли. Под окнами кричали: «Труссы, вы боитесь принять двух беззащитных женщин!»

Опасаясь народного гнева и предвидя, что возмущенный убийством национального героя простой народ может взяться за оружие, президент Сакаса поспешил публично «осудить» убийство Сандино и приказал «расследовать преступление». Никарагуанцы поверили Сакасе...

В течение долгих лет считалось, что президент Сакаса ничего не знал о готовившемся заговоре; более того, многие были склонны верить в его добрые чувства к Сандино, которые он особенно афишировал накануне убийства. Однако факты неопровержимо свидетельствуют об обратном. Слишком тесно переплелись интересы правящей никарагуанской клики, чьим орудием неизменно являлся президент Сакаса, с интересами ее североамериканских покровителей. Слабовольным, нерешительным Сакасой владело лишь одно сильное чувство: желание удержаться у власти. Ради этого он был готов закрыть глаза на

любое преступление. Он бесстрастно наблюдал, как его родной брат Федерико пошел в сообщники к голворезу Сомосе, а самому «шефу» предоставил полную свободу действий, хотя всегда побаивался этого своего «родственника» (президент был женат на сестре тещи Сомосы). Факт таков, что Сомоса, посмеиваясь, передавал слова «господина президента», сказанные им в минуту откровенности: «После событий двадцать первого февраля некоторые мои друзья меня предостерегали, что вы, расстреляв Сандино, лишите меня президентского поста — точнее, расстреляете. Я им ответил, что верю в преданность мне «национальной гвардии».

«Улыбающееся ничтожество!» — Рубен Дарио весьма точно охарактеризовал этого никчемного, беспринципного человека.

В подлом убийстве Сандино Сакаса сыграл пассивную, но весьма неблагоприятную роль. Учитывая настроение своих хозяев, он всячески затягивал переговоры с Сандино, со дня на день откладывая окончательное решение о мире. Дочь Марука сообщает ему, что на Сандино напали гвардейцы, необходимо принять меры.. Но Сакаса — президент республики! — «не может никому дозвониться...».

Даже в США одна газета поместила фотографию Сакасы и Сандино с подписью: «Вначале угостил ужином, а потом позволил безнаказанно убить».

А в воскресенье 25 февраля во дворце президента был устроен роскошный прием в честь «национальной гвардии» и ее руководителя генерала Анастасио Сомосы; в присутствии дипломатического корпуса Сакаса как ни в чем не бывало превозносил заслуги убийцы героя. Что касается Сомосы, то, поскольку вокруг него установилась атмосфера полной безнаказанности, он даже не думал скрывать свои подлинные настроения. 21 июня 1934 года почти все газеты Латинской Америки напечатали сенсационное сообщение из никарагуанского города Гранады, где высшая знать чествовала Сомосу. Герой дня произнес на банкете речь, в которой среди прочего заявил:

«Единственный способ покончить с преступления-

ми заключался в ликвидации генерала Сандино и сандинистов. В районе Сеговии бандиты разрушали дома, грабили, убивали. «Национальная гвардия» не могла равнодушно взирать на эти преступления. Мне, начальнику гвардии, удалось ликвидировать руководителей и всех виновных в актах бандитизма. Наступил момент, когда я был вынужден решить назревшую проблему, я это сделал и не пытаюсь уйти от ответственности».

Прочитав в газетах речь Сомосы, доктор Сепеда, представлявший Сандино в течение шести лет в Мексике, направил президенту Сакасе телеграмму, в которой требовал немедленного смещения убийцы с поста командующего «национальной гвардией» и предания его суду.

Телеграмма, разумеется, осталась без ответа.

А 25 августа того же года палата депутатов конгресса Никарагуа амнистировала всех лиц, виновных в убийстве 21 февраля, ссылаясь на то, что будто бы были обнаружены документы, из которых следовало, что Сандино «готовил революцию».

Два года спустя, 14 сентября 1936 года, Бренес Харкин, назначенный Сомосой временный президент Никарагуа, издал беспрецедентный во всей новейшей истории декрет: за «выдающиеся заслуги перед родиной» генерал-майор Анастасио Сомоса был награжден тремя высшими орденами республики — крестом за мужество, медалью за отличие и президентской медалью за заслуги...

«Я стрелял в генерала Сандино, потому что мне приказал генерал Сомоса», — признался один из убийц, капитан Камило Гонсалес. Через полтора месяца Гонсалес бежал в США, «под защиту нью-йоркской полиции». Его мучил страх перед возмездием. Журналисту, просившему его дать интервью, он заявил: «Я хочу, чтобы меня забыли, чтобы не вспоминали о моем существовании».

К многочисленным прозвищам у ненавистного Сомосы добавилось еще одно: «Каин Латинской Америки».

Убийство национального героя Никарагуа вызва-

ло глубокое негодование всех честных людей Латинской Америки. Рабочие и студенты, крестьяне, домашние хозяйки, писатели — все выражали гневный протест против злодейской расправы и возмущались позицией, занятой правящими кругами Никарагуа.

Во многих странах в знак траура были приспущены флаги. В газетах изо дня в день печатались письма, статьи, послания, посвященные памяти Сандино. Вот что писал Ньето Кабальеро из Колумбии: «Весь континент скорбит о Сандино. Он был совестью своего народа, символом свободы Америки»; Вьера Альтамирано из Сальвадора: «Сандино — освободитель, герой нашей эпохи. С его помощью произошло второе великое освобождение Латинской Америки»; Хосе Васконселос из Аргентины. «Сандино — один из самых великих людей в истории Латинской Америки».

Никарагуанские студенты в своем манифесте провозгласили:

«Чудодейственный меч Сандино указал нашей родине путь борьбы. Вдохновленные его примером, мы, молодежь Никарагуа, должны уничтожить эксплуататоров, империалистов, монополистов, старых политиканов и кровопийц-богачей. Но прежде всего мы должны наказать убийц героя, которые сначала пролили кровь Сандино, а теперь расправляются с народом, тем самым как бы подчеркивая неразрывные узы, которые связывают Сандино с его соотечественниками. Пусть знают враги Сандино, что герой не умер, что он только начинает свою борьбу и недалек тот день, когда он снова начнет действовать, действовать беспощадно».

Злодейское убийство Сандино осудила вся прогрессивная общественность США. Один американский солдат, воевавший против Сандино, узнав о случившемся, написал отцу героя: «Я только что узнал о смерти ваших детей Аугусто и Сократеса. Позвольте мне выразить вам самое искреннее сочувствие. Хотя генерала даже некоторые его соотечественники называли бандитом, мы, морские пехотинцы, воевавшие против него, восхищались его военным талан-

том. Республика Никарагуа потеряла выдающегося вождя, воина и патриота. Пусть его имя навсегда останется в сердцах его сограждан!»

Профессор латиноамериканской истории Техасского университета Хаккетт в апрельском номере журнала «Каррент истори» за 1934 год писал:

«С убийством генерала Аугусто Сесара Сандино с политической арены Никарагуа сошла самая яркая фигура, не стало самого популярного героя современной Латинской Америки».

Подчеркнув, что Сандино сослужил великую службу своему народу и что он стоит в ряду таких героев освободительной борьбы, как Боливар и Сан-Мартин, Хаккетт замечает: «С точки зрения государственного департамента это был бандит, а для многих никарагуанцев и подавляющего большинства латиноамериканцев Сандино, который осмелился выступить против интервентов, захвативших его родину, был олицетворением патриотизма».

Известный американский историк Дана Мунро, служивший в 1930 году временным поверенным в делах США в Никарагуа, пишет: «Убийство Сандино, больше чем любой другой акт нашей внешней политики со времени «взятия» Панамы, вызвало в Латинской Америке недобрые чувства к нам».

Уже упоминавшийся нами американский историк Кумминс приходит к следующему выводу: «Сандино был вождем, и Латинская Америка понимала это и симпатизировала ему. Сами по себе действия Сандино не были особенно значительными. Но очень значительно то, что Сандино выразил всеобщее осуждение Соединенных Штатов латиноамериканцами и в конечном счете заставил США пересмотреть и изменить один из основных принципов их внешней политики».

Американский журнал «Литерари дайджест» уже 3 марта 1934 года поместил статью, посвященную убийству Сандино. В статье говорилось «Однажды президент Гувер широковещательно объявил Сандино убийцей. Однако мыслящие американцы не скрывали своих симпатий к вождю никарагуанских пов-

станцев, к его гневному протесту против пребывания морской пехоты США в Никарагуа. Сандино был руководителем борьбы латиноамериканцев за избавление от господства США».

Десять лет спустя, в 1944 году, даже такой правый американский журнал, как «Тайм», признал: «Безрассудный патриот Сандино держал в напряжении вооруженные силы США в течение целых пяти лет». В этих нескольких словах — невольное признание того, что, во-первых, Сандино руководствовался в своих, пусть «безрассудных», действиях любовью к родине и, во-вторых, что раздетые-разутые партизаны заставили отступить вооруженного до зубов противника.

ПОСЛЕРАСПРАВЫ

Посланник «его величества доллара» господин Лейн покинул Никарагуа в 1936 году лишь после того, как убедился, что ставленник США генерал Сомоса прочно держит в руках власть.

Прежде чем продолжить рассказ о судьбах ника-

рагуанского народа, небезынтересно сказать несколько слов о бесславном конце дипломатической карьеры господина Лейна.

Ярый антисоветчик Лейн из Никарагуа отправился посланником в Эстонию, Латвию и Литву, а оттуда — в Югославию. Начало второй мировой войны застаёт его снова в Латинской Америке. В 1941—1942 годах Лейн — посол в Коста-Рике. Следующие два года он был послом в Колумбии. Здесь мы и познакомились. В те годы я находился в Колумбии на дипломатической работе и по долгу службы часто встречался с мистером Лейном. Это был человек, который всегда либо уже выпил, либо собирался выпить (его излюбленным напитком было виски). Энергичный, подвижной, Лейн любил прикидываться эдаким «своим парнем». Он охотно вмешивался в чужие дела, пытался руководить сразу всеми министрами колумбийского правительства. 12 июня 1944 года при его участии была сделана попытка государственного переворота. Меня, да и не только ме-

ня, удивляло, что, будучи профессиональным дипломатом, почти 20 лет прослужив в латиноамериканских странах, он так плохо говорил по-испански. Возникла даже мысль, уж не прикидывается ли он. Но нет, просто мистер Лейн не утруждал себя изучением иностранных языков, самоуверенно полагая, что доллары и виски открывают все двери и сердца.

Как-то на приеме в президентском дворце я спросил Лейна, каковы его впечатления о Никарагуа. Посол насторожился: он был удивлен, что молодой советский дипломат в курсе его «старых дел». Я объяснил господину Лейну, что меня интересует биография Сандино. Посол вздрогнул. Никаких объяснений, однако, не последовало. К нам подошла миссис Лейн, и к «деликатной теме» мы больше не возвращались. Вспоминать о Сандино послу было явно неприятно, а мне дипломатический этикет не позволял сказать мистеру Лейну все, что я о нем думал.

Дальнейшая судьба Лейна сложилась так. В 1945 году он был переброшен на работу в народную Польшу. В Варшаве господин Лейн пытался вести себя так же, как он вел себя в Манагуа. Кончилось тем, что в 1947 году правительство Польской Народной Республики объявило господина Лейна «персоной нон грата», и он был выслан из страны.

С тех пор и до конца своей жизни (Лейн умер в 1954 году) дипломат в отставке Лейн занимался сочинением антисоветских пасквилей.

Нелишне заметить, что протеже мистера Лейна мистер Пол Дэниелс как две капли воды похож на своего наставника. Дипломатическая карьера Дэниелса (род. в 1903 году) началась в 1928 году. Специальную школу «практической» дипломатии Дэниелс прошел под руководством Лейна в Никарагуа, где активно участвовал в организации убийства Сандино. В 1943 году Лейн перетащил своего любимца в Колумбию, под свое начало. Советник посольства Дэниелс подражал своему шефу во всем: как и он, был всегда навеселе, но в отличие от Лейна сносно говорил по-испански. Участие в убийстве Сандино и

покровительство Лейна помогли Дэниелсу сделать карьеру: из Боготы он отправился советником посольства США в Рио-де-Жанейро, а в 1947 году был назначен послом в Гондурасе. Затем в течение трех лет (1948 — 1950) Дэниелс представлял США в Организации американских государств. Здесь он показал себя сторонником политики «большой дубинки» и откровенного вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран. Его последний дипломатический пост — посол в Эквадоре (1951 — 1953), а затем отставка. Мемуаров пока не написал.

Но вернемся к Сомосе.

В конце 1935 года шеф «национальных гвардейцев» создал фашистскую партию «Голубые рубашки» и объявил, что на выборах 1936 года выставит свою кандидатуру на пост президента, — вопреки конституции, так как никарагуанская конституция не разрешает избирать президентом родственника бывшего президента, а также лиц, занимающих ответственные государственные посты.

Консерваторы и либералы объединились и выдвинули кандидатом на пост президента Леонардо Аргуэльо, бывшего министра иностранных дел. Тогда Сомоса в конце мая 1936 года поднял мятеж. 6 июня перепуганный президент Сакаса ушел в отставку. Временным президентом Никарагуа конгресс назначил Карлоса Бренеса Харкина. А девять дней спустя «одумавшиеся» либералы под дулами пистолетов выдвинули Сомосу своим кандидатом в президенты. Выборы, состоявшиеся 8 декабря, показали, чего можно достигнуть путем «правильной организации дела»: за убийцу Сомосу было подано 117 тысяч голосов, а за Аргуэльо — 1086!

Президентские полномочия Сомосы истекали 1 января 1941 года. Но в предвидении этого «президент» в 1939 году внес в конституцию изменения, согласно которым диктатор мог быть переизбран на новый срок; срок пребывания президента у власти был продлен с четырех до шести лет. 30 марта 1939 года состоялось «переизбрание» Сомосы на новый шестилетний срок. Но Сомосе этого показалось

мало, и он к шести «законным» годам добавил еще два «неиспользованных» (1939 — 1941). Таким образом, было запланировано пребывание у власти до 1 мая 1947 года!

В 1939 году Сомоса посетил Вашингтон и был принят президентом Рузвельтом. Позднее Сомоса хвастался: «Однажды я рассказал Франклину Делано Рузвельту, что такое демократия в Центральной Америке. Демократия в наших странах — это дитя, а разве можно давать младенцу все, что он попросит? Я даю свободу, но на свой лад. Попробуйте дать младенцу горячего пирога с мясом и с перцем — вы его убьете».

Итак, Сомоса установил в Никарагуа «свободу на свой лад». Вся страна была превращена в большую тюрьму. Восточная часть президентского дворца специально оборудована для пыток: камеры сделаны в форме поставленного вертикально гроба; в этом склепе без света, без воздуха можно только стоять. Рядом с камерами в клетках размещены кровожадные обитатели джунглей. Им часто приходится лакомиться человеческим мясом. Неожиданные аресты и убийства из-за угла — рядовое явление в Никарагуа.

В президентский дворец и даже к его подступам можно пройти лишь по специальному разрешению органов безопасности. На холме Тискапа в Манагуа рядом с президентским дворцом расположены военная академия, полицейское управление и казармы «национальной гвардии». Холм Тискапа окружен живописным бульваром, но пересечь его без особого пропуска нельзя.

Вся страна превращена в огромное поместье, используемое для нужд семьи Сомосы. Этой семье принадлежат 51 животноводческая ферма, 46 кофейных плантаций, 50 процентов акций в большинстве предприятий страны, большое количество домов, электростанций, газета «Новедадес», и т. д. и т. п. У семьи Сомосы — огромные вложения за границей.

Даже такие реакционно настроенные журналисты, как Чарлз Портер и Роберт Александер, в книге

«Борьба за демократию в Латинской Америке» признают: «Сомоса управлял страной так, как если бы это была его ферма».

Анастасио Сомоса так усердно работал на своих хозяев, что заслужил своеобразную похвалу даже у Франклина Делано Рузвельта: «Сомоса, конечно, сукин сын, но это все же наш сукин сын!» — сказал президент США.

И тем не менее в годы второй мировой войны в Никарагуа начался общедемократический подъем. В 1944 году образовалась партия никарагуанских коммунистов — Социалистическая партия. За один год она превратилась в массовую партию, располагающую своими центрами, печатью, издательством, школами по подготовке кадров. Созданный по инициативе коммунистов профсоюзный центр объединил свыше 100 тысяч трудящихся. Но открыто действовать партия могла только в течение 14 месяцев, в период демократического подъема, вызванного разгромом фашизма.

В июле 1944 года сотни матерей, сестер и жен арестованных вышли на улицу протестовать против массовых репрессий. Диктатор придумал своеобразную контрмеру: по его указанию была организована «встречная» демонстрация пьяных проституток. Так Сомоса пытался дискредитировать подъем демократического движения в стране.

В соседних с Никарагуа странах был свергнут режим кровавой диктатуры. Обстановка в самой Никарагуа накалилась настолько, что Сомоса был вынужден обещать народу не выставлять более свою кандидатуру на пост президента. Опасаясь дальнейшего подъема демократического движения, 12 января 1945 года Сомоса ввел кодекс о труде, в котором щедро обещал рабочим все, что только можно обещать на бумаге. При этом он так поверил в свое великодушие и настолько «расчувствовался», что велел воздвигнуть памятник собственной персоне. Выполнение этого приказа обошлось и без того скудной государственной казне Никарагуа в 4 миллиона кордоб.

С присущим им юмором жители Манагуа назва-

ли площадь, где бронзовый Сомоса скачет на бронзовом коне, «площадью Лошади» и распевали песенку, начинавшуюся словами:

Видно, таков уж порядок вещей,
Таков наш удел неизменный,
Что после Сандино
и после Рубена
Приходят сомосы взамен им .

В послевоенные годы репрессии против патриотов и демократов усилились. Особенно жестоким преследованиям подверглась Социалистическая партия.

В 1947 году были проведены президентские выборы. На сей раз Сомоса позволил избрать бывшего кандидата в президенты Леонардо Аргуэльо, которому тогда исполнилось 70 лет. Но, вступив в должность, престарелый Аргуэльо неожиданно отказался быть послушной марионеткой Сомосы. Стоит ли говорить, что на президентском посту Аргуэльо удержался недолго: всего 25 дней. 25 мая Сомоса окружил танками президентский дворец и, разбудив президента, сообщил ему, что он низложен.

На рассвете 26 мая был созван никарагуанский конгресс. Аргуэльо был объявлен умалишенным, и временным президентом Никарагуа был назначен дядя Сомосы Бенхамин Лакайо Сакаса. В августе 1947 года президентом был назначен другой дядя Сомосы, 80-летний Виктор Роман-и-Рейес, а в 1950 году Анастасио Сомоса вновь стал президентом Никарагуа и уже не выпускал бразды правления до 1956 года, то есть до конца своей бесславной жизни.

Что касается свергнутого президента Аргуэльо, то он дорого поплатился за свое «своеволие». Укрывшись в ночь переворота в мексиканском посольстве, он собирался гут же покинуть Никарагуа, но сомосовские власти категорически отказали ему в праве на выезд. Лишь через шесть месяцев, тяжело больной, он перебрался в Мексику. Там кое-что из его рассказов о 25 днях, проведенных на посту президента Никарагуа, просочилось в печать. При вступлении в должность и при ознакомлении с запущенными делами государства Аргуэльо больше всего поразило

то известное всем и каждому обстоятельство, что Сомоса рассматривал государственную казну как свою собственную. Например, незадолго до избрания Аргуэльо правительство Никарагуа закупило в США 100 тракторов; 98 из них обрабатывали поля обширных поместий Сомосы. Сотни людей, получавших жалование в качестве железнодорожных служащих, в действительности работали в латифундиях Сомосы.

Не удивительно, что, обнаружив у нового президента такую «любопытность», Сомоса решил объявить его невменяемым.

Тем временем Сомоса, как самый надежный из всех «надежных людей» Уолл-стрита в Латинской Америке, был главной опорой США в борьбе против демократического движения в странах Центральной Америки. В частности, он сыграл главную роль в организации контрреволюционного переворота в Гватемале в 1954 году. В том же году Сомоса заключил с США военное соглашение, еще крепче привязав Никарагуа к американской военной колеснице; при этом он изрядно нажился сам, получив большой куш за то, что согласился приобрести старое американское оружие. Алчность диктатора вошла у никарагуанцев в поговорку. Значительную часть своей собственности «Тачо» — Сомоса (наиболее ходовое из его прозвищ, означающее примерно «Подонок») приобрел, руководствуясь правилом: «При сделках я предпочитаю иметь дело со вдовами».

Террор и беспросветная нужда толкали народ Никарагуа на борьбу против ненавистного тирана. Создавались подпольные оппозиционные группы, все большее распространение получала нелегальная печать. Несмотря на особую бдительность никарагуанской полиции, в феврале 1956 года во время посещения диктатором города Леона на стенах многих домов появились рисунки, изображавшие череп со скрещенными костями. Огромные надписи гласили: «Смерть Сомосе!» Над головой тирана сгущались тучи.

В 1952 году в Сальвадор приехал скромный никарагуанский юноша Ригоберто Лопес Перес. Вна-

чале он работал механиком в радиоконпании «Виктор», а в конце года поступил на государственную службу — стал санитарным инспектором, а позднее — секретарем санитарной инспекции столицы. Этот тихий и незаметный молодой человек любил хорошую, умную книгу, сам писал стихи и даже печатался, часто посещал концерты, любил детей и мечтал жениться на скромной студентке колледжа «Эспирито Санто».

3 сентября 1956 года Ригоберто вдруг подает заявление об отставке. «По семейным обстоятельствам вынужден возвратиться в Никарагуа», — объясняет он. 15 сентября он рассылает прощальные визитные карточки друзьям...

В клубе государственных профсоюзов города Леона 21 сентября 1956 года по инициативе угодничавших перед диктатором Сомосой профсоюзных лидеров был устроен бал в честь президента по случаю его «выдвижения» в энный раз на президентский пост. Во время небольшой «торжественной части» профсоюзные боссы благодарили Сомосу за его «самоотверженный труд на благо родины», за его «самопожертвование», ибо «никак иначе его согласие вновь выставить свою кандидатуру на пост президента оценить было нельзя». Сомоса слушал эти заверения в верноподданнических чувствах и самодовольно улыбался. Затем начались танцы. Окруженный телохранителями старый ловелас уселся поудобнее, чтобы насладиться видом стройных ножек танцующих сеньорит. К столику президента медленно приближается пара: Ригоберто Перес Лопес с незнакомой девушкой. Оркестр играет медленное танго, на лице Ригоберто мучительное нетерпение: в его распоряжении всего десять минут. Через десять минут яд, который он только что проглотил, подействует и он опоздает... опоздает сделать то, что обдумывал в течение долгих месяцев, — избавить свой несчастный народ от тирана. Стрелять надо в упор, наверняка. Но музыка смолкла... танго кончилось. Неужели все пропало, не рассчитал?! Слава богу, нет: оркестр без перерыва заиграл резвый «пасодoble». Ско-

рее, скорее!.. Удивленная сеньорита, сбившись с такта, ничего не понимает. Вот, наконец, ненавистное красное от выпитого шампанского самодовольное лицо с заплывшими сальными глазками... Шесть выстрелов в упор. Три попали в цель. Охранники выхватили пистолеты... Ригоберто упал. «Он еще жив», — промелькнуло в его затуманенном мозгу. И уже лежа на полу, истекая кровью, Ригоберто сделал последний, как выяснилось позднее, смертельный выстрел в пах. Сомосу не спасли ни лучшие врачи Леона и Манагуа, куда его перевезли на военном американском вертолете, ни американские специалисты (среди которых был и личный врач президента Эйзенхауэра, генерал-майор медицинской службы Хитон), прибывшие в зону Панамского канала, куда Сомосу переправили на американском военном самолете. 29 сентября палач никарагуанского народа Анастасио Сомоса скончался.

Выстрелы Ригоберто Лопеса всполошили Вашингтон.

Североамериканские газеты, особенно те из них, которые тесно связаны с монополиями, не скупилась на проклятия по адресу народного мстителя. Компания «Юнайтед фрут», чьи интересы так ревностно защищал генерал Сомоса, требовала жестоких репрессий. Президент США Эйзенхауэр в своем соболезновании счел нужным подчеркнуть, что Сомоса «погиб от руки подлого убийцы».

«Понятно, почему Вашингтон так разъярен в связи с кончиной генерала Сомосы», — писала чилийская газета «Эль сигло». — На звездном знамени Соединенных Штатов Америки стало одной звездой меньше. От выстрелов молодого патриота Лопеса Переса задрожали все тираны, состоящие на службе у госдепартамента и североамериканских монополий».

Официальная печать Никарагуа с умилением сообщала, что мимо гроба Сомосы прошли десятки тысяч никарагуанцев. И она не лгала. Но продажные газетчики умолчали о том, что люди спешили на похороны только для того, чтобы лично убедиться в смерти диктатора. Вид поверженного убийцы вы-

зывает нескрываемую радость на лицах участников похоронной процессии.

Узнав о смерти кровавого диктатора, страна вздохнула с облегчением. Многие с трудом скрывали ликование. Жители никарагуанского города Сан-Сальвадора вышли на улицы, обнимали и поздравляли друг друга, пели песни, запускали фейерверки.

Точно такую же реакцию вызвало известие о конце диктатора Сомосы и в других латиноамериканских странах. В университете Буэнос-Айреса состоялся митинг памяти Ригоберто Лопеса Переса, отдавшего жизнь за избавление родины от тирана. На митинге выступил известный аргентинский историк и публицист Грегорио Сельсер, автор трех интересных книг о Сандино. Он закончил свое страстное выступление словами, которые были подхвачены многотысячной аудиторией:

— Сомоса убит. Да здравствует Сандино! Умер тиран. Пусть живет Освободитель!

После убийства диктатора временным президентом Никарагуа стал его старший сын Луис Сомоса.

У Анастасио Сомосы было четверо детей: два законных сына — Луис и Анастасио, один незаконно-рожденный — Хосе, и дочь Лилиан. Лилиан Сомоса вышла замуж за родственника бывшего президента Сакасы, Гильермо Севилью Сакасу, который после свадьбы был назначен «пожизненно» послом в США. Он и поныне посол Никарагуа в Вашингтоне, причем, будучи здесь «старожилом», выполняет почетную роль старшины дипломатического корпуса.

Подражая коронованным особам, президент Сомоса распорядился изобразить портрет своей дочери на денежных знаках. По молчаливому уговору, как только купюра с портретом Лилиан попадала к ним в руки, никарагуанцы подрисовывали представительнице ненавистного «царствующего семейства» усы и добавляли короткое, но хлесткое словцо «пута», что по-испански означает «потаскуха».

Анастасио Сомоса-младший был любимцем отца. Он кончил военную академию Уэст-Пойнт в США и за несколько лет до смерти родителя был назначен

начальником «национальной гвардии». Один из родственников Сомосы, Карденаль, по политическим соображениям эмигрировавший за границу, в своей книге «Почему я встал» разглашает «семейную тайну»: «У Анастасио Сомосы-младшего не все дома... это явный параноик».

Впрочем, сохранить в тайне этот прискорбный факт не удалось. Достойный отпрыск своего отца, Анастасио Сомоса-младший с первых дней проявил себя на должности начальника «национальной гвардии» как садист и изощренный палач. Так, по его приказу в застенках «национальной гвардии» была создана электроустановка, с помощью которой можно следить за физическим состоянием человека, подвергаемого пыткам, чтобы истязания не прерывались «на самом интересном месте» в связи со смертью жертвы. В народе Анастасио Сомосу-младшего называют «гориллой». Ходили слухи, что он пьет кровь своих жертв.

Старший сын Сомосы Луис еще при жизни отца был назначен председателем Национального конгресса. Составители конституции Никарагуа предусмотрели, что после смерти президента его преемником до новых внеочередных выборов автоматически становится председатель конгресса. Таким образом, Луис Сомоса 29 сентября 1956 года занял пост временного президента республики. Президентские выборы были назначены на 1 мая 1957 года.

Памятуя об излюбленных приемах покойного родителя, Луис Сомоса следующим образом организовал свое выдвижение на пост президента. Он пригласил всех делегатов предстоящего съезда либеральной партии в президентский дворец, и там, под дулами пулеметов, они услышали следующее.

«Господа делегаты съезда, — заявил временный президент. — Я не стремлюсь оставаться президентом, но, если вы на вашем съезде либеральной партии в городе Леоне будете настаивать, чтобы я согласился на выдвижение моей кандидатуры на пост президента Никарагуа, я готов принести эту жертву моему народу. Однако же имейте в виду, я сделаю это

лишь при условии, что избрание пройдет единогласно. Я хочу, чтобы за меня проголосовали все сто пять присутствующих здесь делегатов съезда и чтобы по прибытии в Леон уже не понадобилось бы никакого обсуждения. Если хоть один из вас «против», пусть поднимет руку, — в таком случае я откажусь от выдвижения своей кандидатуры».

Разумеется, охотников возражать против «великодушного» предложения, подкрепленного такими убедительными аргументами, как пулеметы, не нашлось.

Делегаты съезда либеральной партии отправились в Леон. Город, казалось, вымер: было введено осадное положение, были приняты специальные меры по охране Луиса Сомосы.

Съезд состоялся в городском театре. Не было ничего лишнего: только делегаты и охрана. Церемония выдвижения кандидата была сведена к минимуму: Луис Сомоса произнес краткую речь, его кандидатуру «выдвинули», он согласился — и делу конец! Все это продолжалось не более часа, и президент тут же отбыл в Манагуа.

«Победа» досталась Луису Сомосе без труда. Он набрал 450 тысяч голосов. Например, в местечке Блуфф, все население которого, включая детей, составляло 158 человек, за Сомосу было подано.. 503 голоса! И так повсюду. Даже выдавшая виды Никарагуа не знала такой фальсификации выборов, на какую из страха перед свободным волеизъявлением народа пошел Луис Сомоса. Однако страх перед народом имел под собой вполне реальные основания...

Несмотря на жестокий террор и преследования, передовые силы никарагуанского общества готовились к решительным действиям.

Д О П О Б Е Д Ы...

Никарагуа наших дней — такая же экономически отсталая, нищая страна, какой она была 30 лет назад. Побывавшие в Никарагуа в 1961 году репортеры западногерманского журнала «Штерн» пишут:

«Эксплуатация и коррупция, нищета и чахотка —

вот что мы видели. Сомоса и его сообщники могут безнаказанно истязать, убивать, бросать арестованных в клетки со львами: ведь Сомоса — президент. Палачи одеты в форму. А все, что идет сверху, узаконено».

Более половины никарагуанцев никогда в жизни не носили обуви, две трети жителей неграмотны. Средний доход на душу населения составляет менее 150 долларов в год.

Решающее влияние на государственные дела оказывают помещики — главная опора диктатуры Сомосы, диктатуры, которая носит ярко выраженный колониальный характер и, следовательно, даже при желании не в силах решить ни одной из стоящих перед страной задач.

Буржуазные партии Никарагуа крайне реакционны; они безропотно наблюдают, как североамериканский империализм прибирает к рукам народное достояние. Правящая либеральная партия — послушное орудие госдепартамента, а «оппозиционеры» —

консерваторы в итоге выполняют точно такую же незавидную роль, как и их политические «противники».

Падение диктатуры Батисты на Кубе и победа кубинской революции послужили толчком к открытому выступлению. Как когда-то кубинских патриотов вдохновляла эпопея Сандино (не случайно Фидель Кастро сделал знаменем своей революционной организации «Движение 26-го июля» красно-черное знамя Сандино), так сегодня патриотов Никарагуа зовет пример Кубы.

В мае 1959 года Комитет гражданских действий, объединивший оппозиционные силы Никарагуа, направил диктатору Сомосе меморандум, в котором содержалось требование уйти с поста, не дожидаясь истечения срока президентских полномочий (то есть 1963 года).

1 июня 1959 года в Манагуа началась всеобщая забастовка протеста. Это была самая крупная забастовка со времени прихода Луиса Сомосы к власти. В этот день были закрыты большинство банков, магазинов и учреждений, прекратили работу и трудящиеся и предприниматели. Одновременно в департаментах Чонталес, Леон, Матагальпа и в других районах страны группы повстанцев начали вооруженную борьбу.

Главкомандующий вооруженными силами Анастасио Сомоса-младший бросил против повстанцев войска и полицию, усилил репрессии против населения. Прокатилась новая волна арестов. Но борьба ширилась. В стране был создан «Единый фронт Никарагуа». В воззвании «Фронта» говорилось: «У нас достаточно оснований, чтобы утверждать, что нынешняя борьба никарагуанских патриотов приведет к вооруженной борьбе всего народа».

В конце 1960 года в Никарагуа произошло антиправительственное вооруженное восстание. В том же году находящаяся в глубоком подполье Социалистическая партия Никарагуа провела свой VII национальный съезд. Тщательно проанализировав матери-

альные и объективные условия освободительной борьбы и соотношение сил, приняв во внимание решимость империалистов и госдепартамента США поддерживать своего ставленника в Никарагуа, обстоятельно изучив обстановку в стране и международное положение, VII съезд пришел к следующим выводам: «Без вооруженного восстания народа, возглавляемого и руководимого независимой партией рабочего класса Никарагуа, освободительная революция невозможна». Вооруженное восстание должно быть подготовлено агитационной и организационной работой среди масс. Нужно добиваться сочетания мирных выступлений с вооруженными революционными действиями.

Национальный съезд осудил политический авантюризм и стремление некоторых эмигрантских кругов сделать из революции своего рода постоянное ремесло.

В Никарагуа ширится борьба за мир. Десятки рабочих профсоюзов и молодежных организаций откликнулись на призыв коммунистов бороться против поджигателей новой войны. Необходимостью этой борьбы все более проникаются и непролетарские слои населения.

Одним из проявлений растущего демократического движения явилось создание в Никарагуа нескольких мелкобуржуазных партий. Благодаря усилиям коммунистов и Партии республиканской мобилизации в начале 1962 года удалось создать демократический фронт оппозиции диктатуре — «Фронт национальной оппозиции». Объединить пять мелкобуржуазных партий было нелегко, но опыт убедил массы, что только объединение всех прогрессивных сил может привести к свержению ненавистной диктатуры.

В последние годы все большую роль в общественной жизни Никарагуа стало играть молодежное движение. Удалось создать молодежный союз — «Национальный фронт революционной молодежи», в который входят четыре молодежные организации. Наиболее энергично действуют организации «Социалистическая молодежь» и «Патриотическая моло-

дежь». Несмотря на преследования руководителей никарагуанской молодежи в связи с их деятельностью в поддержку Кубы, никарагуанская молодежь все активнее включается в освободительную антиимпериалистическую борьбу.

В настоящее время в стране успешно действует «Фронт национального освобождения Никарагуа». Вооруженные силы «Фронта» носят название «Вооруженных сил сандинистов». Организация повстанческой молодежи называется «Революционным фронтом имени Сандино». Они действуют там же, где воевали партизаны Сандино — в Сеговии (департаменты Хинотега, Матагальпа, Новая Сеговия и Эстели). Это вооруженный авангард никарагуанского народа. В рядах «Фронта» объединились рабочие, крестьяне и студенты. С конца 1962 года «Фронт национального освобождения Никарагуа» и его вооруженные силы активизировали свои действия.

Программа «Фронта» такова:

1) Освобождение Никарагуа от экономического и политического господства североамериканских монополий.

2) Уничтожение тирании семьи Сомосы и «национальной гвардии».

3) Передача земли крестьянам.

4) Индустриализация страны.

5) Создание на основе «Фронта» правительства национального единства.

Сын крестьянина Сантос Лопес когда-то, 12-летним мальчишкой, пришел в лагерь Сандино. Познакомившись с «новобранцем», Сандино дал ему первое задание — носить воду: Сантос Лопес стал водоносом. Потом его назначили связным, а когда подрос, дали в руки винтовку. За несколько лет деревенский паренек Сантос проделал путь от рядового бойца до прославленного полковника партизанской армии. Сантос Лопес много раз был ранен в бою, сотни раз доказал свою беззаветную преданность делу освобождения родины. Сегодня Сантос Лопес — один из руководителей партизанского движения, которое с честью несет вперед знамя Сандино.

Одним из организаторов и руководителей повстанческого движения в сегодняшней Никарагуа был бывший соратник Сандино генерал Рамон Раудалес, погибший в бою против жандармов Сомосы в 1959 году.

Борьба против диктатуры принимает самые различные формы, проявляется в большом и в малом. Однажды в Никарагуа был объявлен конкурс на лучшее стихотворение, воспевающее Сомосу. Когда жюри конкурса пожелало вручить первую премию победителю, то оказалось, что под девизом скрывался анонимный автор. Присмотревшись внимательнее к стихотворению, удостоенному первой премии, члены жюри обнаружили, что при чтении по вертикали первых букв каждой строки получилось «Augusto Cesar Sandino».

Это стремление никарагуанцев найти хотя бы какой-нибудь способ упомянуть запрещенное, но отнюдь не забытое имя Сандино, можно наблюдать ежедневно, повсюду.

Вот еще один маленький, но любопытный пример: никарагуанские женщины стали называть «сандино» обычные заколки для волос. Трудно объяснить, как получилось, что, войдя в галантерейный магазин, никарагуанка просит отпустить ей не «пренсатор», а «сандино»... Но «неологизм», новое слово, созданное народом в стихийном процессе словотворчества, — неоспоримая деталь никарагуанского быта, имеющая не только (или не столько) языковой, сколько политический смысл.

Правда, кое у кого с именем Сандино связаны самые мрачные воспоминания. Когда супруга никарагуанского посла в Вашингтоне Лилиан (урожденная Сомоса) узнала, что, по подсчету врачей, она должна родить 21 февраля, то есть в день годовщины смерти Сандино, были подняты на ноги все светила медицинского мира столицы, чтобы задержать или ускорить роды хотя бы на одни сутки. Суеверный страх семьи Сомоса перед Сандино так велик, что не ослабевает даже с годами (вышеупомянутый случай относится к 1948 году).

Все более широкие массы никарагуанского народа принимают участие в антиимпериалистической борьбе. Учитывая размах революционного движения, диктатор Луис Сомоса не рискнул в 1963 году «перезабраться» на пост президента. 3 февраля 1963 года президентом Никарагуа стал Рене Шик — бывший личный секретарь диктатора Сомосы и доверенное лицо наследников диктатора. Однако такая «демократизация» сверху не сможет остановить борьбу никарагуанских патриотов за свободу, поскольку по существу в Никарагуа пока все осталось по-старому.

Летом 1964 года исполнилось 20 лет существования и борьбы Никарагуанской социалистической партии, партии коммунистов. В приветствии Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза говорится:

«В тяжелых условиях борьбы в подполье Никарагуанская социалистическая партия сложилась в передовой марксистско-ленинский отряд рабочего класса и всего трудового народа. Она стала душой и организатором борьбы народных масс против диктаторского режима и империалистического засилья, за свободу и независимое развитие своей родины. Связанная узами тесной дружбы и сотрудничества с братскими коммунистическими партиями, Никарагуанская социалистическая партия последовательно выступает за сплочение мирового коммунистического движения на основе великих принципов марксизма-ленинизма, священных для интернационалистов всех стран».

Главные движущие силы назревающей революции — крестьяне, рабочие, студенты. Сплочение этих сил в единый фронт пока только началось, но недалек тот час, когда Никарагуа, страна озер и вулканов, край поэтов и партизан, обретет подлинную независимость и свободу.

Борьба народов за освобождение потребует много крови и жертв, но иного пути, чем путь борьбы, у никарагуанского народа нет — это понял Аугусто Сандино, это все больше и больше понимают сегодня обездоленные никарагуанские крестьяне, индейцы,

мулаты, негры, которые свято хранят память о своем человеческом и беспощадном «народном генерале».

Когда-то, в 1933 году, никарагуанский скульптор Роберто де ла Сельва отлил из бронзы бюст Сандино с надписью «1926—1933» и подарил его родному городку героя — Никоноомо. Сохранить скульптуру после гибели Освободителя, в обстановке жесточайших политических репрессий, не удалось. Ее приобрел и увез к себе в Мексику один мексиканский дипломат.

По отзывам очевидцев, талантливому скульптору удалось показать сложный характер Сандино — человека беспримерной храбрости, подчас беспощадного, но бесконечно любившего свой народ. Никарагуанцы уверены, что настанет день, когда, освобожденные от оков колониального рабства, они произнесут имя своего героя во весь голос и, так же как венесуэльцы — своему Боливару, аргентинцы — Сан-Мартину, уругвайцы — Артигасу, бразильцы — Тирадентесу, а чилийцы — О'Хиггинсу, воздвигнут памятник герою на площадях своих городов.

Сандино нет в живых, он погиб от предательской руки палача, но он жив и поныне.

— Жив в победе кубинской революции.

— Жив в трудной борьбе, которую ведут против угнетателей янки мужественный народ маленькой Панамы и патриоты Колумбии.

— Жив в героической борьбе партизан Венесуэлы, начертавших на своем желто-бело-красном знамени его бессмертные слова: «Nacer la patria libre o morir» — «Сделать родину свободной или умереть!»

— Жив в рабочих забастовках, крестьянских выступлениях, студенческих волнениях, охвативших весь латиноамериканский континент.

Гостивший в конце 1963 года в Москве известный мексиканский писатель-публицист Хавьер Кампос Понсе, автор книги «Янки и Сандино» (Мехико, 1962), из которой мы взяли много интересных сведений, узнав о предстоящем выходе в Советском Союзе книги, посвященной национальному герою Никарагуа, написал ее автору следующее:

«Сандино поднял попранное и поруганное чужеземными солдатами знамя Никарагуа, знамя подлинного патриотизма и свободы. Это знамя — символ героизма для всех народов, для народа Никарагуа и Мексики, Панама и Занзибара, Вьетнама и Конго, Греции и Турции, Японии, Пуэрто-Рико, Венесуэлы, Колумбии, Анголы. для всех стран, где чужеземные солдаты, будь то вчера или сегодня, в мундире или в штатском, одним фактом своего присутствия оскорбляли и оскорбляют национальные чувства народа... И в свете последних событий еще более величественным становится образ Сандино»

Сандино стал знаменем национально-освободительного движения всей Латинской Америки.

Его слова «Вперед, только вперед!», «Свобода или смерть!», «Родина и свобода!» стали девизом всех борющихся латиноамериканских народов.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АУГУСТО СЕСАРА САНДИНО

- 1895, 18 мая* — В Никиноомо (департамент Масайя, Никарагуа) родился Аугусто Сесар Сандино.
- 1921* — Сандино эмигрирует в Гондурас, где работает на плантациях «Юнайтед фрут компани».
- 1924* — Сандино переезжает в Мексику (Тампико). Работает механиком. Участвует в борьбе профсоюзов.
- 1926, 2 мая* — Восстание либералов.
- 7 мая* — Американские войска начинают оккупацию Никарагуа.
- 15 мая* — Сандино покидает Мексику и возвращается в Никарагуа.
- 19 октября* — Сандино и 29 рабочих приска Сан-Альбино восстают и присоединяются к восставшим либералам.
- 2 ноября* — Сандино и его отряд участвуют в первом сражении.
- 1927, 7 мая* — Либералы совершают предательство, войска капитулируют, в стране устанавливается режим военной оккупации.
- 12 мая* — Сандино объявляет соглашение с американцами незаконным и поднимает знамя восстания.
- 18 июня* — Опубликование первого обращения Сандино с призывом: «Родина и свобода!»
- 1928, июль* — Анри Барбюс опубликовал письмо, в котором называл Сандино «генералом свободных людей».
- 1929, июнь — 1930, май* — Пребывание Сандино в Мексике.
- 1931, апрель* — Поход Сандино на атлантическое побережье Никарагуа.
- 1932, 7 ноября* — «Избрание» Хуана Сакасы президентом Никарагуа.
- 1933, 2 января* — Эвакуация войск США из Никарагуа.
- 23 января* — Заключение перемирия между армией Сандино и правительственными войсками.
- 3 февраля* — Подписание «пакта мира» между армией Сандино и правительством Никарагуа.
- 1934, 21 февраля* — Злодейское убийство Сандино.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Гонионский С. А., Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. Глава «Никарагуа», стр. 269—279. М., 1964.

Гонионский С. А., Новые книги о легендарном генерале Сандино. «Новая и новейшая история» № 4, 1963.

Гонионский С. А., Полководец свободных людей. «Новое время» № 5, 1958.

Зубок Л. И., Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна 1900—1939 гг. М.—Л., 1948. IX глава — «Интервенционистская политика Соединенных Штатов в Никарагуа», стр. 364—390.

Ларин Н. С., Из истории освободительной борьбы народа Никарагуа против вооруженной интервенции США в 1927—1933 годах. «Вопросы истории» № 8, 1961.

Alexander A., Sandino. Relato de la Revolución en Nicaragua. Santiago de Chile, 1937.

Beaulac W. L., Embajador de Carrera. Buenos-Aires, 1957.
Belausteguigoitia R., Con Sandino en Nicaragua. Madrid, 1934.

Bolaños A. G., Sandino el Libertador. Mexico, 1952.

Bolanos A. G., Un lombrosiano Somoza. Guatemala, 1945.

Campos Ponce X., Los yanquis y Sandino. Mexico, 1962.

Cardenal L. G., Mi rebelion (la dictatura de los Somoza). Mexico, 1961.

Cummins L., Quijote on a Burro. Sandino and the marines, a study in the formulation of foreign policy. Mexico, 1958.

De la Selva, M., Nicaragua. Mexico, 1954.

Emerson E., Hoover and his Time. New-York, 1932.

Krehm W., Democracia y Tiranias en el Caribe. Mexico, 1947.

Maraboto E., Sandino Ante el Coloso. Mexico, 1930.

Munro D., The United States and the Caribbean Area. Boston, 1934.

Portes Gil E., Quince Anos de Política Mexicana. Mexico, 1942.

Ramirez S. C., Ultimas dias de Sandino. Mexico, 1939.

Romero R., Sandino y los yanquis. Mexico, 1961.

Romero R., Somoza, asesino de Sandino. Mexico, 1959.

- Saenz V., Rompiendo cadenas. Mexico
Salvatierra S., Sandino o La Tragedia de un Pueblo.
Madrid, 1934.
- Selser G., El pequeno ejercito loco. Habana, 1960.
- Selser G., Sandino, general de hombres libres. Buenos-Aires,
1959.
- Stimson H. L., American Policy in Nicaragua. New-York,
1937.
- «The United States and Nicaragua. A survey of the relations
from 1909 to 1932». Washington, 1932.

СОДЕРЖАНИЕ

К советскому читателю	5
От автора	7
<i>Глава первая.</i> Янки в Никарагуа	9
<i>Глава вторая.</i> Либералы против консерваторов	23
<i>Глава третья.</i> Под красно-черным знаменем	33
<i>Глава четвертая.</i> Родина и свобода!	49
<i>Глава пятая.</i> В Мексике	81
<i>Глава шестая.</i> «Вперед, только вперед!»	92
<i>Глава седьмая.</i> «Я хочу видеть свою родину свободной или умереть»	110
<i>Глава восьмая.</i> После расправы	134
<i>Глава девятая.</i> До победы.. . . .	146
Основные даты жизни и деятельности Аугусто Сесара Сандино	154
Краткая библиография	155

Гонионский Семен Александрович

САНДИНО. М., «Молодая гвардия», 1965.

160 с., с илл. («Жизнь замечательных людей»,
Серия биографий. Вып. 11(406.).

9(И)7

Редактор *М. Брухнов*

Художник *Ю. Аридт*

Худож. редактор *А. Степанова*

Техн. редактор *А. Бугрова*

А04344 Подп. к печ. 20/II 1965 г. Бум. 84×108¹/₃₂.

Печ. л. 5(8,4) + 10 вкл. Уч.-изд. л. 7,5.

Тираж 70 000 экз. Заказ 2269. Цена 40 коп.

Т П. 1964 г., № 285.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая
гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

Серия биографий

КНИГИ 1964 ГОДА:

- 1(376). **В. Прибытков** — ИВАН ФЕДОРОВ.
- 2(377). **Н. Пицык** — БОГОМОЛЕЦ.
- 3(378). **А. Аникст** — ШЕКСПИР.
- 4(379). **А. Моруа** — ФЛЕМИНГ.
- 5(380). **М. Спендиарова** — СПЕНДИАРОВ.
- 6(381). **М. Герман** — ДАВИД.
- 7(382). **В. Носова** — КОМИССАРЖЕВСКАЯ.
- 8(383). **А. Турков** — САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН.
- 9(384). **В. Архангельский** — НОГИН.
- 10(385). **И. Кунин** — РИМСКИЙ-КОРСАКОВ.
- 11(386). **Б. Поршнева** — МЕЛЬЕ.
- 12(387). **М. Беленький** — СПИНОЗА.
- 13(388). **И. Ермашев** — СУНЬ ЯТ-СЕН.
- 14(389). **Л. Визен** — ХОСЕ МАРТИ.
- 15(390). **Л. Островер** — ПЕТР АЛЕКСЕЕВ.
- 16(263). **М. Мендельсон** — МАРК ТВЕН. 3-е издание.
- 17(391). **А. Левандовский** — ДАНТОН.
- 18(392). **Б. Кремнев** — ШУБЕРТ.
- 19(393). **С. Синельников** — КИРОВ.
- 20(394). **Е. Нилов** — ЗЕЛИНСКИЙ.
- 21(395). **А. Штекли** — ДЖОРДАНО БРУНО.
- 22(396). Сборник — ЗА НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ. Герои 1863 года.
- 23(397). **М. Витин** — БЕЛОЯННИС.
- 24(269). **Н. Богословский** — ТУРГЕНЕВ. 3-е издание.

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

Серия биографий

КНИГИ 1965 ГОДА:

(выйдут в свет в 1-м полугодии)

- 1(398). **В. Порудоминский** — ПИРОГОВ.
- 2(399). **В. Канивец** — КАРМАЛЮК.
- 3(400). **М. Колесников** — ЛОБАЧЕВСКИЙ.
- 4(357). **Л. Гроссман** — ДОСТОЕВСКИЙ. 2-е издание.
- 5(350). **А. Моруа** — ТРИ ДЮМА. 2-е издание.
- 6(401). **И. Можейко** — АУН САН.
- 7(402). **Н. Муравьева** — БЕРАНЖЕ.
- 8(403). **М. Яновская**. — КАРЛ ЛИБКНЕХТ.
- 9(404). **Л. Гумилевский** — ЗИНИН.
- 10(405). **В. Шкловский** — ФЕДОТОВ.
- 11(406). **С. Гонионский** — САНДИНО.
- 12(407). **С. Дурылин** — НЕСТЕРОВ.
- 13(408). **Э. Людвиг** — ГЁТЕ.
- 14(409). **Г. Марягин** — ПОСТЫШЕВ.
- 15(410). **Л. Осват** — ГАРСИА ЛОРКА.

НИКАРАГУА ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ 1927 - 1934 гг.

Масштаб
0 10 20 30 40 50 70 км

